

ТЕЧЕНИЕ АКМОНА

АНТОЛОГИЯ БРИТАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

- [Эрик Фрэнк Рассел](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
-

Эрик Фрэнк Рассел
Неизвестное устройство

Государственный научно-исследовательский центр, самое сердце научных усилий страны, находился в огромном грозном здании, огромном и грозном даже по стандартам двадцатого столетия. В сравнении с ним форт Кнокс и Алькатраз, Бастилия и Кремль были пограничными бревенчатыми фортами. Но все же и он был уязвим. Вражеские глаза усердно изучали то малое, что можно было видеть. Вражеские умы старательно обдумывали то малое, что было о нем известно, и после такого изучения все место становилось менее безопасным, чем изъеденная молью палатка.

Внешняя стена возвышалась на сорок футов над землей, погружалась в землю на тридцать футов и была толщиной в восемь футов. Она была сделана из гранитных блоков, покрытых гладким как шелк алюминиевым цементом. На глади стены не было выбоинки даже для того, чтобы за нее могла зацепиться нога паука. Под основанием стены, на глубине тридцати шести футов, располагалась задублированная чувствительная микрофонная система, рассчитанная на пресечение попыток человеческих кротов проникнуть внутрь. Те, кто проектировал эту стену, были твердо уверены, что фанатики способны на все и что ни одна из принятых ими мер не является перестраховкой.

В огромной квадратной стене были всего две бреши: маленькая узкая дверь на лицевой стороне, служившая для входа и выхода персонала, и большие ворота с задней стороны, через которые грузовики привозили необходимые запасы и вывозили готовую продукцию и отходы. Обе бреши были защищены тремя сорокатонными дверями из стали, массивными, как двери морского дока. Они действовали автоматически и не могли оставаться открытыми одновременно. Каждая охранялась своим взводом охраны. Команда охраны состояла из здоровенных, грубых мужчин с суровыми лицами; те, кто имел с ними дело, считали, что они выбраны для этой работы благодаря их подозрительному нраву и воинственной натуре.

Выход из этого места был более легок, чем вход. Выходящий, обязательно снабженный пропуском на выход, единственное, что терпел, — это задержку перед каждой дверью; задержка эта происходила из-за того, что, пока одна дверь не закроется, другая не откроется.

Движение в обратном направлении, то есть внутрь, было просто безумием. Если служащий был хорошо известен охранникам, то его при входе ожидала только задержка на открытие дверей и довольно быстрые проверки пропуска, который периодически менялся. Это было обычной процедурой.

Но для незнакомца проверка была серьезной, невзирая на то, какой бы важный пост ни занимал незнакомец или какие бы авторитетные документы он ни предъявлял. Ему приходилось выдерживать долгое и подробнейшее собеседование с первой группой охранников. Если что-либо в его ответах не нравилось охранникам или они были просто не в том настроении, чтобы поверить, посетитель подвергался доскональному обыску, который включал в себя изучение даже естественных отверстий входящего. Любой найденный предмет, который охрана рассматривала как подозрительно излишний, неразумный, необъяснимый или просто не относящийся к визиту, конфисковывался, несмотря на протесты, и возвращался владельцу только при выходе.

Но это был только первый этап. Второй эшелон охраны специализировался на том, чтобы обнаружить то, что не сумел обнаружить первый. Они не преуменьшали значения обыска, произведенного первым эшеленом, но настаивали на втором, собственном обыске. Этот обыск мог включать в себя снятие зубопротезных мостов и изучение полости рта; эта тактика была введена после изобретения передающих телекамер величиной в полсигареты.

Третий эшелон охраны состоял из хронических скептиков. Эти охранники имели привычку задерживать любого незнакомца и проверять с первым и вторым эшелонами, был ли ему задан тот или иной вопрос, и если был, то какой ответ получен. Они также ставили под сомнение каждый ответ, бросая тем самым тень на добросовестность своих коллег. Полный отчет о первых двух произведенных обысках поступал также сюда, и любой промах в технике обыска здесь исправлялся. Даже если этого человека приходилось снова полностью раздеть. Охранники третьего эшелона имели в своем распоряжении — правда, редко использовали, — такие серьезные приборы, как рентгеновские установки, детектор лжи, ультразвуковые камеры, устройство для проверки отпечатков пальцев и так далее.

Огромная защитная стена, окружавшая центр, надежно хранила все, что находилось за ней. Отделы, цеха, лаборатории были строго отделены друг от друга стальными дверями и упрямыми охранниками, которые не допускали прохода из одной части центра в другую. Каждый такой отсек был обозначен своим цветом, в который в нем были выкрашены все стены и двери; чем выше в спектре располагался цвет, тем выше секретность данного подразделения и тем выше приоритет этого отдела.

Работники желтого отсека не могли пройти в голубой. Работники голубого отсека могли пойти «полировать пол», как они это называли, в желтый отсек или другой, имеющий более низкий приоритет, но им было строжайше запрещено совать нос за красные двери.

Но даже охранники не могли пройти за черные двери без формального приглашения с той стороны. Только люди черного сектора, президент да сам Бог Всемогущий могли свободно ходить по всей территории центра.

По всему этому лабиринту была разбросана сеть проводов, спрятанных в стенах, дверях, а в некоторых местах и в потолках. Провода были соединены с сигнальными огнями и сиренами, с устройствами блокировки дверей, с микрофонами и телекамерами. Всякое подглядывание и подслушивание велось специалистами черной секции. Вновь прибывшие люди привыкали к тому, что даже в туалете их постоянно видели и подслушивали, потому что где найти лучшее место, чем эта маленькая кабинка, чтобы скопировать, сфотографировать или заучить секретные данные.

Все эти труды, изобретательность и расходы были бесполезны с точки зрения внешнего и враждебного взгляда. На самом деле все это было настоящим Сингапуром, открытым для атаки с невидимой и неожиданной стороны, если, конечно, во всех этих тщательно продуманных предосторожностях не проглядели очевидного.

И несмотря на хитрости и предосторожности, очевидное было упущено. Люди, стоящие высоко на лестнице научного центра, были блестящими специалистами, но каждый в своей области, и полные невежды в других областях. Главный бактериолог мог часами рассказывать о новом вирусе, но понятия не имел, сколько спутников у Сатурна. Главный баллистик мог быстро нарисовать сложнейшую траекторию движения тела, но не мог сказать, к какому классу относится опоссум — к лошадям, оленям или жирафам. Все предприятие было напичкано высококвалифицированными специалистами, но там не было лишь одного, такого, который мог бы понять намеки, которые становились уже очевидны.

Например, никто не придавал значения тому факту, что, если служащие смирились с постоянным подслушиванием, подсматриванием и периодическими обысками, большинство из них ненавидели эту цветную систему. Цвет стал символом престижа. Служащие желтого отдела считали себя обделенными по сравнению со служащими голубого отдела, хотя и те и другие получали одинаковое жалованье. Человек, работающий за красными дверями, считал себя на голову выше, чем человек, работающий за белыми. И так далее.

Женщины, которые всегда были наиболее чувствительным элементом общества в

социологическом плане, раздули это еще сильнее. Женщины-служащие и жены работников в своих связях твердо придерживались цветового принципа. Жены работников черного отдела считали себя выше остальных и гордились этим, а жены работников белого отдела считали себя ниже и негодовали. Сладкая улыбка, воркующий голос и в то же время по-кошачьи выпущенные коготки были у них нормальной формой приветствия.

Такое положение дел было принято всеми и рассматривалось просто как заведенный порядок. Но порядок этот был далеко не прост и являлся прямым доказательством, что в центре работают обычные люди, а не стальные роботы. Отсутствующий специалист — грамотный психолог — увидел бы это с первого взгляда, даже если бы и не мог отличить систему навигации ракеты от системы наведения той же ракеты.

Вот здесь-то и лежала главная слабость. Не в бетоне, граните или стали, не в механизмах или электронных устройствах, не в порядке, не в предосторожностях, не в бумажных делах, а просто в плоти и крови.

Отставка Хаперни принесла больше раздражения, чем тревоги. Сорока двух лет, темноволосый, склонный к полноте, он был специалистом по глубокому вакууму. Все, кто его знал, считали его умным, работающим и спокойным, как гипсовая статуя. Насколько было известно, его ничто не интересовало, кроме его работы, ничто не беспокоило, кроме его работы. То, что он был холостяк, рассматривалось как доказательство, что его ничто не отвлекает от его основной работы.

Байтс, начальник отдела, и Лейдлер, начальник охраны, вызвали его для собеседования. Они сидели рядом за большим письменным столом, когда Хаперни, шаркая ногами, вошел в кабинет и мигая уставился на них сквозь толстые стекла очков. Байтс взял из стопки лист бумаги и положил его перед собой.

— Мистер Хаперни, я только что получил вот это. Ваше прошение об отставке. В чем дело?

— Я хочу уйти, — ответил Хаперни.

— Почему? Вы нашли себе лучшее место где-нибудь еще? Мы должны это знать.

Хаперни начал переминаясь с ноги на ногу. Вид у него был довольно несчастный.

— Нет, я не нашел еще другой работы. Да я и не искал. Пока что нет. Может быть, потом.

— Тогда почему вы решили уйти? — спросил Байтс.

— С меня довольно, — сказал Хаперни смущенно и взволнованно.

— Довольно? — скептически переспросил Байтс. — Довольно чего?

— Работать здесь.

— Давайте говорить прямо, — настаивал Байтс, — мы вас ценим. Вы работаете здесь уже четырнадцать лет. До сих пор вы, казалось, были довольны. Ваша работа считалась первоклассной, и никто никогда не критиковал ее или вас. Если вы будете продолжать в том же духе, то обеспечите себя до конца своих дней. Вы действительно хотите отказаться от выгодной и интересной работы?

— Да, — подтвердил Хаперни.

— И ничего не имеете лучшего в перспективе?

— Именно так.

Откинувшись на спинку стула, Байтс задумчиво уставился на него.

— Знаете, о чем я подумал? Вам стоит показаться врачу.

— Я не хочу, — ответил Хаперни. — Более того, мне это не надо и я не буду этого делать.

— Врач может просто определить, что вы страдаете от истощения нервной системы в результате того, что много и упорно работаете. Он, вероятно, просто порекомендует вам долгий и полный отдых, — не сдавался Байтс. — Вы сможете тогда взять оплачиваемый отпуск.

Поехать куда-нибудь в спокойное местечко, порыбачить, и в положенное время вы вернетесь такой же блестящий, как миллион долларов.

— Я не интересуюсь рыбалкой.

— Какой же черт вас тогда интересуется? Что собираетесь делать после того, как уйдете отсюда?

— Поеду куда глаза глядят, попутешествую немного. Я хочу быть свободным и ехать куда хочу.

Нахмурившись, вступил Лейдлер:

— Вы хотите выехать из страны?

— Не сразу, — ответил Хаперни.

— Из вашего персонального дела видно, что вы еще ни разу не запрашивали заграничного паспорта, — продолжал Лейдлер. — Я должен вас предупредить, что придется ответить на много нескромных вопросов, если вы вдруг запросите паспорт на выезд. Вы были допущены к информации, которая может быть полезна врагу. Правительство не может игнорировать этот факт.

— Вы хотите сказать, что я намереваюсь торговать этой информацией? — спросил Хаперни, слегка покраснев.

— Совсем нет. По крайней мере, ни при этих обстоятельствах, — горячо заявил Лейдлер, — на данный момент ваша репутация безупречна. Никто не сомневается в вашей преданности. Но...

— Что «но»?

— Обстоятельства могут измениться. Парень, который просто ездит по стране, без работы, без каких-либо источников доходов, в конце концов оказывается перед финансовой проблемой. И тогда он получит свой первый опыт в испытании бедностью. Его принципы начнут меняться. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Я найду работу когда-нибудь, где-нибудь, когда я буду для этого готов и здоров.

— Ах так! — вмешался опять Байтс, ехидно подняв брови. — Как вы думаете, что скажет босс, к которому вы обратитесь с вопросом, не нужен ли ему специалист по глубокому вакууму?

— С моей квалификацией я могу и мыть посуду, — заметил Хаперни. — Если вы не возражаете, я бы хотел решать свои проблемы сам, на свой манер. Это ведь свободная страна, не так ли?

— Мы просто хотим внести ясность, — с угрозой в голосе сказал Лейдлер.

Байтс глубоко вздохнул и решил:

— Если парень настаивает на том, чтобы стать сумасшедшим, то мне его не остановить. Так что я принимаю его отставку и передаю его дело в штаб-квартиру. Если они решат, что его надо пристрелить до рассвета, это будет на их совести, — он махнул рукой. — Хорошо, идите, я все сделаю.

Когда Хаперни вышел, Лейдлер сказал:

— Ты заметил его лицо, когда ты сказал, что его надо пристрелить до рассвета? Мне оно показалось чересчур напряженным. Может быть, он чего-то боится?

— Воображение, — возразил Байтс. — Я видел его в этот момент, он выглядел вполне нормально. Я думаю, что он просто поддался естественному зову природы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он просто задержался в сексуальном развитии, а сейчас созрел. Даже в сорок два не поздно заняться тем, чем занимаются в юности. Бьюсь об заклад, что он пустился отсюда во весь галоп, как разгоряченный бык. И так и будет скакать, пока не наткнется на подходящую

самку. Тогда он ею воспользуется по прямому назначению, остынет и захочет вернуться на свою работу.

— Возможно, ты и прав, — согласился Лейдлер, — но я бы на это свои деньги не ставил. Я нутром чую, что его что-то беспокоит. Хорошо бы узнать, что тому причиной.

— Не тот тип, чтобы волноваться, — заверил его Байтс. — Никогда таким не был и никогда не будет. Все, что он хочет, это повалиться с кем-нибудь на сене. А против этого нет закона, не так ли?

— Иногда я думаю, что такой закон не мешало бы принять, — загадочно возразил Лейдлер. — Во всяком случае, когда высококвалифицированные специалисты вдруг впадают в лирику, я не могу рассматривать это просто как начало брачного сезона. Здесь могут быть более глубокие причины. Нам надо знать о них.

— И что?

— За ним надо вести наблюдение до тех пор, пока мы не убедимся, что он не нанесет никакого вреда и не намерен это сделать в будущем. Пара агентов из контрразведки потаскается за ним это время. Это, правда, стоит денег.

— Не из твоего же кармана, — заметил Байт.

— Конечно, нет.

— Так что волноваться?

Новость об отставке Хаперни растеклась по центру, но обсуждалась как бы между прочим. В столовой Ричард Брансон, металлург из зеленого отдела, упомянул об этом своему сослуживцу Арнольду Бергу. В дальнейшем они будут участниками весьма таинственных событий, но тогда ни один из них об этом еще и не подозревал.

— Арни, ты слышал, что Хаперни собрался слинять?

— Да, он сам мне об этом сказал несколько минут назад.

— Гм, неужели задержка с результатами по его тематике настолько выбила его из колеи? Или, может, ему где-нибудь предложили большие деньги?

— Нет, — возразил Берг. — Он сказал, что устал от режима и хочет какое-то время пожить свободно. В нем просто проснулся цыган.

— Странно, — пробормотал Брансон. — Он никогда не казался мне непоседой. Всегда выглядел неподвижным и прочным, как скала.

— Да, он никогда не производил впечатления бродяги, — согласился Берг. — Но ты же знаешь, недаром говорят: чужая душа потемки.

— Может быть, ты и прав. Я сам иногда устаю от их порядков. Но уж, конечно, не настолько, чтобы бросить хорошую работу.

— Тебе надо содержать жену и двух потомков. А Хаперни одинок. Он может делать все, что вздумается. Если он хочет поменять занятие научной работой на уборку мусора, я могу пожелать ему только удачи на новом поприще. Кто-то должен и помои убирать, а то мы все в них утонем. Ты об этом не думал?

— Я занят более серьезными проблемами, — уклончиво ответил Брансон.

— Ничего, спустишься с небес на землю, если твой задний двор будет тонуть в помоях, — пообещал Берг.

Проигнорировав последнее замечание, Брансон сказал:

— Хаперни зануда, но не дурак. У него тугодумная, но блестящая голова. Если уж он уходит, то это, несомненно, по стоящей причине, но он достаточно умен, чтобы не афишировать эту причину.

— Например, какую?

— Не знаю. Могу только догадываться. Может, он нашел себе работу где-нибудь в другом государственном центре, но ему велели держать язык за зубами.

— Может быть. В этом нестабильном мире все может быть. В один прекрасный день я сам могу исчезнуть и сделать карьеру как стриптизный танцор.

— С таким-то брюхом?

— Это может добавить интерес, — сказал Берг, с любовью похлопывая себя по пузу.

— Ну пусть будет так. — Брансон помолчал, потом сказал: — Теперь, когда я думаю об этом, мне кажется, что это место становится все более и более гнилым.

— Все, что можно рассматривать как бремя для налогоплательщиков, должно получать время от времени толчок, — пояснил Берг, — всегда есть кто-нибудь, кто воет о расходах.

— Я не имею в виду разговоры о новых урезаниях в бюджете. Я думаю о Хаперни.

— Его уход работы не остановит, — заверил Берг — Просто небольшие затруднения. Для того чтобы найти специалиста, надо приложить усилия и потратить время. Количество таких специалистов не безгранично.

— Точно. А мне кажется, что за последнее время такая трата сил и времени происходит все чаще и чаще.

— С чего ты взял? — спросил Берг.

— Я здесь уже восемь лет. За первые шесть лет наши потери были вполне разумными, и их можно было предсказать. Мужики достигали шестидесяти пяти и пользовались своим правом на пенсию. Другие продолжали работать и через какое-то время умирали или заболели. Несколько молодых загнулось от естественных причин. И так далее. Как я уже сказал, потери можно было предвидеть.

— Ну?

— А теперь посмотрим на последние два года. Кроме нормального числа ушедших в отставку, переведенных на другую работу, умерших, появились такие, которые исчезли по менее обычным причинам. Например, были Маклайн и Симпсон. Поехали в отпуск на Амазонку и прямо как растворились, никаких следов не нашли до сих пор.

— Это было полтора года назад, — согласился Берг. — Бьюсь об заклад, что они давно мертвы. Могло произойти все, что угодно: утонули, змеиный укус, лихорадка или просто их живьем съели пираньи.

— Потом был Хакобер. Женился на состоятельной даме, у которой был замок где-то в Аргентине. Поехал туда помочь по хозяйству. Но как очень способный химик не мог тебе точно сказать, из какого конца коровы раздается «му».

— Он мог и узнать. Он сделал бы это из-за любви и денег. Это стоит усилий. Дай мне шанс, я бы сумел.

— Хендерсон, — продолжал Брансон, не обращая внимания на замечание, — та же история, что и с Хаперни. Попросил отставку. Я слышал, что потом его видели где-то на западе, он там заимел промтоварный магазин.

— А я слышал, что, как только его там обнаружили, он тут же исчез опять, — заметил Берг.

— Да, ты напомнил мне о слухах. Так вот, был еще один слух, о Мюллере. Его нашли застреленным. Заключение: смерть от несчастного случая. Поговаривали, что это было самоубийство. А ведь у Мюллера не было каких бы то ни было причин лишать себя жизни, и он не был похож на типа, который станет небрежно обращаться с оружием.

— Ты хочешь сказать, что он был убит? — спросил Берг, подняв брови,

— Я хочу сказать, что его смерть была странной, мягко говоря. К этому прибавь случай с Арваньямом, который произошел пару месяцев назад. Свалил свою машину с набережной прямо в воду на глубину сорок футов. Сказали, что он был в обморочном состоянии. Ему тридцать два

года, атлетического сложения и прекрасного здоровья. Версия с обмороком не кажется мне слишком убедительной.

— И какое у тебя медицинское звание?

— Никакого, — согласился Брансон.

— Ну а парень, который выдвинул теорию с обмороком, был опытным врачом. Я думаю, он знал, что говорит.

— А я и не говорю, что он не думал, что говорит. Я только сказал, что он предложил подходящую догадку, а не поставил диагноз. Но догадка есть догадка, а не диагноз. И это не зависит от того, кто ее высказал.

— У тебя есть лучшее предположение?

— Да. Если бы Арваньян был любителем заложить за воротник, то в этом случае, если предположить, что он вел машину в пьяном виде, все сходится. Но насколько я знаю, он не был любителем выпить. Не был он и диабетиком. — Брансон сделал задумчивую паузу и продолжил: — Может, он заснул за рулем?

— Это возможно, — согласился Берг, — со мной такое произошло много лет назад. И не от усталости. Я заснул от долгой монотонной дороги, пустынной дороги в темноте, от шуршания шин, от пляски огней фар на шоссе. Я зевнул несколько раз и потом — бам! Очнулся на полу с портфелем на голове. Этот случай встряхнул меня на несколько недель, скажу я тебе.

— Арваньян не ехал долгой утомительной дорогой. Он проехал точно двадцать четыре мили.

— Ну и что? Он мог устать и задремать после рабочего дня. Может, он до этого не выспался. Несколько испорченных ночей могут свалить человека. Он может в таком состоянии уснуть где угодно.

— Ты прав, Арни. Как отец двоих детей я знаю, что это такое. Усталость может свалить человека. И это заметно по его работе, — Брансон постучал по столу, чтобы подчеркнуть эти слова, — по работе Арваньяна этого заметно не было.

— Но...

— Более того, он; по всем данным, ехал домой. А набережная была в стороне от прямой дороги к его дому. Он делал крюк в три мили. Он что, сделал крюк, чтобы попасть туда? Почему?

— Понятия не имею.

— И я тоже. Это выглядит как самоубийство. Вполне возможно, что это и не было самоубийством. Никто не знает, что произошло. У меня такое чувство, что во всем этом есть что-то странное. Это все, что я знаю.

— Ты чересчур подозрителен, — заметил Берг. — Тебе бы надо стать частным детективом и открыть сыскное агентство.

— Это слишком беспокоило и никаких гарантий, — ответил Брансон.

Он взглянул на часы.

— Пора вкалывать! — воскликнул он.

Через два месяца Берг исчез. В течение десяти дней, предшествовавших его исчезновению, Берг был тихим, задумчивым и молчаливым. Брансон, который работал рядом с ним, первые дни объяснял это просто плохим настроением. Но постепенно это все меньше напоминало плохое настроение и все больше походило на осторожное молчание. Брансон однажды поинтересовался:

— Что-то случилось?

— А?

— Я говорю, у тебя что-нибудь случилось? Ты ходишь нахохлившись, как наседка.

— Я этого не замечал, — возразил Берг.

— Ты должен заметить это теперь, когда я тебе сказал. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Со мной все в порядке, — раздраженно ответил Берг. — Не может же человек постоянно трепаться.

— Про тебя-то уж такого не скажешь.

— Ну вот и нормально. Я говорю, когда мне хочется, и молчу, когда хочу.

После этого молчание усилилось. В последний день от Берга слышали только слова, которые были необходимы по работе. На следующий день он не появился. В обед Брансон был вызван в кабинет Лейдлера. Лейдлер поприветствовал его, нахмурившись, и указал на стул.

— Садитесь. Вы работаете вместе с Бергом, не так ли?

— Да.

— Вы с ним в дружеских отношениях?

— В достаточно хороших, но я бы не назвал это дружбой.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мы вполне сработались, — ответил Брансон. — Он понимает меня, а я его. Каждый из нас знает, что он полностью может положиться на другого. Вот и все.

— Чисто рабочие отношения?

— Да.

— А вне работы вы не общаетесь?

— Нет, вне работы у нас нет ничего общего.

— Гм, — Лейдлер был разочарован. — Он сегодня не появился на работе. И никаких объяснений не оставил. Вы не знаете, в чем тут дело?

— Нет. Вчера он ничего не говорил. Может, он болен?

— Нет, — возразил Лейдлер. — У нас нет медицинского сертификата.

— Прошло еще слишком мало времени. Если его послали сегодня, то вы сможете получить его только завтра.

— Он мог позвонить, — настаивал Лейдлер, — он знает, как пользоваться телефоном. Он уже вполне взрослый для этого. И даже если он не в состоянии встать с постели, он мог попросить кого-нибудь позвонить нам.

— Может быть, его привезли в больницу в таком состоянии, что он не мог говорить, — предположил Брансон. — Такое иногда случается. Во всяком случае, телефон работает в оба конца. Если бы вы сами позвонили ему...

— Гениальная идея! Это делает вам честь, — огрызнулся Лейдлер раздраженно. — Мы звонили ему два часа назад. Никто не подходит. Мы позвонили соседу. Сосед поднялся и несколько минут колотил в дверь. Никакого ответа. Сосед нашел хозяина, и они открыли дверь запасным ключом. Осмотрели дом. Никого. Квартира в порядке, ничего необычного не заметили. Хозяин не знает, когда Берг вышел из дома, и, кстати говоря, приезжал ли он вчера вечером домой, тоже не знает. — Лейдлер потер подбородок, немного подумал, потом продолжил: — Берг разведен. Вы не знаете, у него есть какая-нибудь знакомая?

Брансон задумался:

— Случайно он упоминал о девушке, с которой встречался и которая ему нравилась. Он упоминал о ней четыре или пять раз. Но, мне кажется, это все было не настолько серьезно. Просто развлечение. В отношении к женщинам он напоминал замороженную рыбу, и они это чувствовали, по крайней мере большинство из них, и платили ему тем же.

— В таком случае это не похоже на то, что он проспал в каком-нибудь любовном гнездышке, — заметил Лейдлер, потом добавил: — Если он не восстановил отношения со своей

прежней женой.

— Сомневаюсь.

— Он упоминал о ней в последнее время?

— Нет. Я думаю, что он вообще не вспоминал о ней последние годы. По его словам, они были совершенно несовместимы, но выяснили это только после свадьбы. Ей нужна была страсть, а ему покой. Она называла это интеллектуальным мучением и выбросила его за борт. Через несколько лет она вышла замуж снова.

— В его личном деле сказано, что у него нет детей и что из ближайших родственников у него только мать. Ей восемьдесят лет.

— Может быть, с ней плохо и он помчался к ней? — предположил Брансон.

— Как мы уже говорили, у него был весь день, чтобы позвонить нам. А он не позвонил. Более того, с его матерью все в порядке. Мы проверили это совсем недавно.

— Тогда ничем не могу помочь.

— Нет, можете, — возразил Лейдлер. — Последний вопрос. Есть еще кто-нибудь в центре, кто мог бы быть хорошо информирован о личных делах Берга? Кто-нибудь, кто разделяет его вкусы и хобби? Кто-нибудь, кто может с ним проводить выходные дни?

— Никого из таких людей я не знаю. Берга не назовешь замкнутым, но и общительным его тоже не назовешь. Было полное ощущение, что после работы он вполне удовлетворен своей собственной компанией. Я всегда на него смотрел как на очень самодовольного индивида.

— Ну, если завтра он появится на работе с улыбкой во всю рожу, то ему понадобится все его самодовольство, так как он тут же попадет на ковер за прогул без уважительной причины, да еще и без предупреждения. Это против правил, и это заставляет нас волноваться. Правила созданы не для того, чтобы их нарушать. И мы не любим волноваться, — закончил Лейдлер с нотками раздражения и властности в голосе. — Если он появится или вы услышите о нем что-нибудь из каких-либо источников, ваш долг немедленно сообщить нам.

— Я обязательно так и сделаю, — пообещал Брансон.

Покинув кабинет Лейдлера и направляясь в свой зеленый отдел, Брансон все время думал о происшедшем. Может быть, ему следовало рассказать Лейдлеру о недавнем разговоре с Бергом или о подозрениях Берга? Но что это даст? Он не может ничего объяснить. А может, следовало рассказать о недавней грубости Берга? Но что это даст? Может быть, он просто, не желая того, оскорбил Берга? Но Берг не похож на человека, который будет долго носить в себе обиду. И еще меньше он похож на человека, который будет отсиживаться в укромном местечке, как обиженный ребенок.

Обдумывая и взвешивая все это, он вспомнил замечание Берга несколько месяцев тому назад: «В один прекрасный день я сам, может быть, исчезну и сделаю себе карьеру стриптизного танцора». Что это было, простая шутка или здесь был скрыт какой-то смысл? И если в этом был смысл, то что Берг подразумевал под «стриптизным танцором»? Все это были вопросы без ответов.

«Да бог с ним, — подумал про себя Брансон, — у меня довольно своих собственных проблем. Во всяком случае, он наверняка завтра появится с какой-нибудь уважительной причиной».

Но Берг не появился ни завтра, ни послезавтра. Он ушел навсегда.

В следующие три месяца предприятие лишилось еще трех высококвалифицированных специалистов при обстоятельствах, которые могли и должны были вызвать тревогу, но не вызвали. Один, так же как Берг, просто исчез неизвестно куда, очевидно следуя своей прихоти. Два других ушли официально, сославшись на малоубедительные обстоятельства, которые только усилили гнев Байтса и Лейдлера. Последний решил, что по этому поводу надо что-то делать. Правда, в свободной стране каждый может оставить свою работу и искать другую без того, чтобы его арестовывали за недостаточную откровенность или заставили подлечить мозги!

Потом пришла очередь Ричарда Брансона. Мир начал для него распадаться в пятницу, тринадцатого. До этого дня он жил в приятном удобном мире, не обращая внимания на некоторые его недостатки. В нем были случайности, рутина, скука и соперничество, страх и тысячи незначительных событий, которые переживает каждый человек. Но жизнь надо прожить. Жизнь полна мелочей, которые мы принимаем как должное и почти не замечаем, пока они не исчезнут.

Каждое утро в восемь десять отходил поезд. Те же лица, на тех же сиденьях, тот же шелест разворачиваемых газет, тот же гул голосов при разговоре. Или вечерняя дорога домой вдоль обсаженной деревьями аллеи, где всегда можно встретить какого-нибудь соседа, чистящего машину или подстригающего газон на лужайке. Щенок, прыгающий вокруг тебя перед твоим крыльцом. Улыбающееся, покрасневшее от кухонной жары лицо Дороти, приглашающей тебя в дом, когда двое детей виснут у тебя на руках и просят сделать что-то для них смешное и веселое.

Вот это и есть малюсенькие, но ценные крупинки, из которых и состоит обычный день, и вот разом они теряют свою реальность.

Они расплываются и становятся размытыми, они маячат как призраки, не решившие, идти им дальше или остановиться. Они покинули его, оставив в ужасном умственном одиночестве. Он ринулся за ними с желанием догнать их — их, которые разжигали его пораженный шок мозг, догнал, но они тут же исчезли снова.

Все началось с нескольких слов. Он возвращался домой в холодный вечер, который нес в себе явные намеки приближающейся зимы. Тонкие слои тумана плавали в наступающих сумерках. Как всегда, он должен был пересест с поезда на поезд, и для этого ему надо было двенадцать минут подождать на платформе. Следуя своей давней привычке, он прошел в буфет, чтобы выпить за это время кофе. Он сел на стул за стойкой с правой стороны и сделал заказ, который делал уже бесчисленное множество раз:

— Черный кофе, пожалуйста.

Рядом с ним сидели два человека, крутили в руках чашечки с кофе и вели несвязную беседу.

Они выглядели как ночные шоферы «дальнобойщики», собирающиеся вскоре приступить к своим обязанностям. Один из них говорил со странным, непонятным акцентом, который Брансон не мог определить.

— Шансы пятьдесят на пятьдесят, — сказал тот, который говорил с акцентом, — даже если это было сделано вчера. Полиция никогда не раскрывает более половины убийств. Они сами в этом признаются. — Не знаю, — возразил другой, — цифры могут врать. Например, сколько раз они прихватывают кого-нибудь, кто совершил более одного преступления, к примеру дюжину?

— Что ты этим хочешь сказать?

— Смотри, давай будем рассуждать о вещах как они происходят на самом деле, а не как

они должны быть. Никого не наказали за убийство: это будет начальный факт. Парня, допустим, приговорили к смерти совсем за другие грехи. Но они знают, что он убийца, а доказать этого не могут. А они должны доказать, иначе им его не прихватить.

— Ну?

— Но он, возможно, замешан в нескольких других убийствах, о которых они не знают или не могут их доказать. Все эти убийства остаются нераскрытыми. Но что толку, если они и сумеют их на него повесить? Никакого! Они не могут казнить его несколько раз. Когда заплатит за свое убийство, он заплатит за все сразу. Он заплатит за определенное преступление, которое они раскрыли, — говорящий задумчиво отхлебнул кофе, — этот факт никогда не опубликовывался и никогда о нем не скажут. Но если бы он был обнаружен, то мы бы увидели, что шанс для убийцы остаться безнаказанным — двадцать из ста.

— Пусть так, — согласился тот, кто говорил с акцентом. — Но, как они утверждают, это было совершено лет двадцать назад. Это дает преступнику кое-какую фору.

— А как ты оказался в этом замешан?

— Я же говорил тебе. Вода подмыла это большое дерево. Оно очень низко склонилось над дорогой. Заставило меня даже пригнуть голову, когда я проезжал мимо. Через несколько миль я встретил патрульную полицейскую машину. Я остановил ее и предупредил их о том, что пятьдесят тонн готовы перекрыть дорогу. Они поехали туда посмотреть.

— А потом?

— Затем полицейский пришел в контору и спросил меня. Он сказал, что дерево спилили и увезли. А вот под корнями нашли человеческие кости, принадлежавшие женщине, убитой около двадцати лет назад. Что они ждут какого-то эксперта, который осмотрит эти кости, — говорящий отхлебнул кофе, посмотрел нахмурившись на стену и продолжал: — Он сказал, что у нее пробит череп. При этом он уставился на меня, как будто я и есть тот тип, которого они ждут. Он спросил меня, сколько лет я езжу по этой дороге и не видел ли я там кого-нибудь или что-нибудь подозрительное.

— А ты ему ничего и не сказал, — усмехнулся второй собеседник.

— А я и не мог ему ничего сказать. Он записал мой адрес, на случай, если я им еще понадоблюсь. Может быть, они теперь будут за мной следить, когда я буду проезжать через Бельстон. Это все, что я получил за заботу об обществе.

Бельстон!

Бельстон!!!

Человек, сидевший рядом с ними за стойкой и слышавший все это, уставился в свою чашечку кофе. Чашка опустилась вместе с рукой, как будто из руки внезапно утекла вся сила. Бельстон! Чашечка чуть не упала. Он не дал ей упасть, только собрав всю свою силу, и поставил ее аккуратно на блюдечко, затем соскользнул со стула и медленно вышел. Шоферы не заметили, как он удалился. Он еле переставлял ноги, коленки дрожали, по спине пробегал холодок, голова кружилась.

«Я Ричард Брансон, высококвалифицированный металлург, государственный служащий. Мне доверяет мое начальство. Уважают друзья и коллеги. Меня любят моя жена, дети и даже щенок. Прежде чем меня поставили на секретную работу, меня проверяли люди, которые специально обучены этому. Мое дело чистое. Моя репутация безупречна. На мне нет ни одного пятна!

Нет пятна?

Боже, почему мертвые встают из своих могил и вмешиваются в дела других?! Почему они не лежат в своих могилах и не дают живым жить в мире и покое?!»

Он стоял и пустыми глазами смотрел на подходящий поезд, который он до этого ждал, а сейчас не осознавал его приближения. Ноги сами внесли его в вагон, в котором он обычно ездил. Он шел как слепой. Непонимающе огляделся, сел на свое обычное место, и все это как во сне, не понимая, что делает,

«Почему я убил Элайн?»

Вагон был как всегда полон. Рядом с ним и вокруг сидели все те же люди. Он приветствовал их при входе обычным кивком, и они были готовы как всегда поболтать с ним о пустяках.

Человек, сидевший напротив, Фамилоу, свернул свою вечернюю газету, пихнул ее в карман, откашлялся и сказал:

— Сегодня был прекрасный день, я думаю, вы со мной согласитесь. За последнее время погода компенсирует нам... — он осекся и продолжил уже громче: — Вы плохо себя чувствуете, Брансон?

— Я? — Брансон заметно вздрогнул. — Нет, все в порядке.

— Вы плохо выглядите, — заметил Фамилоу. — Вы такой бледный, как будто вас побелили. — Он наклонился в сторону и, хихикнув, легонько толкнул локтем Конелли, человека, сидящего рядом с ним. — Слышишь, что говорю? Брансон такой бледный, как будто его побелили.

— Да, он выглядит неважно, — согласился Конелли, не собираясь восхищаться чужим остроумием. Он отодвинул в сторону ноги. — Вас не стошнит на мои колени?

— Все нормально. Со мной все в порядке. — Слова прозвучали какими-то чужими.

«Почему я убил Элайи?»

Фамилоу оставил эту тему и начал жаловаться на бега и на падение деловой активности.

Все это время он смотрел на Брансона своими бесцветными, слегка вытаращенными глазами. Казалось, что он все время ожидает, что произойдет что-то неприятное. Конелли тоже ожидал чего-то, правда, не столь явно. У них был вид людей, которые не по своей воле были вызваны оказать первую помощь человеку, катающемуся в припадке по полу.

Поезд продолжал громыхать по рельсам, разговор заглох, и все трое сидели, чувствуя себя не в своей тарелке. Никто не пытался возобновить разговор. Наконец за окном показалась полоса огней, поезд замедлил ход и остановился. В туманной темноте на платформе послышались голоса. Кто-то с грохотом вез по перрону сундук. Конелли и Фамилоу не отрывали выжидательного взгляда от Брансона, который, казалось, совершенно не замечал их внимания.

В конце концов Фамилоу наклонился и похлопал Брансона по коленке:

— Если вы, конечно, не проехали, то это ваша станция.

— Да? — Брансон недоверчиво посмотрел на него.

Он приподнял занавеску и уставился в окно.

— Действительно! — он схватил свой портфель и ринулся в проход. — Должно быть, я просто задремал.

Выходя из вагона, он услышал, как Конелли сказал:

— Задремал с кошмарами, наверное.

Затем он оказался на платформе, наблюдая, как отходит поезд. Ярко освещенные вагоны один за другим проезжали мимо него. Он мог видеть в окнах пассажиров, которые болтали между собой, читали газеты или покачивались в полудреме. Ни у кого из них не было настоящих причин для волнения. Их головы были заняты вполне тривиальными мыслями. Что у них будет сегодня вечером на обед? Проведут тихий спокойный вечер перед телевизором или Мабл хочет куда-нибудь сходить? Они были ленивы и благодушны, каким был и он сам по

дороге домой до сегодняшнего дня.

Но сейчас началась охота, и дичью на этой охоте был Брансон. Стоя один, если не считать этих людей в мелькающих вагонах, он был охвачен настоящим страхом преследования. Это было не какое-нибудь ощущение приключения, это было разбивающее сердце, расстраивающее мысли психическое состояние, которое он никогда не испытывал. И в конце этого бега на длинную дистанцию стоял приз для победителя — электрический стул. Он мог представить со всей отчетливостью этот стул, и это видение вызывало у него головокружение.

Он не мог избежать этих мыслей и в то же время не мог ничего придумать. Выйдя со станции, пройдя по улице и завернув за угол, он продолжал идти, совершенно не представляя себе, где он. Автопилот, который находился у него в голове, взял управление на себя и вел его домой по хорошо известному маршруту. Он видел ярко освещенные окна соседей. Раньше эти огни наводили на мысли о жизни, протекающей повсюду, теперь он смотрел на них как на просто огни, потому что мысли его были о смерти. Кости под корнями, которые могли и должны были перейти в другое столетие. Кости, которые должны были остаться там до тех пор, пока не пройдет столько времени, что связать эти кости с настоящим будет невозможно. В этой цепи случайностей, казалось, было какое-то дьявольское упрямство, толкающее всю цепь случайностей в направлении определения виновного. Из миллиона деревьев только одно, вполне определенное, должно было наклониться, чтобы открыть охоту на человека.

Навстречу ему попался Джимми Линдстром-младший, тащивший за веревку игрушечный грузовик ярко-красного цвета.

— Здравствуйте, мистер Брансон, — крикнул он.

— Здравствуй, — машинально ответил Брансон, забыв прибавить «Джимми», как он всегда делал.

Он механически пошел дальше, как робот.

Пару месяцев назад он заполнял однообразные часы какого-то путешествия чтением одного из сенсационных журнальчиков о преступлениях. Кто-то забыл этот журнальчик на сиденье в поезде, и Брансон подобрал его и из любопытства начал перелистывать. Одна из правдивых историй в этом журнале рассказывала, как собака во время прогулки выкопала кости руки с золотым кольцом на пальце, всего лишь с золотым кольцом. И, отталкиваясь от этой одной-единственной детали, шаг за шагом, они проследовали по всей линии, задавая вопросы, пока вся паутина лжи не лежала перед ними. Шериф и его помощники, адвокаты и детективы разъезжали по всему свету, собирали и складывали куски мозаики в течение двух лет. И вдруг стала видна вся картина во всей своей неприглядности, и человек пошел на электрический стул через четырнадцать лет после совершения преступления.

А теперь вот это. Где-то недалеко находится большая контора, в которой работают ученые-ищейки, и они уже изучают жертву: пол, вес, рост и множество других деталей, которые понятны только специалистам, определяют примерную дату убийства. Распутывание паутины лжи началось, а окончание этой процедуры зависит только от времени.

Его пульс участился от таких мыслей. Где достигнет его конец? Дома, на работе или, может быть, вот как сейчас, по дороге домой или на работу? Возможно, дома, этого он боялся больше всего. В воображении, возбужденном происходящим, он легко мог представить себе эту сцену. Дороти пойдет откроет дверь, и впустит двух или больше суровых мужчин с грубыми лицами, и будет стоять с широко раскрытыми глазами, пока один из них будет говорить: «Ричард Брансон? Мы из полиции. У нас есть ордер на ваш арест, и мы должны вас предупредить, что все, что вы сейчас скажете, может...»

Визг Дороти. Дети плачут и пытаются выставить полицию за дверь. Щенок повизгивает, испугавшись гама, и ищет укромное местечко. А полиция уведет его, они пойдут рядом с ним, с

обеих сторон от него, чтобы он не убежал. Поведут его от Дороти, от детей, от щенка, от дома — от всего, что для него так дорого. И это навсегда, навсегда, навсегда.

Его прошиб холодный пот, несмотря на ветреный вечер, когда он обнаружил, что вот уже пятьдесят ярдов, как он миновал собственный дом. Развернувшись, он пошел назад, поднялся на крыльцо и как пьяный начал беспорядочно шарить в карманах в поисках ключа.

Как только он вошел в дом, дети с визгом бросились к нему, стараясь на нем повиснуть. Каждый визг казался ему особенно пронзительным и ударял по нервам. Такого он еще никогда не испытывал. Щенок с тьяканьем крутился у него под ногами, заставляя его постоянно спотыкаться. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не реагировать на визг и изобразить фальшивую улыбку. Он погладил две растрепанные головки, похлопал по двум мягким щечкам, осторожно переступил через щенка и, сняв пальто и шляпу, повесил их на вешалку.

Дети сразу заметили, что что-то не в порядке. Они замолчали, отошли в сторону и мрачно наблюдали за ним, зная, что у него какие-то неприятности. Он попытался развеселить их, но теперь ему это уже не удалось. Со своей стороны они не сделали ничего, что могло бы его успокоить. Даже сам их взгляд как будто говорил о том, что они знают, что на нем лежит какое-то проклятье.

Из кухни послышался голос Дороти:

— Это ты, дорогой? Ну как прошел день?

— Беспокойно, — признался он.

Он прошел на кухню, поцеловал ее и на какое-то время поддался слабости. Он обнял ее слишком сильно и держал ее в руках слишком долго, как будто хотел сказать, что никогда с ней не расстанется.

Она немного отодвинулась от него, внимательно посмотрела, ее изогнутые брови нахмурились.

— Что-нибудь серьезное, Рич?

— Что серьезное?

— То, что у тебя в голове.

— Нет, меня ничего не тревожит, — соврал он, — просто небольшие осложнения на работе. Со всеми этими проблемами сойдешь с ума, но за это мне и платят деньги.

— Ну, — сказала она с сомнением, — постарайся не поддаваться. Дом — это то место, куда люди уходят от всего этого.

— Знаю, — согласился он, — но от них не так просто избавиться. Может, некоторые и могут отбросить их сразу же после выхода из лаборатории, но у меня так не получается. Даже дома мне надо еще около получаса, чтобы выкинуть все из головы окончательно.

— Но тебе за такую переработку не платят.

— Мне и так платят достаточно.

— Ты этого заслуживаешь, — сказала она уверенно, — хорошие головы заслуживают хорошей платы.

Он похлопал ее по щеке.

— Они это знают, милая ты моя. Но на свете есть куда лучшие головы, чем моя.

— Ерунда, — ответила она, ставя под миксер миску. — У тебя просто появился комплекс неполноценности. Ты меня просто удивляешь!

— Нет, — возразил он. — Хорошая голова достаточно хороша, чтобы увидеть еще более хорошую голову. В институте есть такие, которые достойны широкой известности, поверь уж мне. Умные люди, Дороти, очень умные. Хотел бы я быть таким же компетентным, как они.

— Ничего, если ты еще не такой, то скоро обязательно будешь таким, — заверила Дороти,

— Надеюсь. — Он задумался.

— Будешь, — сказала она.

Будущее время. Это имело смысл еще вчера, но не сегодня. Его будущее было отобрано чужими руками, медленно, по кусочку, частичка за частичкой. До того дня, рано или поздно...

— Ты какой-то вялый сегодня. Голоден?

— Не очень.

— Обед будет готов через несколько минут.

— Хорошо, дорогая. Я как раз за это время помоюсь.

По дороге в ванную он стянул с себя рубашку и начал мыться с таким усердием, как будто хотел смыть всю черноту у себя в голове. В его голове была паутина, каждый раз, как он наклонялся над раковиной, его слегка покачивало.

Поспешно вошла Дороти.

— Я забыла тебе сказать — там есть сухое и теплое полотенце... ой, Рич, ты где-то рассадил себе руку.

— Я знаю. — Он взял из ее рук полотенце и начал промокать себе шею и грудь, потом согнул руку, чтобы посмотреть на ссадину на локте. Локоть побаливал. — Упал на ступеньках в Бранигане сегодня утром Рассадил локоть и ударился затылком.

Она ощупала затылок, запустив тонкие пальцы ему в волосы.

— Да, там здоровая шишка.

— И не говори. Очень больно, когда до нее дотрагиваешься.

— Рич, ты так мог сломать себе шею. Там очень крутые ступеньки. Как же это случилось?

— Сам не знаю. — Он кончил вытираться и взял рубашку. — Я спускался по ним так же, как и тысячу раз до этого. И вдруг нырнул прямо вниз. И не поскользнулся, и ни за что не запнулся. Не помню, чтобы плохо себя чувствовал, головокружение там или еще что. Просто взял и полетел прямо лицом вниз. Навстречу поднимались два парня, они увидели, как я пошатнулся, кинулись и сумели как-то подхватить меня. Я думаю, если бы не они, все было бы гораздо хуже.

— Ну а потом?

— Я, видимо, вырубился на какое-то время, потому что, когда пришел в себя, уже сидел на ступеньках, а один парень хлопал меня по щеке и спрашивал: «С вами все в порядке, мистер?» Я с трудом поднялся на ноги, они у меня дрожали, и пошел вниз. Надо сказать, я чувствовал себя очень глупо.

— Ты ходил к доктору?

— Нет. Не было каких-либо оснований. Пара синяков, и все. Я не привык бегать к докторам каждый раз, как посажу шишку или поцарапаюсь.

Она озабоченно оглядела его.

— Но, Рич, если с тобой случился такой обморок, то, значит, что-то не в порядке и...

— Со мной все в порядке. Я настолько здоров, что вполне могу упасть в Большой Каньон и потом запрыгнуть обратно. Не надо беспокоиться о какой-то ссадине и шишке. Дети, пока не повзрослеют, получают такое постоянно. — Он принялся завязывать галстук. — Я просто о чем-нибудь задумался или оступился, что-нибудь подобное. Это научит меня смотреть под ноги. Давай забудем об этом. Хорошо?

— И все равно, я... — Ее голос вдруг затих, на лице появилась озабоченность. — Что-то горит, — вскрикнула она и бросилась на кухню.

Он внимательно осмотрел себя в зеркале, пока завязывал галстук. Вытянутое худощавое лицо, тонкие губы, довольно темные глаза, темные волосы. Маленький белый шрам на левом виске. Около сорока, хорошо выбрит, хорошо одет. Через сколько времени они составят это

описание его наружности? Как долго до того момента, когда какой-нибудь писака, без галстука, постоянно жуящий сигареты, напишет о нем статью с кричащим названием вроде «Фантом-убийца из Куперкрик!»?

Лицо, смотревшее на него из зеркала, никак не походило на лицо убийцы. Слишком интеллигентное. Но его вполне можно изменить, особенно на фотографии с глазами, уставившимися в камеру, и с полицейским номером, висящим на шее. Каждый может выглядеть убийцей при таких обстоятельствах, особенно когда глаза устали от яркого света и сам валишься с ног от бессонной ночи, проведенной на допросе.

— Обед готов!

— Иду, — отозвался он.

Ему совершенно не хотелось есть, но надо было пройти через всю эту процедуру.

Тревога, звенящая у него в голове, отзывалась болью в животе. Но отказ от обеда мог вызвать еще больше нежелательных вопросов. Ему пришлось есть через силу.

Перед смертью не надьшишься.

Смешно!

Когда человек видит свой конец, ему должно быть не до еды.

Брансон прошел мимо охраны как всегда в девять утра. Кивнул охранникам всех трех отрядов, переминаясь, подождал у каждой двери. По инструкции охранники должны были бы спросить его пропуск и изучать несколько минут несмотря на то, что хорошо знали его. Но это правило перестало строго соблюдаться после того, как Каин взорвался, когда его шурин спросил у него пропуск в семнадцатый раз за день. Теперь охранники, как правило, кивали знакомым и бросались на тщательную проверку только к незнакомым для них лицам.

В раздевалке он снял пальто и шляпу и повесил их в металлический шкафчик, потом натянул на себя рабочий халат темно-зеленого цвета с металлической круглой бляхой на груди. Затем прошел по нескольким коридорам, мимо еще нескольких охранников и миновал темно-зеленые двери. Дальше он прошел через хорошо оборудованную лабораторию и наконец добрался до большого помещения, которое по своим размерам напоминало авиационный ангар. Каин и Потер были уже там, они водили карандашами по чертежу, разложенному на скамейке, обсуждая что-то в устройстве, стоящем в центре зала.

Блестящий металлический объект, стоящий в центре зала, напоминал нечто среднее между автомобильным двигателем и длинноствольной зениткой. Но его вид не мог никого обмануть. Любой грамотный специалист-баллистик после краткого изучения мог понять назначение этого устройства. Ряд маленьких ракет, стоящих у основания устройства, выдавал его предназначение с головой: снаряды без гильз.

Предметом обсуждения Каина и Потера была опытная модель автоматической зенитки, очень эффективной за счет использования в ней новой жидкой взрывчатки. Эту взрывчатку можно было быстро закачать в ракету, ее можно было пропускать через форсунку, а ракета была снабжена электрическим детонатором. По проекту эта установка могла выпускать шестьсот ракет в минуту на высоту около семидесяти тысяч футов. Но вот на испытаниях это не подтвердилось: установка нагрелась и траектория запуска становилась нестабильной.

Теперь они искали новые способы, при помощи которых можно было бы обойти эту трудность. Идея была прекрасной, но на практике в устройстве не срабатывало огромное количество мелочей, больше чем блох у бродячей собаки. Если недели или месяцы проб и ошибок, споров и поисков приведут к решению этой проблемы, то страна получит устройство, способное разорвать небо пополам.

Сейчас они находились в такой стадии, когда, кусая ногти, мучительно думали над

единственной проблемой: как снизить нагрев установки, не снижая при этом темпа стрельбы. Это было не так уж невозможно, как могло показаться с первого взгляда; при последнем решении они пришли к многоствольной установке, стреляющей сериями. Но для окончательных испытаний установка была еще не готова.

Каин прекратил ворчать на Потера и повернулся к Брансону.

— Ну вот еще один непризнанный гений, — сказал он. — Да будет тебе известно: мы пришли к решению проблемы.

— И какое же это решение? — спросил Брансон.

— Или же направляющие, или же корпуса ракет надо делать из сплава, создающего минимальное трение, — улыбнулся Каин. — Как специалисту в области сплавов теперь тебе и карты в руки. Так что давай дерзай!

— Очень хорошо. Сделаю, если, конечно, смогу.

— Но нам надо будет обскакать Хиндельмана, — заметил Потер. — Если они смогут стабилизировать полет этих штук путем, каким собираются, то нашу игрушку можно будет просто выбросить, — он махнул рукой в сторону установки. — Ракеты будут управляемыми, и тогда нам нужно будет создать простую стартовую установку.

— Я не специалист во взрывчатых веществах, но не понимаю, чем этот способ лучше нашего, — заметил Каин, — Но и это надо попробовать, — Он четыре раза обошел вокруг установки. — Эта штука — жертва собственной эффективности. Нам надо найти какой-то способ, чтобы отрезать все пакости и в то же время не затронуть удовольствие. И что бы мне в свое время не заняться литературой, тогда бы у меня была сейчас такая легкая жизнь.

— Установка должна быть многоствольной, — сказал Потер.

— Это значит признать поражение. А я не хочу признавать поражения. Да и ты, думаю, тоже. Нет, сдаваться нельзя. Я строил эту штуку. Это — моя жизнь. Это — моя любовь. И пусть идут к чертям все критики. — Он заметил сочувствие в глазах Брансона. — Вот ты бы выбросил предмет своей любви только из-за того, что он приносит тебе много хлопот?

Когда Каин увидел, что Брансон при этих словах побледнел и, не отвечая, отошел в сторону, он озадаченно замолчал, потом удивленно повернулся к Портеру:

— Я что-нибудь не так сказал? Черт побери, я так и не понял, то ли он хочет броситься на меня, то ли выброситься в окно. Я никогда его таким не видел. Я что, что-нибудь не так сказал?

Потер уставился на дверь, через которую вышел Брансон, и заметил:

— Ты, наверное, наступил на его любимую мозоль.

— Какую мозоль? Я только сказал...

— Я слышал, что ты сказал. Я слышал тебя прекрасно. Очевидно, это для него что-то значит, что-то очень важное, что его очень трогает. Может, у него дома неприятности. Может, они поругались с женой и в запарке он пожелал ей смерти?

— Он никогда такого не сделает. Я его очень хорошо знаю. Он не такой, чтобы поддаться эмоциям, даже дома.

— Может, его жена? Некоторые женщины могут впасть в истерику из-за любого пустяка. Может, жена довела его до того, что ему свет не мил?

— Не думаю. Он в таком случае просто умолкнет и не будет подливать масла в огонь. В последний раз на курорте он просто собрал чемоданы и уехал.

— Да я так же считал, — согласился Потер, — но мы можем и ошибаться. Никогда нельзя сказать, что можно ожидать от человека в критической ситуации. Любой удар может вызвать совершенно неожиданную реакцию. Здоровенный сильный мужчина начинает как страус зарывать голову в песок, в то время как хилый мужичонка совершает героические подвиги.

— Да бог с ним, — сказал нетерпеливо Каин, — пусть он сам решает свои собственные

проблемы, а нам хоть бы наполовину сократить свои.

И, вернувшись к чертежам, они снова принялись обсуждать устройство.

Брансон вышел с работы в пять, попрощался кивками с охранниками и направился домой. День был очень неудачным, самым неудачным из тех, что он мог вспомнить. Все получалось не так, как хотелось. Казалось, что весь день он провел, оглядываясь в страхе через плечо, отгоняя тревогу перед будущим, и пытался сосредоточиться на своей работе — подобно любому научному работнику. А как человек может решать научные задачи, если в его голове постоянно крутятся мысли об электрическом стуле? Теперь он страдал все двадцать четыре часа кряду от нервного напряжения только из-за того, что подслушал болтовню двух водителей грузовиков о каком-то старом преступлении, где-то в районе Бельстона. Дерево, о котором они говорили, необязательно было *тем* деревом, а кости под тем деревом необязательно были костями *его* жертвы. Вполне возможно, что на свет вышел совсем не его старый грех, а чей-то другой, и сейчас полным ходом идет травля не его, а кого-то совсем другого.

Очень жаль, думал он, что у него не хватило находчивости вмешаться в разговор водителей и выпытать у них кое-какие детали, чтобы быть полностью уверенным. А может, это было, наоборот, очень мудрым решением? Да, наверное, если бы то, что они рассказывали, вызвало в нем ужас, тогда впоследствии он мог бы этим вызвать подозрение. В таком положении, как его, лучше не привлекать к себе внимания.

«А вам-то что до всего этого, мистер?»

Как тут ответишь на такой вопрос? Что тут можно сказать? Только что-нибудь глупое или совсем неподходящее, и это тоже может вызвать еще большие подозрения.

«Да просто я там раньше жил поблизости».

«Около Бельстона? Вы не помните, как в этих местах пропала женщина? А может, вы можете назвать нам кого-нибудь, кто такое событие помнит? А может быть, вы сами знаете что-нибудь?»

Если эти двое опять будут там в буфете, что сделать лучше: не обратить на них внимания или, наоборот, подсесть к ним и попробовать навести их на разговор об этом и выяснить подробности? Он не мог этого решить. Если бы он умел пить спиртное в больших дозах, то можно было бы подсесть к парням и навести их на разговор на эту тему за пивом, купить несколько бутылок и пить с ними вместе. Но он редко пил спиртное, да еще в таком обществе, и боялся, что у него не хватит способностей сделать все это естественно, не возбуждая подозрения.

Все эти мысли вылетели из головы, как только он повернул за угол и столкнулся лицом к лицу с полицейским. Его сердце так и подпрыгнуло. Он постарался пройти мимо с видом полной независимости и безразличия, даже начал насвистывать какую-то песенку.

Полицейский следил за ним глазами, поблескивающими под козырьком фуражки. Брансон старался идти как можно более независимо и спокойно, чувствуя или воображая, что чувствует, как глаза полицейского сверлят его затылок. Брансон шел и думал, не привлекает ли он внимание тем, что переигрывает свое безразличие, как ребенок выдает свой проступок, принимая слишком невинный вид.

Он шел вперед с нервами, натянутыми как струна, и прекрасно понимал, что, раздайся сейчас за его спиной повелительный окрик «Эй, ты!», и он бросится бежать. Тогда он побежит как сумасшедший по тротуару, через улицу, не обращая внимания на движение, потом побежит куда-нибудь в дальние аллеи, а за его спиной будут греметь чьи-то шаги, будут заливаться свистки и раздаваться крики. А он будет бежать, бежать, бежать, пока не упадет без сил. И тогда они его получат.

Но окрика, который заставил бы его бежать, не последовало. Дойдя до следующего угла, он не смог удержаться, чтобы не оглянуться. Полицейский стоял все на том же месте и все так же смотрел ему вслед. Оказавшись за углом, Брансон остановился, сосчитал до десяти и после этого осторожно выглянул. Полицейский стоял все на том же месте, но теперь его внимание привлекало что-то на другой стороне улицы.

Брансон облегченно вздохнул, от чувства миновавшей опасности его прошиб пот, и он направился дальше к станции. На станции купил вечерние газеты, спешно просмотрел их, ища там новости, которые его так волновали, но ничего не нашел. Правда, это еще ничего не значило. Полиция может дать материал в газеты только после того, как его арестуют, и не раньше. Обычно они не любят вовлекать прессу в свои дела раньше времени. Если, конечно, имя преступника им уже известно и огласка в прессе только поможет в охоте, тогда — другое дело.

Выйдя из вагона на станции пересадки, он направился прямо в буфет. Водителей там не было. Он даже не понял, что от этого почувствовал: облегчение или расстройство. Единственным посетителем был здоровенный мужчина с невыразительным лицом, который сидел на стуле у стойки и рассматривал со скуки свое отражение в зеркале, которое висело в углу буфета.

Брансон заказал черный кофе, сел за стойку, и, когда кофе подали и он начал его отхлебывать, его глаза встретились в зеркале с глазами посетителя. Ему показалось, что незнакомец не просто взглянул на него, а рассматривал с подозрительным интересом. Брансон отвел взгляд, подождал минуту, потом взглянул в зеркало снова. Детина все еще изучал его отражение в зеркале, и взгляд его был полон надменности, как будто в его привычке было вот так уставиться на людей и этим открыто вызвать их на какие-то действия.

В буфет зашел железнодорожник, купил пару сэндвичей и, взяв их с собой, вышел. Детина продолжал сидеть, вопросительно уставившись в зеркало. Брансон старался изо всех сил безразлично пить кофе, не глядя по сторонам, но какая-то гипнотическая сила так и тянула его взгляд к зеркалу. И каждый раз встречался с другим взглядом.

«Мне надо избегать этого буфета, — решил он. — Слишком часто и слишком давно я захожу сюда. Надо постоянно менять привычки, иначе преследователи будут точно знать, где меня можно найти в любой момент. Все, что им потребуется — это пройти по созданному мной же маршруту и взять меня в одном из его концов. Надо изменить привычки, и тогда они не будут знать, где меня искать».

«Они». Кто «они»?

Служители закона всех рангов, конечно. И этот здоровенный детина, вполне возможно. Вполне возможно, что это переодетый полицейский, которому не хватает улик, чтобы его арестовать, и он следит за ним в надежде, что он, Брансон, совершит какую-нибудь огромную ошибку и выдаст себя с головой.

Ну нет, он сам себя выдавать не будет, нет, по крайней мере, пока он в здравом разуме. Полиция нашла груды человеческих костей, и пусть сама решает их загадку. Он им в этом не помощник. Свое дело пусть они делают сами, потому что жизнь прекрасна, даже если у тебя в голове сидит дьявол и грызет тебя. А смерть все равно полна ужаса.

Не допив кофе, он слез со стула и направился к выходу. Детина повернулся, тоже встал со стула; его внимание было приковано к Брансону. Он как бы чуть-чуть ослабил веревочку, чтобы дать преследуемой жертве отбежать подальше, потому что жертва слишком просто дается в руки.

Если идея заключалась в том, что Брансон сейчас бросится бежать как заяц, то она не сработала. И хотя в деле уклонения от закона Брансон был новичок, он все же был не дурак. Он был человеком с высоким интеллектом и пытался действовать разумно в незнакомой ему

обстановке, хотя любой уголовник знает наизусть, что делать в таких случаях. Но у него было большое желание научиться этому, и он мало-помалу осваивал эти законы. Та встреча с полицейским на улице научила его не действовать слишком быстро и открыто. Поспешность — это поражение.

Правильная тактика, решил он, это действовать совершенно естественно и притворяться, что человек рядом с тобой всего лишь неотличимая частичка всего человечества, в то время как ты прекрасно знаешь, что эта частица слишком отличается от других. Это тяжело, чертовски тяжело, особенно для человека, у которого нет актерской подготовки и у которого в мозгу звенит одна и та же мысль, как тревожный сигнальный звонок. Но это надо сделать.

Следуя этому правилу, при выходе он постарался на взгляд детины ответить таким же взглядом. Он вышел на перрон и сел в самый последний вагон. Это давало ему преимущество: он мог наблюдать за всей платформой и видеть все, что происходило, в то время как окружающие думают, что он читает газету.

Напряженно, через край газеты, он вглядывался в происходящее на перроне и увидел, как детина из буфета сел в третий вагон, где сейчас сидели Конелли и Фамилоу.

Почему детина сел в этот вагон? Было ли это просто совпадением или же они уже знают его привычки? Очевидно, если это последнее, то детина должен будет что-то предпринять, когда обнаружит, что Брансона в вагоне нет. Но что он тогда сделает? Наверняка попадет в затруднительное положение — ведь у него уже нет времени, чтобы обследовать поезд до отправления. Перед ним будет дилемма: остаться в поезде и осмотреть его во время пути или же остаться на станции и обыскать все вокруг там.

Поезд загудел, дернулся и стал набирать скорость, постукивая все быстрее и быстрее на стыках. Брансон не заметил, чтобы детина вышел из поезда. Очевидно, он остался там. Если он не выйдет на станции, где выходит обычно Брансон, то все в порядке. Это докажет, что его перепуганный мозг изобретает мнимые опасности.

Но если этот тип пойдет вдоль поезда, если попытается следить за Брансоном, если сойдет на той же станции, что и Брансон...

Возможно, именно сейчас он сидит и пытается втянуть в разговор Конелли и Фамилоу, стараясь свернуть на интересующую его тему и получить кусочки информации, которые не имеют никакого значения для говорящих, но очень ценны для слушающего, и все это делается с привычной профессиональной сноровкой. Может быть, именно в этот момент детина узнает, что сегодня первый раз за многие месяцы Брансон отказался от своих обычных попутчиков, что вчера он вел себя очень странно: был чем-то озабочен или просто болен и так далее.

Это заставит преследуемого сделать выбор: изменить ли свои обычные действия, когда они уже известны противнику, или же продолжать все это как ни в чем не бывало. Изменить привычки так резко — значит точно привлечь внимание. Вести себя как обычно — значит, они будут знать, где тебя искать в любой момент. Изменить привычки — и они не знают, где тебя искать, но прекрасно знают, что ты виновен.

«Невиновен, да? А почему ты тогда бегал от нас и петлял как заяц?»

Или же: «Нам пришлось побегать за тобой! А от нас бегают только виновные. Как ты все это объяснишь?»

И с этого момента все и начнется.

«Почему ты убил Элайн?»

«Ну, давай рассказывай нам про Элайн...» Элайн!

Это ударило его как обухом.

Элайн... а как дальше?

Поезд подъехал к его станции и остановился. Брансон автоматически вышел, не вполне

соображая, что делает. Он был так занят попыткой вспомнить имя своей жертвы, что совсем забыл проследить за детиной из буфета.

«Я должен точно знать имя женщины, которую убил. Я мог стать забывчивым, но не до такой же степени. Имя должно быть где-то у меня в памяти, просто я не могу его так срочно найти. Двадцать лет большой срок. Я знаю, я очень старался стереть этот эпизод из моей памяти как дурной сон, я пытался убедить себя, что этого никогда не было, что все это я просто придумал. И все равно, это очень странно, что я не могу вспомнить ее полного имени.

Элайн?..»

Детина из буфета попал в его поле зрения, когда поезд дал гудок и тронулся с места. Проблема имени сразу же вылетела у Брансона из головы, он вышел со станции и направился по дороге к дому. У него похолодел затылок, когда он услышал спокойные уверенные шаги позади себя, всего лишь в двадцати ярдах за своей спиной.

Он завернул за угол, шаги последовали за ним. Он пересек улицу, шаги за ним. Он вышел на свою улицу, человек не отставал.

Вопросы один за другим нанизывались на нитку. Теперь перед ним стоял новый вопрос: знает ли этот человек его адрес или же он преследует его с целью выяснить это? В первом случае Брансон может спокойно идти домой. Во втором варианте пойти домой означало снабдить их информацией, которую они хотят получить.

Наконец он пришел к решению и твердо прошел мимо собственного дома, молясь в душе, чтобы дети его не увидели и не выбежали с криком ему вдогонку, раскрывая незнакомцу то, что он старался скрыть. Ни на одно мгновение в его голове не возник вопрос, почему его преследователь делает свою работу так небрежно. Если бы он догадался задуматься об этом, то сразу же понял, что цель всего этого — заставить его паниковать и в панике выдать себя.

Ни одна знакомая фигура не попала на его пути и не поставила под угрозу его обходной маневр, покуда он не заметил вдали Джимми Линдстрома. Но он очень удачно избежал встречи, свернув на боковую улицу. Тяжелые шаги продолжали его преследовать.

На другом конце своей улицы он заметил полицейского, прислонившегося к столбу. Вид представителя закона заставил Брансона засомневаться, но затем он понял, что это очень удачное решение в сложившейся ситуации.

Ускорив шаги, он подошел к полицейскому и сказал:

— Здоровенный детина преследует меня вот уже полчаса. Мне это не нравится. Я боюсь, что он хочет обокрасть меня.

— Что за парень? — спросил полицейский, уставившись вдоль улицы.

Брансон обернулся, парня нигде не было видно.

— Я слышал, как он повернул за мной еще у того угла.

Полицейский со свистом втянул воздух сквозь сжатые губы и сказал:

— Пройдемте туда.

Они вместе подошли к углу. Парня нигде не было видно.

— Вы уверены, что вам не показалось?

— Вполне, — ответил Брансон.

— Значит, он свернул в одну из боковых аллей или зашел в какой-нибудь дом.

— Возможно. Но я знаю почти всех здесь в округе. Его я вижу впервые.

— Это ничего не значит, — отрезал полицейский, — люди приезжают и уезжают. Если бы я дергался всякий раз, как увижу новое лицо, я бы поседел лет десять назад. — Он внимательно осмотрел Брансона. — У вас что, с собой большая сумма денег или еще что?

— Да нет.

— Где вы живете?

— Вон там, — указал Брансон.

— Хорошо, мистер, идите домой и не думайте об этом. Я понаблюдаю за вами. И я еще побуду здесь какое-то время, так что успокойтесь.

— Спасибо, — ответил Брансон. — Извините, что побеспокоил.

Он направился к дому, стараясь сообразить, правильно ли он поступил. Этот детина вполне может и сейчас наблюдать за ним, просто присутствие полицейского заставило его быть более осторожным. Конечно, этот преследователь мог быть и вполне невинным новоселом в этом районе. А если нет...

Быть в бегах, даже если это происходит только в голове, — все равно что играть в шахматы на время со ставкой — собственная жизнь. Неправильный ход там и ошибка тут неизбежно приведут к поражению. Ему казалось невозможным, что преступники могут вести подобную жизнь месяцами, даже годами, пока у них не наступит психологический срыв.

Впервые он начал задумываться, сколько он так протянет и к какому концу это может привести.

Дороти встретила его с видом заботливой жены:

— Рич, у тебя такое разгоряченное лицо. А сегодня на улице очень холодно.

Он поцеловал ее.

— Я очень спешил. Не знаю даже почему. Просто хотелось быстрее домой.

— Спешил? — она с удивлением нахмурилась и посмотрела на часы. — Но ты ведь минут на семь позже обычного. Что, опоздал поезд?

Он постарался проглотить слова прежде, чем они сорвались с губ. Так просто солгать, и так же просто ложь будет открыта. Вопросы продолжали нанизываться. Теперь он должен был решать, как себя вести с собственной женой. Даже в такой мелочи, как эта, он не мог врать, и — не хотел делать этого, по крайней мере пока.

— Нет, дорогая, — ответил он. — Я просто поболтал немного с полицейским.

— Но это не заставило же тебя бежать как сумасшедшего. Обед всегда может подождать несколько минут, ты же знаешь, — она положила свою изящную руку ему на щеку. — Рич, ты мне говоришь правду?

— Правду о чем?

— О себе.

— Почему ты задаешь такие вопросы?

— Ты весь горишь, я тебе это уже сказала. И ты какой-то... необычный. Я все время это чувствую. Я прожила с тобой довольно долго, чтобы видеть, когда с тобой что-то не в порядке.

— Хватит придирааться ко мне, — огрызнулся он, но тут же пожалел об этом и добавил: — Извини, дорогая. У меня сегодня был очень тяжелый день. Я сейчас умоюсь и несколько освежусь.

Он пошел в ванную, а в голове его крутилась мысль, что все это с ним уже было. Нервное состояние по возвращении домой, раздражающие вопросы Дороти, грубость с его стороны, бегство в ванную. Это не может продолжаться вечер за вечером, неделю за неделей, рассчитывая, что впереди еще есть время. Теперь у него и на этот счет было сомнение.

Раздевшись по пояс, он осмотрел свой локоть. На нем был еще синяк и подсохшая царапина, но он больше не саднил. Шишка на голове тоже уменьшилась. В конце концов, это падение было не очень-то серьезным.

Скоро он присоединился к семье за обеденным столом. Ели в непривычной тишине. Даже щенок вел себя тихо. Над домом как будто нависла какая-то темная туча, которую все чувствовали, но никто не видел. Через некоторое время напряжение стало невыносимым. Тишину нарушали лишь короткие вопросы и такие же короткие ответы. Но разговор был

вымученным и фальшивым, и все понимали это.

В эту ночь, в кровати, Дороти не могла уgomониться около часа, она ворочалась с боку на бок и наконец прошептала:

— Рич, ты спишь?

— Нет, — ответил он, понимая, что не сможет ее провести, притворившись спящим.

— Может, тебе взять неделю отпуска?

— Мне еще далеко до отпуска.

— Разве ты не можешь попросить недельку авансом?

— Зачем?

— Тебе надо отдохнуть, это пойдет тебе на пользу.

— Слушай... — начал он, но тут же постарался прогнать раздражение, так как ему в голову пришла идея. — Я посмотрю, как буду чувствовать себя утром. А сейчас давай спать, ладно? Уже поздно.

Она дотронулась до него и нежно погладила.

За завтраком Дороти вернулась к этой теме.

— Возьми себе отпуск. Рич, — сказала она. — Другие же делают это довольно часто. Когда чувствуют себя хоть немного уставшими. Почему ты не можешь? Ты же не железный,

— Но я не устал.

— И не надо этого дожидаться. Небольшой отдых сделает тебя совсем другим, вот увидишь.

— Почему другим? Каким другим?

— Ты будешь ко всему спокойней относиться и не будешь таким издерганным, — убеждала она. — Я знаю, что твоя работа для тебя все, но здоровье прежде всего.

— Никто еще не умирал от работы.

— То же самое говорил Джефф Андерсен своей жене, помнишь?

Он кивнул и возразил:

— Джеффа разбил удар не обязательно от работы. У многих людей случаются удары.

— Возможно, и так, — согласилась она, но добавила: — А может, и нет.

— Посмотри на меня, — сказал Брансон с досадой. — Ты уговариваешь меня не раздражаться, а сама с самого утра занята тем, что раздражаешь меня.

— Рич, но мы же женаты. Мы должны заботиться друг о Друге. Если не мы, то кто же еще?

— Хорошо, — сказал он.

Встав из-за стола, он нашел свою шляпу и портфель.

Поцеловав ее на крыльце он сказал:

— Я обдумаю все это в поезде.

С этим и уехал.

Все это продолжалось еще четыре дня: назойливые расспросы любопытных и разговорчивых на работе и бесконечные споры с Дороти дома. В первый вечер верзила опять преследовал его до дома. В остальные три дня он изменил маршрут и отвязался от непрошеного попутчика. Но так как каждый день обходной маршрут был длиннее обычного, он приходил домой все позже и позже. А это опять означало объяснение с Дороти и все большее волнение с ее стороны. Брансон видел, как ее беспокойство все растет и как она делает все, что в ее силах, чтобы скрыть это.

На работе было еще труднее. Несмотря на то что он изо всех сил старался казаться вполне благополучным и спокойным, люди, которые его хорошо знали, были удивлены резкой переменной в его поведении. Они с подозрением смотрели на него, когда он делал неожиданные промахи, когда он не сразу соображал, о чем идет речь. Многие начали обращаться с ним, как

обращаются с больным или с человеком, который вот-вот заболеет.

Но четвертый день был самым худшим. Высокий человек с цепким взглядом появился в отделе и все время околачивался недалеко от Брансона. Возросшая подозрительность Брансона подсказала ему, что этот человек собирается следить за ним, и вскоре он заметил, что тот делает это почти в открытую. Но так как никто не мог попасть в институт без разрешения властей, это означало, что соглядатай имел это разрешение.

Боже правый, но не могли же эти ищейки так быстро напасть на его след после двадцати долгих-долгих лет? Неужели они уже выяснили, что он и есть преступник, и сейчас держат его под постоянным наблюдением, чтобы просто собрать достаточно для суда улик? Все это так гнетуще действовало на Брансона, что он решился поднять вопрос в разговоре с Потером во время обеда.

— Что это за парень, который болтается и ничего не делает?

— Какой-нибудь детектив, я думаю

— Да? И что или кого он здесь изучает?

— А черт его знает, — ответил безразлично Потер. — Я как-то видел его раньше. Года полтора назад.

— Его не было у нас в отделе. Я никогда его раньше не видел.

— Он таскался по красной зоне, — объяснил Потер, — поэтому ты и не заметил его. Он появился вскоре после того, как пропал Хендерсон. Кажется, его зовут Рирдон. Все думали, что он будет работать на месте Хендерсона, но оказались не правы. Он просто болтался вокруг, ничего не говоря, ничего не делая, а потом убрался восвояси. Может, он просто следит, чтобы никто не валял дурака на работе. Может быть, там, в Вашингтоне, думают, что мы все тут превратимся в бездельников, если они не будут следить за нами время от времени.

— Никакой он не детектив, — задумчиво проговорил Брансон, — болтается без дела, курит сигарету за сигаретой и ничего не говорит. Даже никаких вопросов.

— А тебе еще вопросы нужны?

— Нет.

— Тогда чего ты дергаешься?

— Меня просто раздражает, что какой-то соглядатай дышит мне в спину.

— Меня это не трогает, — сказал Потер, — у меня совесть чиста.

Брансон уставился на Потера, сжав губы, на этом разговор и закончился.

Он знал, что еще один такой день ему не выдержать: замечание Потера засело у него в голове, острые глаза Рир-дона преследовали его повсюду, домой ему надо «дти, избегая встречи с тем верзилкой, а дома придется объясняться с Дороти. Отчаянное решение созрело в его голове: пришла пора взять отпуск.

Когда кончилась работа, он отправился прямо в отдел персонала, нашел там Макхена и сказал:

— Очень сожалею, что явился без предупреждения, но мне надо бы взять недельку отпуска без содержания, прямо с завтрашнего дня.

— А почему без содержания?

— Не хочется потом гулять неполный отпуск.

На лице Макхена появилось сочувствие:

— Неприятности дома? Дети болеют?

— Нет, там все в порядке. — Брансон судорожно искал подходящую причину, казалось, что теперь он всю оставшуюся жизнь проведет за тем, что будет подыскивать правдоподобные объяснения. — Просто неприятности у родственников. Я съезжу навестить их, улажу все дела и сразу же обратно.

— Это не предусмотрено порядком, — сказал Макхем, покусывая губы.

— Я знаю, но я бы не стал просить, если бы не было необходимости.

— Конечно, конечно.

Он немного подумал, потом взял телефон, коротко переговорил с Кайном и взглянул на Брансона:

— Кайн не возражает, значит, Лейдлер тоже возражать не будет. В таком случае, все в порядке. Значит, вы будете через неделю?

— Да.

— Хорошо. Я отмечу это в вашей карточке.

— Большое спасибо. Я очень вам благодарен.

Когда он выходил из отдела, то в дверях столкнулся с Рирдоном. Боковым зрением, через окно, он увидел, что Рирдон беседует с Макхеном. По непонятным причинам он прибавил шаг.

Случайный знакомый, которого он встретил по дороге, подвез его на машине почти до дома. Это позволило ему не беспокоиться о верзиле и прибыть домой вовремя. Возможно, удача опять вернулась к нему. Он сможет лучше обдумать все происходящее, если обстановка не будет меняться в худшую сторону.

Семья с восторгом приняла новость о его кратковременном отдыхе. Это показало ему, насколько все были удручены и обеспокоены его мрачным настроением. Дети прыгали вокруг него, а щенок не только повизгивал, но даже намочил на коврик. Дороти улыбнулась, потом взглянула на часы и кинулась на кухню.

— Я ненадолго уеду, дорогая.

Она замерла, продолжая держать в руке сковородку.

— Ты хочешь сказать, что ты взял отпуск, как я тебе советовала?

— Совсем нет! Я бы не стал проводить отпуск один, без тебя и детей. Это совсем не отпуск.

Но это еще и лучше.

— Что же тогда?

— Я еду в командировку, всего на неделю. Это будет и переменой обстановки, и небольшим отдыхом.

— Я рада. Это как раз то, что тебе надо, — она поставила сковородку и накрыла ее крышкой. — И куда же они тебя посылают?

Куда?

До этого момента он об этом и не думал, даже для того, чтобы иметь готовый ответ. Все, что ему хотелось, это побыстрее уехать из этого места, от этих соглядатаев, детективов, института, просто найти укромное место, обдумать случившееся и прийти к какому-нибудь спасительному решению.

Куда?

Она ждала ответа и уже начинала чувствовать его колебания.

— Бельстон, — ответил Брансон в мрачном отчаянии.

Он не мог сказать, почему назвал это местечко. Это название, которое он ненавидел, вырвалось у него против его воли.

— Где это?

— Небольшое местечко на Среднем Западе.

— А... Почему?

Он поспешно постарался предупредить следующие вопросы:

— Я буду там четыре дня. На самолете не полечу, поеду поездом, буду качаться в кресле и любоваться пейзажем. В этом безделье и отдохну, — он выдавил из себя улыбку, изо всех сил стараясь, чтобы она выглядела натурально. — Поездка скучная, если едешь один, хорошо бы,

конечно, вместе с тобой.

— Придумал! И оставить детей предоставленными самим себе? Или хочешь сказать, что надо взять их на неделю из школы? Не будь глупым! — Она снова погрузилась в работу по кухне, но ее настроение заметно улучшилось. — Это очень хорошо, что ты едешь, Рич. Хорошо питайся, хорошенько выспись и ни о чем не беспокойся. И тогда ты вернешься вполне отдохнувшим и посвежевшим.

— Слушаюсь, доктор, — сказал он, изображая шутливое послушание.

Но вернуться к чему? Он может вернуться только в опасную зону. Это, наверное, будет просто бесполезным делом, если он вернется и не сможет там остаться.

Таким образом, ему надо за эту неделю найти место, где он начнет новую, анонимную жизнь, где за ним не будут постоянно наблюдать зоркие глаза, где за каждым его шагом не будут эхом звучать эти тяжелые шаги. Но это не все, ему надо будет еще найти способ внезапно и без следов переселить Дороти и детей из одного дома в другой. А это значило, что ему придется рассказать Дороти очень много, и тогда появлялась проблема, как она это воспримет.

Но альтернативы не было. В противном случае придется покинуть семью и оставить ее на съедение детективам.

Нет, такого он не сделает, и хотя это очень рискованно — связывать себя семьей в такой ситуации, он никогда не оставит Дороти и детей, если его, конечно, не вынудят чрезвычайные обстоятельства.

Смертный приговор может быть таким обстоятельством.

Утром он выехал из дома на такси, взяв с собой всего один чемодан. Дороти стояла на дороге, около их машины, и улыбалась ему. Она была готова отвезти детей в школу. Дети прыгали на лужайке перед домом и махали ему на прощанье руками. Ему в голову пришла мысль, которая чуть было не повергла его в панику: он подумал, что если его возьмут в ближайшие четыре дня, то это последний раз, когда он видит их веселыми. Повернувшись, он не отрывал от них взгляда, смотря на них через заднее стекло такси, пока машина не повернула за угол.

Такси остановилось у местного отделения банка и ждало Брансона, пока он снимал со счета скромную сумму. Большая сумма была бы для него удобней, но могла осложнить жизнь Дороти, если вдруг их воссоединение задержится. Он должен был пойти на компромисс между своими неотложными нуждами и нуждами Дороти в будущем. За время их совместной жизни у них накопилась солидная сумма.

Из банка он поехал на станцию. Такси уехало, а он остался один и стал с тревогой оглядываться, стараясь первым заметить знакомые лица. Но никто из знакомых на глаза не попался, и за это, он был признателен судьбе. Брансон приехал в город на час позже, чем обычно, и это спасло его от обычных встреч.

Поезд увез его от дома. Он добрался до города без каких-либо происшествий и затерялся в суеде миллионной толпы, как крупинка песка в кузове самосвала. У него было только одно желание: избавиться от всех своих неприятностей. В голове бродила смутная мысль, что его не так-то просто будет поймать, если постоянно переезжать с места на место и делать это без всякой системы, без заранее продуманного плана.

Он бесцельно бродил по улицам, теряясь в толпе, неся чемодан в руке, пока внезапно не обнаружил себя на главной станции. Тогда, и только тогда, он понял, что какая-то часть его мозга, работая независимо и ясно, привела его сюда, считая, что отсюда он должен начать свой новый маршрут. Ему даже показалось странным, что какая-то часть его мозга еще может работать спокойно и без паники. Он и не подозревал тогда, так как у него никогда не было времени для самоизучения, что все проблемы, которые волнуют человека, будоражат только

поверхностное сознание, в то время как аналитический ум остается таким же аналитическим, как и во время спокойной работы.

Во всяком случае, он получал команды от инстинкта, или из глубины своего мозга, или все равно откуда. Он вошел на станцию, подошел к кассе и совиными глазами уставился на кассира, как будто ожидал, что кассир сам сейчас же предложит ему маршрут. Ведь нельзя же спросить билет куда-нибудь в спокойное место, недостижимое для закона. Надо самому назвать место назначения, любое, пусть то, которое первым придет в голову. Он уже раскрыл было рот, как сообразил, что именно этот город называл Дороти, когда судорожно подыскивал ответ на ее вопрос, куда он едет.

Та часть мозга, которая продолжала работать ясно, остановила это слово на полпути к губам. Если они начнут искать тебя, говорила она, они быстро проследят твой путь до города и начнут спрашивать на автобусных и железнодорожных станциях, пока не нападут на след. Они будут говорить с этим кассиром, и он им все расскажет. И хотя мимо него проходят сотни людей, кассир может иметь блестящую память и вспомнить тебя по самой незначительной детали, и тогда он расскажет все, что знает, а это может быть очень многое. Не рискуй с ним. Не рискуй ни с кем. Те, кто сидит сейчас в тюрьме, шли на неоправданный риск.

Брансон купил билет в город, который находился на расстоянии трех четвертей пути до того места, куда он хотел попасть. Положив билет в карман, Брансон взял чемодан, повернулся и почти наткнулся на высокого человека, худого, с коротко подстриженными волосами и сверлящими глазами.

— А, мистер Брансон, — сказал Рирдон с деланным удовольствием. — Отдыхаете?

— По официальному разрешению, — ответил Брансон, собрав всю волю, чтобы взять себя в руки, потом добавил: — Люди иногда имеют право отдохнуть.

— Конечно, конечно, — согласился Рирдон, уставившись на чемодан Брансона с таким видом, как будто мог видеть вещи насквозь. — Желаю приятного времяпрепровождения.

— Ради этого и еду, — ответил Брансон, затем в нем поднялась злоба. — А вы что здесь делаете?

— То же, что и вы, — улыбнулся Рирдон. — Уезжаю. Нам случайно не по пути?

— Не знаю, — почти грубо ответил Брансон. — Я не знаю, куда вы направляетесь.

— Ну, какое это имеет значение, куда ехать, — беспечно произнес Рирдон, отказавшись обижаться на замечание Брансона, потом взглянул на вокзальные часы и бросился к кассе. — Мне надо спешить. Еще увидимся.

— Может быть, — согласился Брансон, не выражая восторга от этой идеи.

Он сел в поезд, успокоившись и не успокоившись от того, что отделался от Рирдона. Его мысли прыгали резвей, чем кошка на углях. Встретить этого парня здесь — это уже совсем не похоже на совпадение. Когда Брансон проходил через барьер перрона, он быстро и незаметно оглянулся. В тот момент Рирдона поблизости не было.

До отправления поезда оставалось десять минут, и эти десять минут Брансон провел очень беспокойно, ожидая в любой момент появления нежелательного попутчика. Если Рирдон следит за ним, то у него есть соответствующий документ и ему не составит труда выяснить на станции, куда взял билет Брансон, и взять себе билет на тот же поезд. А этого Брансону меньше всего хотелось, так как любопытное, нахальное лицо напротив и несколько часов беседы, в которой нельзя расслабиться и надо постоянно обдумывать свой ответ, не обещали ничего хорошего. Он с волнением осматривал в окно перрон, но не заметил, чтобы Рирдон сел в тот же поезд.

Прибыв на станцию назначения, Брансон бесцельно начал бродить по городу, постоянно следя за тем, что происходит у него за спиной, но никаких признаков слежки не обнаружил. Он перекусил в какой-то закусочной, совершенно не чувствуя вкуса пищи, поболтался еще по

городу и вернулся на станцию. Насколько он мог определить, никто за ним не шел и никто не околачивался у входа на станцию в ожидании его появления.

— Мне надо попасть в Бельстон, — объявил он в билетной кассе.

— С этим городом нет железнодорожного сообщения, — объяснил кассир, — ближайшая станция Хенбери, всего в двадцати четырех милях от Бельстона. Оттуда вы можете добраться автобусом.

— Хорошо. Дайте мне билет до Хенбери, — согласился Брансон. — Когда отходит ближайший поезд?

— Вам повезло. Поезд отходит через две минуты. Девятая платформа. Поторопитесь!

Схватив билет, Брансон галопом бросился на девятую платформу. Он заскочил в поезд и не успел еще занять свое место, как поезд тронулся. Это принесло ему громадное удовлетворение: если его действительно преследовали и он этого не смог обнаружить, то такой поспешный отъезд наверняка стряхнул хвост.

На нем лежало проклятие из прошлого, которое делало его настоящим таким же мрачным: у него было постоянное чувство, от которого он никак не мог избавиться, что его преследуют, что его подозревают, что за ним наблюдают. Брансону казалось, что его окружают всезнающие глаза, которые видят правду и осуждают его.

«Почему я убил Элайн?»

Когда в его голове мелькнул этот вопрос, он сразу почувствовал, как похолодело в животе. По каким-то непонятным причинам у него перед глазами встали картины прошлого, гораздо более ясные, чем когда-либо, наверное, это происходило потому, что голова не была в данный момент занята близкой опасностью.

Теперь он сумел вспомнить ее полное имя: Элайн Лафарж. Да, так ее и звали. Она как-то сама объяснила ему, что ее имя происходит от обычного Элин, а фамилия напоминает о французских предках. У нее была замечательная фигура, и она всячески это подчеркивала, это, пожалуй, и все, что можно было о ней сказать. Да, еще можно было сказать, что у нее были темные волосы, темные глаза и что она была расчетлива и совершенно бездушна. Старая ведьма в молодом обличье.

Она имела на него почти гипнотическое влияние тогда, когда ему не было еще и двадцати и он был в десять раз большим дураком, чем до или после этого. Она объявила, что будет использовать свое влияние на него на все сто процентов, пока она будет набивать себе цену, а он не кончит колледж, не найдет себе работу и не начнет зарабатывать приличные деньги. А до этого времени ему отводилась роль горящего желанием любовника, мечтающего когда-нибудь получить ее тело в награду за все. Время от времени она требовала доказательств, что ее влияние над ним остается полным и неослабным. И он покорно предоставлял их ей, желая и ненавидя ее одновременно.

И вот тогда, два десятка лет назад, он взорвался. Она вызвала его в Бельстон, просто на день, желая помахать перед ним наживкой, как перед рыбкой, но с условием, что наживка останется для него в недосыгаемости. Она хотела просто вытереть о него ноги и убедиться еще раз, что он принадлежит ей и душой и телом. Это-то и было ее ошибкой: вызвать его тогда туда. Что-то в нем лопнуло, от сердца что-то оторвалось, и его ненависть превысила границу критической массы. Он швырнул ее на землю, но его ярость была слишком большой, чтобы удовлетвориться этим, вот так он и проломил ей череп. А потом он похоронил ее под тем деревом.

Он, должно быть, был тогда совсем сумасшедшим.

Детали всего этого всплыли в памяти так живо, как будто это было вчера, а не двадцать лет назад. Брансон увидел ее бледное лицо, сведенное судорогой от яростного удара, скрюченную

фигуру, неподвижно лежащую на земле, маленькую струйку крови, вытекающую из-под темных волос и подходящую по цвету к ее алым губам. Он до сих пор чувствовал ту ярость, которую вложил в удар. Он живо представлял ту энергию, с которой судорожно выскребал яму, чтобы спрятать тело, в то же время постоянно наблюдая за пустынной дорогой, боясь появления неожиданного свидетеля. Он видел себя, укладывающего последний кусок дерна между корнями и утаптывающего все это, чтобы скрыть следы своего преступления.

А потом последовал долгий период умственной тренировки, в которой он приучал свой мозг забыть прошлое, долгий период самодисциплины, в конце которого он полностью убедил себя, что ничего этого не было, Элайн Лафарж никогда не существовала, а он за всю свою жизнь никогда не был в Бельстоне.

И на какое-то время Брансон сумел изгнать ужасные воспоминания из памяти. Сегодня он мог представить себе преступление ясно и в деталях, тогда как в предшествующие годы оно уже полностью потерялось в тумане. Даже для того, чтобы вспомнить полное имя Элайн, ему потребовалось какое-то время. Но как он ни старался, никак не мог воспроизвести в своей памяти никакие виды Бельстона, он был совершенно не уверен, вспоминает Бельстон или какое-то другое местечко, в котором когда-то побывал. В прошлом Бранстон много поездил и видел очень много одноэтажных провинциальных городков; теперь ему было трудно отделить их один от другого. И еще сейчас он не мог понять, почему Элайн выбрала тогда именно Бельстон.

И ко всему прочему, он не мог сейчас точно сказать, чем его так взяла Элайн. Очевидно, он должен был помнить это, потому что именно здесь и лежало начало его преступления. И все равно он этого не помнил. Даже если кто-то и рассматривает свое прошлое, учитывая желания и порывы юности, просто слепого влечения и необузданной ненависти здесь мало, особенно для такого думающего типа, как Брансон. Насколько Брансон помнил свою юность, он не превзошел своих товарищей в юношеских безумствах, никогда не был мартовским котом. Здесь должна быть какая-то необычная причина, *заставившая* его избавиться от Элайн. Где-то, когда-то он сделал что-то такое, что могло полностью сломать его карьеру, всплыви на поверхность, и, очевидно, Элайн знала обо всем и этим держала его в руках.

Но он не мог найти в своей памяти и намек на подобный поступок. Что бы это могло быть? Воровство? Вооруженное ограбление? Растрата или подлог? В своих мыслях Брансон снова прошел все свое детство и юность с пеленок до двадцати лет, но ничего, что могло бы отдать его во власть бесстыжей бабы, вспомнить не мог. Насколько можно было доверять памяти, ничего, кроме детских проступков, таких как синяк под глазом у соседского ребенка или разбитое мячом окно, он вспомнить не мог. Ничего.

Он начал устало потирать лоб: длительное нервное напряжение иногда играет странные шутки с памятью, он слышал об этом и от своих коллег. Иногда Брансон со страхом начинал думать о том, что где-то внутри его мозга есть участок, где прячется безумие. Наверное, *тогда* он был не совсем в здравом рассудке. Как он думает *теперь*.

Когда он приехал в Хенбери, было уже темно. Он снял комнатку в небольшой гостинице, спал беспокойно, постоянно ворочаясь и вздрагивая, позавтракал с тяжелой головой и без аппетита. Первый автобус на Бельстон отходил в девять тридцать. Он поехал на этом автобусе, оставив свой чемодан в гостинице.

Автобус привез его в Бельстон в десять пятьдесят. Брансон несколько раз прошелся по главной улице взад и вперед, но совершенно не мог вспомнить ее. Это его не очень удивило: за двадцать лет внешность может меняться и у улиц, да не то что может, так оно всегда и бывает. Иногда они становятся совсем неузнаваемыми, когда сносятся старые дома, а на их месте встают новые, совсем не похожие на старые, пустые места застраиваются, на месте старых помоек зеленеют скверы. За двадцать лет хутор может вырасти в деревню, деревня в городок,

городок в город.

На его взгляд, Бельстон был теперь провинциальным городком с населением около четырех тысяч. Он оказался большим, чем Брансон ожидал. Он не мог сказать, почему считал Бельстон таким маленьким в прошлом, просто, видимо, память о его первом визите в Бельстон лежала где-то в его подсознании.

Какое-то время он стоял на улице, не зная, что делать дальше. Он даже не мог понять, почему его внутренний страх привел его сюда, наверное, он просто повиновался какому-то инстинкту без всякой логики и мысли. А может, это и было то пресловутое желание преступника вернуться на место преступления, хотя в данном случае преступник даже не знал, где находится это место: к югу, к северу или как раз там, где он сейчас стоит.

В его памяти всплывал только вид пригородной дороги, такой же, как и в сотнях других мест. Мысленно он отчетливо видел эту дорогу: прямое шоссе с двухсторонним движением, хорошо асфальтированное, с молодыми деревцами по краям, посаженными с интервалом в пятьдесят футов. Вокруг тянулись поля с зерновыми, колосья были высотой примерно до колена. Одно дерево он помнил особенно хорошо, то, под которым вырыл яму и спрятал жертву. Он пихнул ее туда головой вперед. Ее туфли никак не хотели прятаться в дыре, они скрылись только под последними комьями земли и последними кусками дерна.

Это было где-то в пригороде Бельстона, по крайней мере, должно было быть. В миле от города, в пяти, в десяти? Он не знал. И в каком направлении? Этого он не знал тоже. На улице он не видел ничего мало-мальски знакомого, ничего, что могло бы подсказать ему ответ.

Надо было решить эту проблему наилучшим способом, так, чтобы ему не начали задавать вопросов, на которые трудно ответить. Брансон нанял такси и сказал шоферу, что он бизнесмен, который ищет место для небольшой фабрики в пригороде. Шофер, которого намного больше интересовал заработок, чем цель поездки, повез его по всем пригородным дорогам в радиусе десяти миль. Бесплезная трата времени. Ни одной из дорог он не смог узнать.

Когда они вернулись в место начала своего путешествия, Брансон сказал шоферу:

— Мне советовали посмотреть место среди полей, вдоль двухсторонней дороги, обсаженной по краям деревьями через равные интервалы. Где бы это могло быть?

— Не знаю. Мы проехали по всем дорогам, проходящим вблизи города. Больше дорог нет: Я не знаю обсаженной деревьями дороги ближе чем в десяти милях в другую сторону от Хенбери. Могу свезти вас туда, если хотите.

— Нет, спасибо, — поспешно отказался Брансон. — Мне определенно говорили про Бельстон.

— Тут что-то напутали, — предположил шофер. — Умные советчики всегда что-нибудь напутают.

С этим философским утверждением он и уехал.

Ну возможно, что дорогу расширили и деревья спилили. А может, он был в нескольких футах от того места, но не узнал его? Нет, вряд ли. Шофер — «дальнобойщик», который напугал его, говорил определенно о дереве, которое склонилось над дорогой и готово было упасть. То дерево, по крайней мере, осталось. Отсюда вытекало, что и другие деревья должны были быть на месте, или же их убрали не так давно. Но во время своей поездки он нигде не видел следов только что спиленных деревьев.

Потом он еще несколько раз прошелся взад и вперед по главной улице, рассматривая магазины, кабачки, гостиницы, стараясь получить хоть какой-нибудь намек, возродить любое смутное воспоминание. Город оставался таким же незнакомым, как и любой другой незнакомый город. Если это действительно так, если он действительно никогда здесь не был, значит, он неправильно помнит название. Значит, это был не Бельстон. Это должно быть какое-

нибудь местечко с подобным названием, например, Больстаун, или Бельсфорд, или даже Бейкертаун.

«Это Бельстон», — настаивала память.

Странно!

Его память говорила одно, а глаза утверждали другое. Его память говорила: «Сюда ты и приехал, чтобы убить Элайн».

А глаза утверждали: «Этот город тебе так же знаком, как Сингапур или Серингопотам».

Затем произошло еще более ужасное: его сознание раздвоилось на антагонистические части. Одна часть говорила: «Смотри! Полиция ищет доказательства! Смотри, осторожней!»

Другая ей возражала: «Да черт с ней, с полицией. Ты должен доказать это хотя бы самому себе. Вот в чем все дело».

Шизофрения — поставил он себе диагноз. Это все объясняло. Он жил и живет в двух различных мирах. Тогда его правая рука не знает, что делает левая. Тогда Брансон-ученый не может отвечать за дела Брансона-убийцы.

Может, это и есть спасение? Они не казнят умалишенных. Они просто направляют их в сумасшедшие дома.

Спасение?

Лучше уж смерть!

Полный мужчина в дверях магазина обратился к Брансону, когда он прошел мимо него в шестой или седьмой раз:

— Что-нибудь ищете, мистер?

На этот раз Брансон не колебался. С практикой приходит умение легко придумывать правдивые истории, а за последнее время у него была большая практика. Он сразу же сообразил, что история должна сочетаться с той, что он рассказал шоферу такси. Люди в маленьких городках часто сплетничают между собой, и несовпадение историй вызовет только лишние подозрения.

— Я ищу место для маленькой фабрики за городом. Да вот не могу найти ничего подходящего. Видно, что-то напутали, когда рассказывали.

— В Бельстоне? — переспросил толстяк и сощурился, изображая тем самым глубокую задумчивость.

— Нет. В пригороде.

— А что за место? Если вы мне его опишете, думаю, что смогу помочь вам.

Брансон насколько мог описал место и добавил:

— Мне говорили, что одно из деревьев недавно подмыло потоком воды и оно упало на дорогу.

Это было рискованно. Он с волнением ждал, что его собеседник воскликнет: «А, это там, где нашли скелет этой бедной девушки!»

Но, к его удивлению, толстяк осклабился:

— Такое могло быть только лет пятьдесят назад.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я здесь уже пятьдесят лет. и за это время здесь нигде и не могло быть потоков воды.

— Вы в этом уверены?

— Да уж куда уверенней!

— Может, это просто не тот Бельстон?

— Сомневаюсь. — возразил толстяк. — Я никогда не слышал о другом Бельстоне По крайней мере в этом полушарии.

Брансон пожал плечами, стараясь выглядеть равнодушным и безразличным.

— Ничего не остается, как вернуться и проверить все снова. Поездка оказалась пустой тратой времени и денег.

— Не повезло, — посочувствовал его собеседник. — А почему бы вам не попробовать обратиться в контору по недвижимому имуществу Кастера в Хенбери?

— А это идея! Спасибо!

Он зашагал на автобусную остановку в полной растерянности. В этом заштатном городишке такое событие, как убийство, пусть даже и очень давнее, должно было вызвать массу разговоров. И уж шофер такси должен был об этом непременно знать и упомянуть во время поездки. А толстяк, услышав об упавшем дереве, должен был тут же выложить все детали этого события. Ани один из них об этом Даже и не заикнулся.

И тут ему в голову пришла мысль, что местные газеты могут снабдить его необходимой информацией и не привлечь к нему никакого внимания. Брансон готов был волосы рвать на себе от досады: надо же, дрожал и пустился в бега, а надо было с самого начала обратиться к газетам.

В местных газетах могли даже не упоминать о его приметах, особенно если полиция только напала на его след. Но статья о происшедшем с возможными теориями и с намеками о том, что делается по этому поводу, должна была быть там непременно.

Он обратился к старику, дремавшему на скамейке:

— Где здесь редакция местной газеты?

— У нас нет такого заведения. Мы пользуемся «Хенбери газет», она выходит по пятницам.

Подошел автобус, Брансон сел и устроился у окна. Через улицу, в дверях магазинчика, все еще стоял толстяк и со скучающим любопытством наблюдал за автобусом. Теперь Брансон был совершенно уверен, что, если толстяка кто-нибудь спросит о нем, тот сможет дать точное его описание и точное время приезда и отъезда. Он выглядел внимательным наблюдателем, который ничего не упустит, если его спросить о том, что он видел.

Господи, почему другие люди обладают такой хорошей памятью, в то время как его собственная так подводит?

Если преследователи докопаются до его поездки в Бельстон, это может быть серьезной уликой. Возможно, он допустил грубую ошибку, поехав сюда. Возможно, ему не следовало поступать так, давая волю подсознательным порывам. Когда начнутся допросы, это путешествие будет чертовски весомым на чаше обвинений.

«Очень хорошо. Вы не виновны. Допустим такой вариант. Допустим, что вы никогда не знали Элайн Лафарж. Тогда почему вы пустились в бега? Почему вы покинули I вой дом в таком паническом бегстве?»

«Я совсем не пускался в бега. Мне не от кого убегать. Я просто решил недельку отдохнуть от работы. Я просто устал, и мне нужен был отдых».

«Это вам сказал ваш врач?»

«Нет, я не консультировался у моего доктора по этому вопросу».

«А почему нет? Если вы настолько устали, то доктор выдал бы вам на этот счет документ, и все было бы намного проще, не так ли?»

«Я не настолько устал, Я этого не утверждал. Не надо приписывать мне лишнее»,

«Не надо нас учить Просто давайте прямые ответы на прямые вопросы. Вам ведь нечего скрывать, не так ли?»

«Да».

«Отлично. Вы сказали, что очень устали и хотели немного отдохнуть».

«Да».

«Вы сами себе поставили этот диагноз и сами себе прописали это лекарство?»

«Да, против этого нет закона».

«Мы хорошо знаем законы. А теперь ответьте на такой вопрос: вам не кажется странным, что вы решили отдохнуть как раз в тот момент, когда мы напали на ваш след? И почему вы не могли отдохнуть дома, вместе с женой и детьми?»

«Это никому бы не принесло пользы».

«Что вы хотите этим сказать?»

«Мое состояние беспокоило их, и это в свою очередь беспокоило меня. Это магический круг, и он только ухудшал положение. Чем хуже я себя чувствовал, тем тяжелее сказывалась на моем состоянии их тревога. И я решил, что единственно правильное решение, это отдохнуть где-нибудь в мирном спокойном местечке».

«В таком, как Бельстон?»

«Раз я уезжал из дома, мне надо было куда-то ехать, не так ли? Я мог поехать куда угодно, совершенно произвольно».

«Вы сами сказали, что могли поехать куда угодно во всем большом мире. Но вы поехали в Бельстон. Как вы это можете объяснить?»

«Я никак не могу этого объяснить».

Возможно, что в этот момент он начнет кричать и они обменяются многозначительными взглядами, давая друг Другу понять, что тот, кто кричит, обычно находится в углу. Он прокричит свой ответ, желая подчеркнуть свою невиновность, а на самом деле только покажет им, что находится на пределе и вот-вот сломается.

«Я не могу вам сказать, почему поехал именно туда. Я был на грани нервного срыва и не мог логически рассуждать. Я поехал куда глаза глядят, считая, что эта поездка поможет мне. Это чистая случайность, то, что я поехал в Бельстон».

«Так, и никак иначе?»

«Да».

«Вы совершенно случайно поехали именно туда?»

«Правильно».

«Вы вполне в этом уверены?»

«Да».

Дальше последует волчья улыбка.

«Когда вы уезжали из дома, вы сказали жене, что едете в Бельстон?»

Опасная пауза, отчаянное обдумывание ответа.

«Нет».

«Она так сказала».

«Она ошиблась».

«Ваши дети тоже слышали это».

Молчание.

«Все трое совершенно одинаково ошиблись?»

«Возможно, я это и говорил, но не помню. Возможно, это название и сидело у меня в голове и я произнес его не думая».

«И таким образом вы поехали в богом забытый уголок, а? Многие из ваших соседей и не подозревают о его существовании. А вот вы знали о нем. Вы только что сказали, что это название сидело у вас в голове. И как же оно пришло вам в голову? Как вы узнали о его существовании?»

«Не помню».

«Насколько мы знаем, вы там не родились. Вы там не женились. Ваша жена тоже не из тех

мест. Таким образом, у вас с этим местом нет ничего общего. Так что же побудило вас поехать туда?»

«Я вам уже говорил несколько раз, я не знаю, почему туда поехал».

«А почему вы решили наговорить кучу лжи об этой поездке?»

«Я ничего не говорил. Я сказал об этом только своей жене, вы сами это только что сказали».

«Не берите в голову, что мы говорили. Подумайте лучше о том, что говорили вы сами. Вы сказали Макхену, что у ваших родственников неприятности. А ваша жена об этом ничего не знает. Вы сказали жене, что едете по делам в Бельстон, а ваше начальство это начисто отрицает. Вы сказали шоферу такси и владельцу магазина, что ищете место для фабрики, а на самом деле болтались, по вашим словам, без дела».

«Я не хотел, чтобы Макхен знал, что я устал».

«А почему нет?»

«Я не хотел, чтобы он подумал, что я выбился из ритма. Я не хотел показывать своей слабости».

«Ах так, но это не очень убедительно. Это вполне нормально, когда служащий признается, что устал и ему нужен отдых, и ему его предоставляют. Десять процентов персонала только в этом году пользовались этим. Почему вы считаете свой случай исключением?»

Молчание.

«А что вы скажете о той сказке, которую вы рассказали своей жене? Мужчины не врут привлекательным женщинам без основательных на то причин».

«Она и так уже была взволнована моим состоянием. Я не хотел усиливать ее волнение».

«Хорошо. Значит, вы поехали в Бельстон искать место для фабрики или по крайней мере сказали, что ищете. У нас есть два свидетеля на этот счет. Вы хотели завести собственное дело? И что же за производство вы хотели там организовать? Почему вы выбрали Бельстон, где нет даже железнодорожной ветки?»

«Свидетели ошиблись».

«Оба сразу?»

«Да».

«Гм, они страдают галлюцинациями, так же как ваша жена и дети? Странно, как это все вас не понимают или понимают неправильно. А?»

Ответа нет.

«Медицинская экспертиза показала, что девушка была убита. Из всех, кого мы подозревали, вы единственный, у кого была такая возможность и, мы думаем, мотивы тоже. Преступление было совершено двадцать лет тому назад, за это время вы успели сделаться любящим отцом и мужем и благонадежным гражданином. Вы стали образцом провинциальной респектабельности».

Молчание.

«И вот еще одно совпадение: вы устали от всего этого как раз в то время, когда выплыло наружу убийство. Еще большее совпадение: вы неожиданно взяли отпуск. И куда же вы поехали? В Бельстон!»

Молчание.

«Хватит валять дурака. Мы и так потеряли уже достаточно времени. Давайте посмотрим фактам в лицо. Новость заставила вас подпрыгнуть, так как у вас были для этого основательные причины. Вы решили проверить. Вы решили выяснить, напала ли полиция на чей-нибудь след, и если да, то на чей? В противном случае вам не спалось».

Молчание.

«Мистер, вы достаточно выдали себя, все это удовлетворит любого судью. Ваша единственная надежда — чистосердечное признание. По крайней мере, только это может спасти вашу шкуру».

Тишина, пристальный взгляд, потом небрежный взмах рукой.

«Уведите его. Пусть посидит и подумает, пока его адвокат не приедет сюда».

Брансону не составило труда представить весь этот ужасный диалог, в котором ему была предназначена роль загнанной в угол крысы. Неужели это все так и будет, когда придет конец? Когда он подумал об этом, его пульс резко участился.

Это неприятное чувство прошло к тому времени, как он достиг Хенбери. Он сумел убедить себя в том, что праздные фантазии и реальность — это совершенно разные вещи. Будущее скорее в руках Бога, чем в его слишком активном воображении. Худшее может никогда и не случиться. А если и случится, то он встретит его в свое время, и не раньше.

Он нашел редакцию «Хенбери газет» в ста ярдах от своего отеля, вошел туда и спросил худого юношу с болезненным лицом, сидящего за конторкой:

— У вас есть старые номера газет?

— Смотря насколько старые.

— Мне нужно несколько, начиная с последнего.

— Это несложно. Сколько вам?

— Дайте, пожалуйста, дюжину, — сказал Брансон, немного подумав.

— Вы хотите двенадцать экземпляров последнего номера?

— Нет. Я хочу по одному экземпляру двенадцать номеров, начиная с последнего.

Парень подобрал номера, скрутил их в сверток, перевязал веревкой и подал Брансону. Брансон заплатил и вернулся к себе в номер. Он закрыл дверь, сел за стол у окна и начал изучать газеты, страницу за страницей, колонку за колонкой, не пропуская ничего.

Эти газеты были за период в три месяца. Они сообщали о пожаре, о нескольких ограблениях, о кражах машин, о самоубийстве где-то за городом и о перестрелке. Но ничего экстраординарного не произошло ни в Бельстоне, ни в его окрестностях.

Брансон мог объяснить это двояко. Шофер мог говорить о преступлении, которое было совершено где-нибудь в другом месте. Это родило надежду, что, может быть, его собственный грех так и останется нераскрытым.

С другой стороны, история, которую рассказал шофер, могла быть и чистой правдой, без всяких ошибок, но произошла она много раньше. Хотя парень имел такой вид, как будто он пережил все это совсем недавно, несколько дней назад или по крайней мере на прошлой неделе. Из рассказа шофера Брансон определенно понял, что все это рассказывается по живым следам.

У Брансона закружилась голова. До этого он считал, что у властей было еще слишком мало времени, чтобы выследить его, а если у них было более трех месяцев, то они могут висеть у него на пятках. Может быть, сейчас, в этот момент, они уже стреляют своими вопросами в Дороти.

«Куда, говорите, он поехал? В Бельстон? А где это? Джо, попробуй связаться там с полицией. Скажи им, что его надо задержать. Если это не ложный след, они могут его тут же прихватить».

Он сидел в своем номере, борясь с сомнениями. С самой первой минуты он сразу же поддавался панике. Теперь он пытался бороться с этим и не паниковать. В его ушах гудели провода, по которым допрашивающие Дороти пытались связаться с полицией в Бельстоне или Хенбери. День или Два назад от такой мысли он бросился бы наутек без оглядки. Но не сейчас. Он просидит здесь до утра и попробует рискнуть.

Ему просто необходимо дождаться здесь утра, так как редакция «Хенбери газет» сейчас уже наверняка закрыта. Новых номеров газет он не сможет получить до завтра. Та часть мозга, которая боролась с паникой, которая убеждала его трезво оценить ситуацию, настаивала на том, чтобы он не уезжал отсюда, пока не убедится, что либо его ищут, либо его преступление так и осталось похоронено навечно. Ради такой цели можно и рискнуть.

Бросив газеты в урну, Брансон потер подбородок и решил, что ему стоит побриться перед обедом. Он открыл свой чемодан и с подозрением уставился в него. Вещи были аккуратно

уложены, ничего не пропало. Брансон всегда был очень аккуратен и даже педантичен при упаковке своих вещей и, подобно всем людям такого типа, мог с первого взгляда определить, что в его чемодан заглядывал посторонний. Вещи в чемодане лежали не совсем так, как он их укладывал. Он был в полной уверенности, что кто-то опорожнил чемодан, а потом заново его уложил.

Его чемодан быстро и грамотно обыскали. Что же они искали? При данных обстоятельствах можно было дать только один ответ: они искали доказательства. Вор не стал бы так аккуратно паковать чемодан снова. Скорее всего, он бы разбросал вещи по всему номеру, срывая свою злость за то, что ничего ценного в чемодане не было. Только при официальном обыске могли так стараться скрыть свое деяние.

Он проверил замки — взламывались ли они, но замки работали легко и четко. А не ошибся ли он? Может, чемодан просто трясло в дороге и вещи слегка сдвинулись? Или же полиция Хенбери уже начала действовать?

Следующие несколько минут он провел, тщательно осматривая комнату, пытаясь найти окурки, небрежно сброшенный табачный пепел или что-нибудь еще в этом роде, что могло бы свидетельствовать о непрошенных гостях. Он ничего не нашел. И кровать, и платяной шкаф были в порядке — никаких признаков обыска. Никаких доказательств, если не считать, что его запасной галстук был сложен слева направо, а не наоборот, а пачка воротничков лежала кончиками вперед, а не назад.

Затем он боком подошел к окну и, скрываясь за занавеской, долго наблюдал за улицей напротив отеля, пытаясь понять, находится ли отель под наблюдением. Это тоже ни к чему не привело. Прохожих было много, но, насколько он заметил, никто из них не прошел в течение этих двадцати минут мимо отеля дважды, никто также не проявил к отелю повышенного интереса.

Конечно, тому, кто официально наблюдает за отелем, не обязательно шляться снаружи. Он вполне может находиться в самом отеле, сидеть в холле и с невинным видом изображать, что кого-то ждет, или сидеть за стойкой с видом отдыхающего клерка. Брансон пошел вниз взглянуть, что там происходит. В холле было пусто, только две престарелые леди оживленно что-то обсуждали; ни одна из них не походила на полицейского, преследующего убийцу. За стойкой сидел дежурный. Это был очень тощий парень, который мог бы влезть в одну полицейскую порточину. Брансон подошел к нему.

— Меня никто не спрашивал, пока меня не было?

— Нет, мистер Брансон.

— А кому-нибудь показывали мою комнату?

— Насколько я знаю, нет.

— Гм...

— Что-нибудь не в порядке? — спросил клерк, уставившись на него.

— Ничего особенного. Просто у меня такое чувство, что кто-то побывал в моей комнате.

— Что-нибудь пропало? — спросил клерк, напрягаясь в предчувствии неприятностей.

— Нет, нет, ничего.

Клерк заметно расслабился.

— Может быть, уборщица?

— Возможно.

Брансон в растерянности опустил глаза. Перед его носом оказалась раскрытая регистрационная книга; она была развернута в сторону клерка, но Брансон мог вполне четко видеть последнюю запись. То, что строка была для него вверх ногами, вызвало только небольшую задержку в прочтении. Он растерянно уставился в книгу, в то время как его глаза

тревожно сообщали мозгу о своей находке.

«Джозеф Рирдон, комната №13».

— Спасибо, — поблагодарил он клерка.

Брансон быстро поднялся наверх, закрылся в номере и сел на кровать, судорожно сжимая и разжимая пальцы и пытаясь представить, сколько может быть в мире Рирдонов. Не исключено, шесть или семь тысяч, возможно, даже десять или больше. Он этого не знал и не мог сказать даже приблизительно. К тому же долговязый с острыми глазами шпик из института не обязательно должен быть Джозефом. Он мог быть Дадли, или Мортимером, или еще кем-нибудь, только не Джозефом

И все равно, это было неприятное совпадение. Равно как случайная встреча с ним на станции перед отъездом. Да еще подозрение, что его чемодан здесь обыскивали, как только в отель прибыл Рирдон.

Он почти решил оплатить счет и уехать, уехать не совсем из города, а переехать куда-нибудь в пригород и там провести ночь. Это, конечно, непросто. В Хенбери только два отеля, а ходить сейчас по улицам в поисках дома, где можно снять жилье, слишком поздно.

Была, конечно, и альтернатива. Какое-то время Брансон поиграл с этой мыслью, как загнанная крыса с мыслью атаковать терьера. Он может пойти в тринадцатую комнату, постучать в дверь и встретиться лицом к лицу с Рирдоном. Если парень окажется незнакомцем, то все нормально.

«Извините, я ошибся комнатой».

Но если это окажется тот самый Рирдон, то у Брансона будут наготове несколько вопросов, как только тот откроет дверь.

«Какого черта ты здесь делаешь? С чего это ты меня преследуешь?»

Да, это должно сработать. Рирдон не сможет обвинить его в чем-либо, не имея доказательств. А если бы такие доказательства существовали, то он, Брансон, был бы уже арестован. То, что еще никто не сумел найти достаточно доказательств, дало ему преимущество, хотя и временное.

Исполненный решимости, он вышел в коридор, поспешил к двери с номером тринадцать и громко постучал. Брансон был в полной готовности закатить сцену, если в дверях покажется знакомое лицо. Он постучал еще раз, более громко и нетерпеливо. Ответа не было. Он приложил ухо к замочной скважине: за дверью не было слышно ни звука. Тишина. Комната была пуста. Попробовал открыть дверь, но ему не повезло: дверь была заперта.

В конце коридора послышались шаги; Брансон метнулся к своей комнате, нырнул в нее, но оставил дверь слегка приоткрытой, а сам стал наблюдать за коридором через шелку. Крупный, с большим животом мужчина прошел мимо комнаты тринадцать и проследовал к выходу. Брансон закрыл свою дверь, сел на кровать и стал задумчиво смотреть на чемодан.

В конце концов для большей безопасности он подставил под ручку двери стул, долго изучал в окно улицу, стараясь найти соглядатаев, и, не обнаружив ничего подозрительного, лег спать. Но с тем же успехом он мог всю ночь прогулять по улице — результат был бы тот же. Он скучал по Дороти и детям; представляя их в мыслях, пытался догадаться, что они сейчас делают, и отгадать, когда он снова увидит их. Час за часом Брансон лежал, находясь в странном состоянии, которое можно было определить как нечто среднее между бодрствованием и полузабытьем. Иногда он погружался в царство каких-то кошмарных снов, из которых его выводил малейший посторонний звук. К рассвету он был совершенно разбитый, с опухшими глазами.

В восемь тридцать утра, едва редакция «Хенбери газет» успела открыться, он был уже там. Возвратившись в отель с огромной кипой газет, Брансон оставил их в номере и спустился

завтракать. В столовой около дюжины людей ели и болтали, но среди них не было никого, кого бы он смог опознать. Брансон подумал, что любого из них можно было назвать Рирдоном — и клерка, и крупного мужчину, и кого угодно, кроме двух старых дев.

Покончив с завтраком, он поспешил к себе в номер, чтобы быстренько просмотреть все газеты. Листая страницы, он вернулся на год назад. Нигде не упоминалось о его преступлении. Ни в одном номере ни слова. Может быть, полиция по известным только ей причинам задержала публикацию сенсационной новости, но такое долгое молчание тоже казалось неправдоподобным. А может, все это произошло еще раньше и упоминание есть в более старых газетах? Или те шоферы говорили о похожем, но другом преступлении?

Брансон все еще считал, что ему надо узнать все точно, но как это сделать, не испытывая судьбу, не подвергая себя напрасному риску? Он смог придумать только один-единственный способ, чтобы узнать всю правду. И это будет очень опасный ход, он даже не знал, хватит ли у него смелости на это. Он должен пойти в полицию и спросить их об этом прямо и откровенно, вот так!

Но не означает ли это самому сунуть голову в петлю? Сможет ли он улизнуть от них, если появится там под чужим именем и придумает какую-нибудь правдоподобную историю? Ну, например, представится писателем, который пишет запутанные детективные истории и просит у них помощи — сведения по делу об убийстве Элайн Лафарж? Нет, это уж слишком! Нетрудно представить реакцию полиции на такой акт.

«Эй, а как вы об этом узнали? В газетах об этом ни слова не упоминалось! А как вы узнали имя жертвы, раз мы еще сами его не знаем? Нам кажется, мистер, что вам известно об этом слишком много, чтобы это хорошо сказалось на вашем здоровье. Только один человек может так много знать об этом деле — тот, который это сделал!»

Затем они задержат его как главного подозреваемого, довольно скоро установят его настоящее имя, и вот тогда у него под ногами загорится земля. Слишком рискованно и настолько же глупо. А что, если позвонить им по телефону-автомату? Это идея. Они не смогут схватить человека, который находится от них на расстоянии нескольких миль на другом конце телефонного провода, как бы того ни хотели. Равно они не смогут проследить, откуда он звонит, если он не будет затягивать разговор.

Мало-помалу Брансон обучался тем трюкам, которые используют беглецы. У него была чертовски трудная жизнь.

Телефонная будка около автобусной станции казалась идеальным местом. Самая лучшая тактика — это узнать, когда отходят автобусы, и сделать звонок перед отправлением двух—трех автобусов в разные концы. Полиция бросится в погоню за автобусами, в то время как он спокойно пойдет к себе в отель. Полиция догонит автобусы, но никого там задержать не сможет, так как у них не будет описания преступника.

Отлично, он это попробует, и, может быть, ему улыбнется удача и он узнает что-нибудь важное. Если, к примеру, он скажет дежурному, что знает кое-что о тех костях, которые нашли под деревом, и в ответ на это дежурный заинтересуется, начнет задавать вопросы, попросит подождать, пока он позовет детектива, то, значит, все это мрачная реальность: его преступление обнаружено и власти работают над его раскрытием.

Тщательно обдумав свои действия. Брансон решил, что нет смысла оттягивать выполнение операции, и отправился на станцию, предварительно убедившись, что дверь и чемодан надежно закрыты. Он бодро шагал по коридору, и, когда поравнялся с комнатой номер тринадцать, дверь открылась и на него уставился Рирдон.

Даже не изобразив удивления. Рирдон воскликнул:

— Вот так неожиданная...

Он не успел закончить, Брансон тут же заехал ему по зубам. Это был очень сильный удар, в который Брансон вложил всю свою ярость и страх. Рирдон полетел обратно в комнату.

В отчаянной ярости Брансон бросился за ним и нанес ему еще один удар, на этот раз в подбородок. Это был сильный, хорошо нацеленный удар, который мог бы свалить с ног человека намного здоровее и тяжелее Рирдона. Но, несмотря на свою худобу, Рирдон оказался крепким малым. И хотя удары были совершенно для него неожиданными, удержался на ногах. Он развернулся, взмахнул руками и попробовал сгруппироваться.

Брансон решил полностью использовать свое преимущество и не дать Рирдону никакой возможности сопротивляться. Ярость родила в нем такую силу, о существовании которой он и не подозревал. Он отскочил в сторону и нанес Рирдону еще один сильный удар по горлу. Рирдон издал хриплый кашляющий звук и начал оседать. Он поднял руку, всем своим видом показывая, что хочет закричать, но не может.

Брансон нанес еще три удара, прежде чем Рирдон упал. упал не резко, а тихо и спокойно, как будто это был не человек, а пустой костюм. Да, он был крепкий мужик, и ему надо было получить много для такого результата. Брансон, тяжело дыша, склонился над ним. Бросив взгляд назад, он, заметил, что дверь в номер широко раскрыта. Он подошел к двери и выглянул в коридор. Ни души. Никто не слышал шума короткой схватки, никто не поднял тревогу. Тщательно закрыв дверь, он вернулся к своему противнику.

Стоя над Рирдоном и глядя на него, Брансон задумчиво потирал костяшки пальцев. Внутри все дрожало от возбуждения, а нервы были натянуты как струны.

«Этот парень слишком умный и упорный, — подумал Брансон. — Будет полным безумием не воспользоваться сложившейся ситуацией и не попытаться избавиться от наглой слезки».

Сейчас у него была отличная возможность избавиться от Рирдона навсегда. Человека можно казнить за убийство только один раз. Они не могут посадить его на электрический стул дважды. И в то же время он не мог убить Рирдона. Он не мог бы так хладнокровно убить кого-нибудь и за миллион долларов. Если бы было подходящее время для самоанализа, то можно было бы попробовать разбудить в себе убийцу и сделать из этого кое-какие выводы, но время было совершенно неподходящим.

Нет, он не мог убить Рирдона даже для собственного спасения. Рирдон лежал на полу раскинув руки, почти на боку, его пиджак раскрылся, и под мышкой была видна кобура, из которой торчал пистолет. Брансон задумчиво посмотрел на пистолет, но трогать его не стал.

Потом подошел к чемодану Рирдона и открыл его. Внутри он обнаружил полдюжины наручников, два галстука и некоторые необходимые для путешествия вещи. При помощи наручников и галстука Брансон связал руки и ноги Рирдона и запихал в рот кляп. К тому времени, когда он кончил это дело, Рирдон начал сопеть и потихоньку приходить в себя.

Брансон быстренько обыскал его, нашел бумажник и решил его осмотреть. Банкноты, пара не представляющих интереса писем, несколько расписок, сложенная страховка на машину. В другом отделении лежало несколько почтовых марок. В кармашке на другой стороне бумажника — запечатанная в целлофан продолговатая карточка. Брансон взглянул на карточку, и волосы у него встали дыбом. На карточке был вытеснен орел, серийный номер и надпись:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
ОТДЕЛЕНИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ
ДЖОЗЕФ РИРДОН

Во имя всего святого, какое дело военной разведке до обычного убийства? Это его поразило. Единственное объяснение, которое он смог придумать, было то, что разведка взяла его дело у полиции, когда узнала, что в нем замешан служащий чрезвычайно секретного

учреждения. Но это тоже казалось маловероятным. Насколько он знал, полиция никогда не отдавала свои дела, кто бы ни был в них замешан.

Но, как ни говори, ищейка пока выведена из строя. Теперь все зависело от того, насколько быстро Брансон сможет убраться и сбить со следа эту ищейку. Положив бумажник на место, он запихал Рирдона под кровать, выглянул в коридор — там никого не было. Он вышел из комнаты и услышал, как за ним щелкнул замок.

Заскочив в свою комнату и схватив чемодан, Брансон быстро оглядел номер и убедился, что ничего не оставил. Спустившись в холл, он оплатил свой счет. Клерк был медлительный и нерасторопный, как будто хотел испытать терпение Брансона. Пока он возился с бумагами, Брансон оглядывал вестибюль, пытаясь определить, нет ли там еще какой-нибудь ищейки, и со страхом ожидая, что вот-вот наверху начнется шум. Взяв счет, он выскочил на улицу и быстрым шагом направился к автобусной станции, но там оказалось, что в ближайшие пятьдесят минут не отходит ни один автобус. Тогда он ринулся на вокзал, но и там в ближайшие полтора часа не отходил ни один поезд.

Это означало нежелательную задержку. Инстинкт преследуемого подсказал ему, насколько опасно задерживаться в Хенбери. На время он оставил идею звонить в полицию. Можно будет позвонить туда откуда угодно, даже за тысячи миль. Такой далекий звонок будет для него более безопасным.

Главной задачей было выбраться из города до того, как Рирдон высвободится и власти закроют город. Брансон решил отправиться пешком по пути того автобуса, который должен был первым отойти от станции. Автобус подберет его в четырех или пяти милях от города, и таким образом он избежит облавы, если в ближайшие пятьдесят минут Рирдон сумеет поднять шум. Первое, что тогда сделают власти, это отправят патрули на автобусную и железнодорожную станции, опросят шоферов такси и водителей грузовиков.

Итак, он быстрым деловым шагом направился из города, думая только о том, что до конца дня ему надо будет позвонить Дороти и узнать, как дела у нее и у детей. А также он спросит ее, не интересовался ли кто-нибудь его местопребыванием. И опять сказало отсутствие опыта преступника: Брансону и в голову не пришло украсть машину, быстренько покинуть опасное место, бросить машину в первом же большом городе и украсть другую. За свою жизнь он крал только раз, в возрасте шести лет предметом кражи было большое яблоко

С другой стороны, если дела обстояли так, как он предполагал, то отсутствие опыта давало ему преимущество. С точки зрения полиции, все закоренелые преступники действуют очень похоже. На каждый шаг полиции они в ответ делают вполне определенные шаги. А вот новички непредсказуемы. Опытный преступник был бы уже далеко, мчась на чужой машине, а вот новичок мог сотворить все, что угодно, даже попытаться остаться незамеченным, шагая на своих двоих. Вот так Брансон и шагал.

Вначале ему повезло. Через двадцать минут его обогнал изрядно помятый, фыркающий седан. Машина остановилась, и шофер предложил его подвезти. Брансон принял предложение, залез в машину и устроился рядом с краснолицым, красношеим шофером. Он честно сказал, что просто идет по дороге, чтобы убить время, и рассчитывает сесть на автобус, когда тот его догонит.

— А куда направляешься-то? — спросил краснолицый.

— В любой большой город. — ответил Брансон и похлопал по своему чемодану, чтобы привлечь к нему внимание шофера. — Я хожу по домам.

— А что продаешь?

— Страховку.

Неужели это никогда не кончится: вопросы и быстрое придумывание ответов на них?

— Грязное дело, — заметил краснолицый с полным отсутствием такта. — Мою жену почти уговорили купить такую штуку. Точно тебе говорю! Я-то ей, конечно, сказал: «Только попробуй! Почему ты хочешь, чтобы я мертвый стоил больше, чем живой?» Грязное дело, скажу я тебе. Заинтересовать бабу трупом! Нехорошее это дело! В этом мире и так достаточно неприятностей, чтобы предлагать кому-нибудь сорвать банк за то, что парень сыграл в ящик.

— Я боюсь от пожаров и ограблений, — попробовал успокоить его Брансон.

— Ну, это совсем другое дело, мистер. В этом есть еще смысл. Вот у моего дяди из Декатора сеновал полыхнул прямо как вулкан. Он вообще-то скряга, а так сколько потерял сразу. Я всегда говорил...

Шофер все продолжал болтать, пока седан кряхтел, подпрыгивая на ухабах и оставляя позади милю за милей. Шофер перечислил и описал в деталях все большие пожары в этом регионе за последние сорок лет и кончил тем, что страховка от пожаров — это стоящее дело, а вот страховка от ограблений — дело гиблое, потому что в этом районе очень мало проходимцев.

— Это ты лучше попробуй где-нибудь в другом месте, — посоветовал краснолицый. — У нас даже жулики не задерживаются.

— Должно быть, хорошо жить в таком уголке, — предположил Брансон. — А как насчет убийств? Это бывает?

— Да было несколько. Все из-за баб или по пьянке: Только одно никак не раскрыли.

— Это какое же? — наострил уши Брансон, рассчитывая хоть теперь услышать что-нибудь стоящее.

— Да это было лет восемь—десять назад, — охотно ответил краснолицый. — Старика Джефа Воткинса нашли здорово избитым. Он так и умер, ничего не сказав. Полиция искала тут одного сезонника, но его и след простыл. Так и не нашли.

— А что с той женщиной, которую нашли под деревом?

Краснолицый тут же все внимание переключил с дороги на Брансона.

— Какой женщиной?

— Может, это, конечно, только слухи, — сказал Брансон, — просто несколько дней назад я слышал, как два парня говорили, что где-то под Бельстоном нашли под деревом скелет девушки.

— Это когда же?

— Да я не знаю, когда это случилось. Может, неделю назад, а может, и несколько месяцев. Было похоже, что парень говорит о чем-то совсем недавнем.

— Выдумал он все это, — убежденно заявил краснолицый.

— Может, и так.

— Если бы такое произошло, это разлетелось бы на сотню миль как степной пожар, — заверил шофер. — В этих местах любят посудачить, можешь мне поверить. Я-то уж об этом точно слышал бы.

— А не слышал?

— Нет. Знаешь, друг, ты, наверное, не так понял этого парня.

В это время машина въехала в городок поменьше, чем Хенбери, но побольше, чем Бельстон. Краснолицый взглянул на пассажира:

— Ну как местечко?

— Вполне подойдет, если дальше не едешь.

— Могу провезти еще миль сорок. Но тогда останется еще двадцать, чтобы добраться до города.

— Попробую туда. А может, мне повезет и кто-нибудь подбросит дальше.

— Хочешь отъехать подальше? Думаешь, здесь ничего не заработаешь?

— Сказать по правде, я устал от маленьких городков. Думаю, лучше съездить куда-нибудь в

большой город.

— Тебе виднее, мне трудно судить, — сказал краснолицый. — А что, ваша контора вас машинами не снабжает?

— Снабжает, но я оставил свою дома, жене.

— У нее есть на тебя страховка?

— Конечно, есть.

— Женщины! — воскликнул шофер, покачав головой. — Им лишь бы что-нибудь хапнуть!

Все забирают, что мужчина имеет.

Он замолчал, покусывая нижнюю губу, пока машина тряслась через весь город. Увеличивающееся расстояние вполне устраивало Брансона, который считал, что чем дальше, тем лучше. Шофер продолжал молчать, очевидно раздосадованный жадностью слабого пола.

Они отъехали на тридцать миль от последнего города, и им осталось всего десять до цели путешествия краснолицего. Здесь дорога свернула на прямое шоссе, довольно широкое, поперек которого стояли две машины. Седан подъезжал к ним все ближе и ближе. От одной из машин отделилась фигура в форме и стала на середине дороги. Это был патрульный полицейский, который поднял руку, приказывая седану остановиться.

Одна из стоящих машин зафырчала и отъехала как раз в тот момент, когда краснолицый водитель затормозил и спросил:

— Ну и что теперь?

Рядом с первым патрульным вырос второй. Они подходили к седану осторожно, с двух сторон, всем видом давая понять, что их больше интересует не машина, а пассажиры.

Заглянув внутрь машины, тот, который был повыше, кивнул:

— А, привет, Вильмер. Как делишки?

— Так себе, — ответил краснолицый, не выражая особой радости. — И какого рожна вам надо на этот раз?

— Не суетись, Вильмер. — посоветовал другой. — Мы кое-кого ищем. — Он сделал жест в сторону Брансона: — Знаешь этого парня?

— А должен?

— Он едет с тобой, не так ли?

— Как видишь. Ну и что с того?

— Слушай, Вильмер, давай-ка будь разумным, а? Я на тебе не женат, так что попридержи язычок и ответь мне прямо на один—два вопроса. Где ты откопал этого парня?

— Подобрал его на окраине Хенбери, — признался краснолицый.

— Подобрал, да? — патрульный начал с интересом разглядывать Брансона, тем же самым занялся и его напарник. — Вы подходите под описание человека, которого мы ищем. Ваше имя?

— Картер.

— И чем вы занимаетесь?

— Я страховой агент.

— Это так, — подтвердил краснолицый, радуясь тому, что он что-то тоже может сказать. — Мы с ним об этом говорили.

— Картер... а дальше?

— Люсиус, — сообщил Брансон, даже не понимая, в каком уголке своей головы сумел откопать такое.

Эти данные поколебали уверенность допрашивающих. Они переглянулись и вновь принялись рассматривать Брансона, очевидно сравнивая его с полученным описанием.

— И что вы делали в Хенбери?

— Продавал страховки, — криво улыбнулся Брансон, — точнее, пробовал продавать.

У него уже хорошо получалось вранье. Для этого, оказывается, надо просто взять себя в руки и иметь большую практику. Но все же он очень сожалел, что пришлось этим заниматься: по своей природе он ненавидел ложь.

— У вас есть какие-нибудь документы? — спросил тот, что был пониже.

— Думаю, что нет. Со мной нет. Я оставил все документы дома.

— И никаких ни в чемодане, ни в бумажнике? Никаких писем, карточек или чего-нибудь еще?

— Извините, нет.

— Очень странно для человека, который находится в пути. — Короткий поджал губы и бросил многозначительный взгляд второму патрульному. — Я думаю, вам лучше выйти из машины, мистер Картер, — сказал он, открывая дверцу и делая властный жест рукой, — нам надо посмотреть на вас и на то, что вы везете с собой.

Брансон вылез. В голове стучало: «Все! Конец!» Краснолицый сидел за рулем со злой физиономией. Короткий патрульный вытащил из машины чемодан и разложил его на дороге, в то время как высокий стоял в нескольких ярдах, держа руку на рукоятке пистолета. Бежать бесполезно. Патрульный всадит ему пулю в спину, не успеет он сделать и пяти шагов.

— Ваш бумажник и ключи, пожалуйста.

Брансон протянул.

Патрульный тщательно просмотрел содержимое бумажника.

— Люсиус Картер, как же! Это и есть тот парень, Ричард Брансон! — Он махнул рукой краснолицему: — Поехал!

Краснолицый со злостью захлопнул дверцу и заорал в открытое окно:

— Раскомандовались тут! Это моя машина! Я купил ее на свои денежки! И как налогоплательщик я могу...

— Поехал, Вильмер! Ты уже большой мальчик... Ну!

Краснолицый одарил полицейских и Брансона убийственным взглядом и умчался, обдав их клубами пыли и бензина.

— Садитесь, мистер, — сказал короткий полицейский, указывая Брансону на патрульную машину.

— Почему? В чем вы меня обвиняете? Если у вас есть что-нибудь против меня, скажите!

— Вам все скажут в участке, — отрезал патрульный, — мы можем задержать вас на двадцать четыре часа под любым предлогом. Так что утихни, мистер, и садись в машину.

Бросив дальнейший спор, Брансон залез в машину. Короткий полицейский сел на заднее сиденье рядом с Брансоном, а высокий занял место водителя, щелкнул выключателем и проговорил в микрофон:

— Машина девять, Хили и Грег. Мы только что подобрали Брансона, сейчас привезем.

В участке отношение к нему было по крайней мере странным. С ним обращались бесцеремонно, но в то же время без той грубости, с которой столкнулся бы явно виновный. Складывалось впечатление, что полицейские не представляли, кто он такой: то ли его искали потому, что он взорвал Белый дом, то ли он был кандидатом на медаль конгресса, которого не могли найти. После тщательной проверки личности его покормили и отвели в камеру, не задавая никаких вопросов.

На все вопросы Брансон получал один ответ: «Молчите и ждите».

Рирдон прибыл через три часа. Пара нашлепок медицинского пластыря прикрывала ссадины у него на руке, больше никаких повреждений не было видно. Ему предоставили маленький кабинет, где он терпеливо и ждал, пока туда приведут Брансона.

Оставшись одни, они без всяких эмоций оглядели друг друга, и наконец Рирдон сказал:

— Я полагаю, вы понимаете, что мы можем обвинить вас в обычном нападении на человека.

— Пусть будет так, — пожал плечами Брансон.

— Почему вы это сделали? Почему вы так обошлись со мной?

— Чтобы научить вас заниматься своими делами, а не совать нос в чужие.

— Понятно. Вам не нравилось, что я все время попадался вам на глаза.

— Конечно. А кому это понравится?

— Большинство людей ничего против не имеют, — сказал Рирдон. — Ас чего бы им иметь? Им нечего скрывать. А что вы скрываете?

— Выясните.

— Вот я сейчас и стараюсь это сделать. А вы не хотите мне это сказать?

Брансон тупо уставился в стену. Пока убийство не упоминалось. Это странно, особенно если учесть, что они его преследовали и наконец задержали. Может быть, Рирдон бережет это на десерт и причмокивает губами в предвкушении удовольствия? Садист играет в кошки-мышки.

— Может быть, я смогу помочь вам? — продолжал Рирдон спокойным тоном. — Я хочу помочь вам.

— Очень мило, — ответил Брансон.

— Но очень трудно помочь, когда не знаешь, в какой помощи нуждается человек.

— Держи карман шире, — посоветовал Брансон.

Рирдон взорвался:

— Это не водевиль, Брансон. Это — серьезное дело. Если вы вляпались в какую-нибудь историю и вам нужно помочь, вы должны рассказать об этом.

— Я сам в состоянии уладить свои дела.

— Убежав от работы, дома, семьи. Это не очень-то эффективный способ.

— Это уж мне судить.

— И мне тоже, — зарычал Рирдон. — Я докопаюсь до этого дела любым способом.

— До какого дела? — спросил Брансон с сарказмом. — Я взял небольшой отпуск, официально, как положено его оформил. Это было вполне законно, и с тех пор, насколько я знаю, закон не менялся.

Рирдон глубоко вздохнул:

— Как вижу, вы не хотите мне довериться, пока нет. Это оставляет мне единственное решение: отвезти вас обратно. Мы обсудим все по дороге домой.

— Вы не можете отвезти меня обратно, — возразил Брансон, — нападение на человека — не такое уж крупное преступление.

— Это обвинение вам еще не предъявлено и не будет предъявлено. Не в моих правилах прибегать к помощи закона из-за удара по зубам. Вы поедете со мной домой по собственному желанию, или...

— Или что?

— Я подниму вопрос о вашей измене и разглашении государственной тайны. И вот тогда мы посмотрим, как вам это понравится.

Брансон побагровел и закричал, наклонившись вперед:

— Я не предатель!

— А никто и не говорит, что вы предатель.

— Вы только что сами сказали.

— Я еще ничего подобного не сказал, — возразил Рирдон. — Я пока не обнаружил никаких причин не верить в вашу лояльность. Но если будет необходимо, могу покривить душой. Я просто показал вам, на какие грязные трюки способен, чтобы выяснить, что вы скрываете.

— Вы хотите сказать, что не остановитесь и перед ложным обвинением?

— Да. Мне нельзя упускать ни одной возможности.

— И в то же время вы хотите помочь мне?

— Конечно!

— Ну, из этого можно сделать два вывода: либо вы сумасшедший, либо считаете, что сумасшедший я, — ответил Брансон.

— Насколько я знаю, вы, возможно, и не в своем уме, — согласился Рирдон. — Если это так, то я хочу знать, отчего это так внезапно с вами произошло.

— Почему?

— Потому что вы не первый и, насколько я могу судить, не последний.

Брансон прищурил глаза:

— О чем это вы?

— О помешанных. Я говорю об умных и талантливых людях, которые вдруг неожиданно становятся странными. Их уже достаточно много. И пора с этим кончать.

— Я не понимаю этого и, более того, не хочу понимать. Все, что я могу сказать по этому поводу, это то, что если вы считаете человека, который взял отпуск из-за того, что ему очень нужен отдых, сумасшедшим, то вы сами тронулись.

— Вы не просто взяли отпуск.

— Да?

— Да. В отпуск жену и детей берут с собой.

— У меня складывается впечатление, что вы лучше меня знаете, что мне надо делать, — сухо заметил Брансон. — И что же я делаю в таком случае, по вашему мнению?

— Бежите от чего-то. Второе предположение: бежите за чем-то. Более вероятно первое.

— Убегаю от чего?

— Это вы мне должны сказать, — жестко произнес Рирдон, не отрываясь глядя на Брансона.

— Увольте, это ваша теория, а не моя. Если у вас есть подтверждения этой теории, я готов их выслушать, если нет, советую помолчать.

Нахмурившись, Рирдон посмотрел на часы.

— Я не могу оставаться здесь весь день из-за пустых споров. Через двадцать минут отходит поезд. Мы вполне успеем на него, если сейчас же отправимся в путь.

— Для этого вам придется тащить меня волоком, и тогда, может быть, и я смогу возбудить

против вас дело о телесных повреждениях.

— Пустая надежда. Любой компетентный адвокат скажет вам, что судиться с правительством бесполезно. Кроме того, я знаю что делаю. Я сам могу прибегнуть к закону.

— Ну хорошо. Поедем.

Брансон встал, голова у него слегка кружилась. Ни одного слова не было сказано об Элайн Лафарж. Манера, с которой они обращались с ним, создавала угрозу его жизни или по крайней мере свободе. Но по каким-то непонятным причинам они выбрали для этого совсем другой путь.

Если человек преднамеренно и обдуманно убил женщину, то этого достаточно для любого суда. Убийство есть убийство, и суды имеют с этим дело каждый месяц. Но здесь в дело гражданского суда вмешались военные власти, пытаюсь объяснить его действия безумием.

Почему?

Это его озадачило.

Когда поезд уже мчался по пригородным местам, Рирдон опять уставился на него.

— Послушайте меня, Брансон. Я буду с вами откровенен. Ради Христа, постарайтесь сойти до моего уровня. Я скажу, почему так заинтересован в вас. А вы в ответ расскажете мне, что вы скрываете, что заставило вас пуститься в бега.

— Я не в бегах.

— Сейчас, возможно, нет. Нет, с тех пор как вы мне попались. Но до этого вы были в бегах.

— Нет. Это просто ваши домыслы.

— Давайте раскинем мозгами вместе. Если мы будем продолжать сталкиваться лбами, то ничего, кроме синяков, не получим. Я хочу вам напомнить то, что вы, как мне кажется, забыли. Сейчас идет война. Еще не стреляют, но это все равно война. Иначе зачем бы вам и вашим коллегам так усиленно работать над еще более совершенным и более мощным оружием?

— Ну?

— Потому что холодная война превращается в горячую. И война без стрельбы ведется своими способами. Каждая сторона старается украсть лучшие головы другой стороны, купить их или же просто уничтожить. Мы теряем людей, лаборатории, идеи. Они тоже. Мы покупаем их мозги. И они покупают наши. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Конечно, старая песня.

— Ну хоть и старая песня, а действует все так же, — согласился Рирдон. — Он наклонился к Брансону и прищурил глаза. — Оружие в этой войне: подкуп, шантаж, воровство, соблазнение, убийство — все, что помогает достичь цели. И это оружие обеих сторон. Главная цель в этой борьбе: как можно больше отнять у противника и как можно меньше потерять самому. Первая часть так же важна, как и вторая. Я специализируюсь на второй. Это моя работа. Это задача нашего отдела: отбить вражеские атаки на наши умы.

— Вы не сказали мне ничего нового или удивительного, — пожал плечами Брансон. — И это чертовски обидно, что человек не может взять отпуск, не будучи заподозрен в попытке продать известные ему государственные секреты.

— Вы слишком упрощаете ситуацию, — возразил Рирдон. — Есть два основных способа ослабить противника. Первый — это попытаться использовать умы противника для своей пользы. Второй — не дать противнику использовать его собственные, если первое невозможно. Это политика собаки на сене: ни себе, ни людям. Понятно? А теперь представим, что вы достаточно патриотичны, чтобы не продать секреты, что тогда?

— Ну и что тогда?

— Враг выводит из строя вашу голову: раз он не может ею воспользоваться, то пусть и другие не пользуются.

— Чушь! Я не стою такой заботы.

— Это все равно что сказать, что солдата не стоит посылать на поле битвы. Конечно, один в поле не воин. Но если их сотни, тысячи, десятки тысяч, то это уже причина поражения или победы. — Рирдон сделал паузу, чтобы эти слова лучше уложились в голове Брансона, потом продолжил: — Лично я не стал бы беспокоиться о каком-то там Брансоне, но о сотне, сотнях Брансонов заботиться надо.

— Ну, у вас есть хотя бы одно утешение, — улыбнулся Брансон, — моя голова еще крепко держится у меня на плечах.

— Как вы прекрасно понимаете, я говорю образно. Ум, который резко перестал работать, потерянная для своей страны голова. Это уже жертва в необъявленной войне. И в наш технический век очень опасны удары, которые наносит враг по лучшим умам.

— Все это понятно и дураку, и, не считите за хвастовство, я это знал уже много лет назад. Но как все это можно приложить ко мне в данный момент?

— Як этому и подхожу, — ответил Рирдон. — Определенное число хороших ученых было потеряно за последние два года, не только из вашего института, но и из некоторых других. Это число гораздо выше числа потерь от естественных причин: смерти, болезни и старости. Если мы не найдем способ остановить эти потери, они будут расти, превратятся в полк, полк в армию, — он махнул рукой. — И после этого — бух!

— Вы уверены, что потери превосходят естественные? — спросил Брансон, вспоминая возражения, которые он высказывал Бергу.

— Вполне. Но плохо то, что мы потеряли очень много времени, прежде чем поняли, что происходит что-то необычное. Все, с кем это произошло, были ценными людьми, и все они заслуживали доверия. Все они вдруг потеряли интерес к работе, начали действовать совершенно не в духе своего характера и в конце концов пропали для своей страны. С одними это произошло быстрее, чем с другими. Некоторые исчезли, едва успев крикнуть короткое «Прощай!», другие брали отставку или уезжали в отпуск и никогда больше не возвращались. Некоторые из них переходили границу. Мы знаем, что они сейчас делают. Это ни в коей мере не угрожает интересам страны, но мы не можем их вернуть никакими уговорами. Пока они живут так, как хотят, они ничего не предпринимают. Недавно мы выследили троих, которые пока еще не покинули страну.

— И что произошло?

— Все трое твердо стояли на позиции, что они имеют право жить где хотят и делать что хотят. Та работа, которой они занимаются сейчас, намного хуже той, которую они оставили, но они уверяют, что это их больше устраивает, и отказываются объяснять причины. По мнению агентов, которые с ними разговаривали, они все чем-то напуганы. Добиться от них ответов совершенно невозможно.

— Я не осуждаю их, — сказал Брансон. — Мне тоже не нравится, когда за мной тащится хвост, куда бы я ни пошел. Я ударил вас по зубам не просто так. Я считал, что пришло время научить вас жить самому и дать жить другим.

Не обратив внимания на это замечание, Рирдон продолжал:

— После этого они пропадали снова и находились уже в других местах и заняты другой работой. Мы решили не спускать с них глаз, но не беспокоить их больше. Мы встали перед фактом, что мозги перестали работать на эту страну, и нам надо было найти способ исправить ситуацию. Их ложь — результат нашего либерализма: другие режимы заставили бы их говорить.

— Итак, вы наклеили на меня ярлык еще одного мятежника из этого списка? — спросил Брансон, облегченно вздохнув при мысли, что истинная причина его бегства осталась им неизвестной.

— Вы не единственный, — сообщил Рирдон. — В тот день, когда мы решили взять вас под наблюдение, появился еще один парень с теми же отклонениями, что и у вас.

— Выяснили, что с ним?

— Нет, но, думаю, выясним, — продолжал Рирдон. — Вам, конечно, неизвестно, что мы разослали своих людей по всем научным центрам, которые занимаются оружием. Эти люди собирают информацию о всех, кто вдруг без видимых причин бросил работу, кто начал обнаруживать признаки надлома в характере или просто странно вести себя. Таким образом мы вышли и на вас.

— Кто навел вас на меня?

— Не будем об этом, — безразлично заметил Рирдон, — это был некто, кто считал, что вы на данный момент несколько не в себе.

— Могу поспорить, что Каин, — прошипел Брансон, — он всегда считал себя психологом-любителем.

— Я не играю с вами в загадки-отгадки, так что не надо меня провоцировать.

— Хорошо. Я принимаю это правило.

— Итак, я продолжаю. Я рассмотрел все свидетельства о вашем поведении, следовал за вами повсюду и пришел к выводу, что вы очень нервничаете и готовы бросить все и пуститься в бег. А ведь на такой шаг — бросить хорошую работу, обжитой дом — должно толкнуть что-то серьезное, и мы должны знать, что заставило вас это сделать. Если мы поймем причины, мы сможем это остановить.

— Ну, в моем случае вам придется долго искать то, чего нет, — заявил Брансон.

— Я вам не верю. Знаете, о чем я подумал? Убежден, что вы узнали о какой-то угрозе для вас, для вашей жены или для ваших детей.

Брансон ничего не ответил.

— Нет такой угрозы, которую мы не смогли бы отвести, — заверил Рирдон, обнадеженный молчанием собеседника. — Мы можем встретить эту угрозу и отвести ее, но для этого нам надо знать, что это за угроза, иначе мы будем тыкаться вслепую, — Рирдон впился глазами в Брансона. — Если кто-то угрожает вам, скажите, как и кто. Я могу поклясться своей жизнью, что мы сумеем с ним справиться,

«Ха, это смешно! Правительство собирается защитить преступника, которого само же обязательно казнит, если узнает правду. Рирдон говорит о врагах на другом конце планеты, когда истинная угроза лежит в законе этой страны, вооруженном электрическим стулом и газовой камерой».

Вмешательство военной разведки теперь было понятно. Она работала с полицией рука об руку, не зная об этом. Первые подозревают, что его принуждают отказаться от своего долга, вторые не могут найти ниточку, которая приведет их к убийце. Брансона несколько огорчило, даже обидело, что разведка смотрит на него как на перспективного дезертира, но обрадовало, что полиция топчется на месте.

— Я прав? — настаивал Рирдон. — Чья-то жизнь под угрозой?

— Нет!

— Лжете!

— Воля ваша, можете не верить, — устало сказал Брансон.

Рирдон повернулся к окну и начал вглядываться в пейзаж, мелькающий за окном. Несколько минут он сидел молча, погруженный в свои думы. Вдруг он резко повернулся и спросил:

— Каким образом здесь замешан Бельстон?

Брансон вздрогнул и побледнел. Это было как удар в солнечное сплетение.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы все еще продолжаете врать, но вас выдает ваше лицо. Бельстон имеет большое значение для вас, это что-то черное и таящее угрозу, и в то же время он тянет вас, потому что вы хотите что-то выяснить.

— Если вы знаете так много, то должны знать, что именно.

— Не знаю. И думаю, что и вы не найдете то, что ищете. — Рирдон сжал кулаки и внимательно начал рассматривать костяшки пальцев. — Я догадываюсь, почему ваши поиски безуспешны.

— Ну давайте догадывайтесь, если это вас развлекает.

— Вы хотите наладить контакт с кем-то, кто вам неизвестен, и все это по его инициативе. Но я испортил вам всю игру. Они видели, что за вами следят, и мое лицо им не понравилось. Вот поэтому они и не вышли на контакт с вами, как было оговорено. А может, они не дали вам того, что обещали.

— Они?

— Противники. Не притворяйтесь невинным. Вы прекрасно понимаете, о ком я говорю.

— Да вы просто здоровенная пчела в улье. Вы не хотите никого слушать, кроме своего жужжания.

— Слушайте, Брансон, я информирован лучше, чем вы думаете. Вы бродили по Бельстону, как потерянная душа по аду, ища что-то, что не смогли найти, или ожидая чего-то, что не случилось. Прекрасный отдых во время отпуска, не так ли?

Брансон продолжал молчать.

— Вы разговаривали со многими людьми в Бельстоне и Хенбери. Мы проверили их всех, никаких намеков на зарубежную связь. Это тоже не привело нас никуда. Все они были чисты как новорожденные щенки. Вы или кто-то еще поняли, что за вами следят, и стали слишком осторожны, чтобы дать нам в руки хотя бы туманный след.

— Мне нужна рыжая педикюрша, а таких в мире не много.

— Понятно, понятно, — сказал Рирдон обиженно.

— А теперь я скажу вам кое-что, — сказал Брансон, наклонившись вперед. — Самое трудное найти то, что никогда не существовало,

— То, что вы искали, существовало или существует: человек вашего ума не будет просто так искать вчерашний день.

— Я уже говорил вам, что все это чушь!

— Да вы такой же, как те трое, о которых я упоминал. Говорить не хотите. А на вопросы даете бессмысленные ответы. Теперь вам остается сообщить мне, что нет закона, который запрещал бы людям делать то, что они находят для себя подходящим.

— То, что они делают, может быть вполне невинным, — заметил Брансон.

— Про вас это трудно сказать, — отрезал Рирдон. — Хендерсон, по крайней мере, заимел промтоварный магазин. И как мог, объяснил причины такого поступка: ему это нравится. Он хочет работать сам на себя, устал от режима, хочет быть независимым.

— Вполне обоснованные причины, сказал бы я.

— Я вас не спрашиваю, — отрезал Рирдон. — Эти причины ложны, и мы это знаем. Мы нашли Хендерсона в Колумете. Мы задали ему несколько вопросов. Через месяц он продал свое дело и смылся, а двумя неделями позже уже торговал в Лейксайде. Таким образом, мы стали следить за ним с безопасного расстояния. У него, видимо, есть основательные причины избегать официального внимания. То же самое и с вами.

Брансон изобразил полную скуку и уставился в окно.

— Вас приперло, и вы поехали в Бельстон искать выход. Я не знаю, в чем этот выход

заклучался, но вы его не нашли. И поняли, куда это вас отбросило. Это отбросило вас в самое начало. Вы все так же приперты к стене. Вы это поняли и носились по Хенбери, как крыса по клетке, но ничего хорошего этим не добились.

— Замолчите, — попытался остановить его Брансон.

— Черт за вашей спиной не слез с нее ни в Бельстоне, ни в Хенбери, как вы на это ни надеялись. Он крепко вцепился в вас и все еще скачет вместе с вами. И он так и будет скакать на вашей спине, пока вы не услышите голос разума и не позволите кому-нибудь, кто это может, стянуть его с вашей спины. Все, что вам надо сделать, — это открыть рот и сообщить, кто этот черт.

— Извините, — сказал Брансон. — Я ненадолго отлучусь.

Он вышел из купе прежде, чем Рирдон, растерявшись от неожиданности, сообразил, что ему делать в этой ситуации. Предлог, под которым он мог бы сопровождать Брансона или остановить его, было не просто придумать за доли секунды. Брансон еще не был под арестом и не был ни в чем обвинен. На данный момент он был свободен и имел статус обычного пассажира...

Торопливо проходя по коридору, Брансон краем глаза заметил, что Рирдон встает, но делает это медленно, как будто не решив, что делать дальше. Брансон ускорил шаг, подошел к туалету, захлопнул за собой дверь и открыл окно. Он посмотрел в открытое окно, затем залез на раму и начал вылезать наружу. Несколько секунд он стоял на раме окна, уцепившись пальцами за крышу вагона, его тело трепали порывы несущегося навстречу ветра. А потом он оттолкнулся от окна.

Он тяжело ударился о покрытый травой откос и покатился вниз. И хотя он приземлился на ноги, скорость поезда и наклон откоса заставили его лететь по диагонали, переворачиваясь и изо всех сил стараясь сгруппироваться и принять форму мяча. Ему казалось, что откос тянется больше мили и ему никогда не достигнуть дна. Но вот наконец он ударился о дно канавы, запыхавшийся и грязный, с забитым пылью носом.

Какое-то время Брансон лежал, тяжело дыша и прислушиваясь к замирающему грохоту удаляющегося поезда. Не было никаких признаков близкой остановки, поезд с той же скоростью продолжал удаляться и с каждой секундой уносил все дальше проклятого Рирдона. Рирдон покроеет миль десять или двадцать, прежде чем поймет, что Брансона там уже нет, и начнет действовать.

А может, этот всезнайка предвидел прыжок Брансона и сам тоже прыгнул с поезда? Брансон резко вскочил, даже не подумав, что во время падения мог запросто получить перелом или вывих. Он осмотрел себя: пострадала только одежда. Да, такой побег редко бывает даже в кино.

Эта последняя мысль вдруг вернулась к нему, как бы стараясь подчеркнуть: такой побег редко бывает даже в кино. От этой мысли он чуть было не выскочил из канавы. Кино? Кино?!

Странно, что случайное воспоминание о такой простой вещи, как кино, так на него подействовало. Когда-то он думал о кино так же, как многие думают о собаках, французских булках и прочих обычных вещах, рассматривая их как неотъемлемую часть цивилизации. Но теперь это было совсем по-другому и без всяких видимых причин. Теперь он думал о кино с каким-то чувством, которое нельзя было назвать страхом или ужасом, нет, это было какое-то новое чувство, которое он затруднялся определить. Единственное, что он мог придумать для этого чувства, это то, что в понятие «кино» им вкладывалось какое-то несоответствие или же нарушение какого-то закона, и это затрагивало его персонально.

Может быть, Рирдон и был прав, когда говорил, что Брансон не в своем уме или на пути к этому. Возможно, когда его состояние ухудшится, он будет реагировать на праздные мысли вытаращив глаза не раз в две недели, а каждый час. И тогда он будет жить в аду иллюзий, из-за решетки которых изредка, в моменты прозрения, видеть плачущую Дороти.

Выбравшись из канавы, он вскарабкался на железнодорожное полотно и посмотрел вдоль него. Поезд скрылся из глаз, а запыленного, поцарапанного Рирдона нигде не было видно. Прекрасно, ему все-таки удалось избавиться от компании этой ищейки. Удовлетворенный этим, Брансон осмотрел себя и пришел к выводу, что как бы ни выглядел, он страдает от чего угодно, но только не от безумия. Он попробовал совладать со своими чувствами и вполне убедился, что еще не свихнулся; он был просто человеком, перегруженным тревогами, от которых надо было избавиться любым способом, который сможет придумать.

Бредя в обратном направлении по полотну, Брансон дошел до железнодорожного моста через грязную дорогу. Он спустился с насыпи и вышел на дорогу. В какую сторону направиться для скорейшего достижения цели, можно было лишь догадываться, а времени ждать какого-нибудь случайного прохожего у него не было: можно было спорить на что угодно, что Рирдон уже ведет пальцем по карте, ища возможное местопребывание его, Брансона.

Он повернул налево и полупробежал, полупрошел две мили по узкой проселочной дороге с глубокими колеями. Здесь он вышел на более широкую и асфальтированную дорогу, где через десять минут его подобрал грузовик, груженный овощами. Не спрашивая, кто он и откуда, шофер подвез его миль двадцать до ближайшего города и там высадил, попрощавшись коротким

кивком.

Это место скоро будет для него очень опасно, и болтаться здесь — непозволительная глупость. Он сел на первый же автобус, благодаря Бога за то, что хоть он и оставил чемодан в поезде, но бумажник и деньги были все еще при нем.

Проехав около шестидесяти миль, Брансон очутился в довольно большом городе. Представляя, в каком он виде, он задержался там как раз на то время, чтобы вымыться, побриться и причесаться. Это прибавило ему уверенности. После этого он поел и несколько восстановил силы. Из ресторана он пошел на автобусную станцию, по дороге пройдя мимо двух полицейских. Оба скучали на углах, и ни один из них не обратил на Брансона никакого внимания. Очевидно, тревога сюда еще не дошла, но может прийти в любой момент.

От станции вскоре отходил автобус, который ехал в город, расположенный примерно в семидесяти милях на восток. Он сел в автобус и без всяких приключений добрался до этого города. Там он слился с толпой и стал незаметным. Теперь он сделал прыжок ближе к дому. Дом! Брансон обнаружил, что до боли хочет услышать какой-нибудь голос, который напомнил бы ему о доме. Он знал, что его домашний телефон наверняка прослушивают и все разговоры записывают на магнитофон, а подозрительные звонки тут же отслеживают. Звонок Дороти может подсказать официальным агентам, где его можно найти. Это был риск, на который он согласен был пойти, учитывая ту моральную поддержку, которую голос жены даст его духу. Кроме того, обыскать этот город будет намного труднее, чем такие местечки, как Бельстон и Хенбери. Если он наберется смелости, то может жить здесь около месяца, несмотря на то что каждый полицейский будет его искать.

Из ряда телефонных будок в помещении центральной почты Брансон выбрал одну из средних и набрал свой домашний номер. Ответила Дороти.

Изо всех сил он постарался, чтобы голос звучал бодро и спокойно, когда он произносил первую фразу'

— Привет, крошка. Это твой сбежавший любовник.

— Рич! — воскликнула она. — Я ждала твоего звонка вчера вечером.

— Я собирался это сделать, но у меня никак не получилось. Тут один зануда полностью меня монополизировал. Я решил отложить это дело на сегодня. Лучше поздно, чем никогда, правда?

— Конечно! Как у тебя дела? Ты чувствуешь себя лучше?

— Все о'кей, — соврал он. — А как дела у вас?

— Все хорошо, правда, были два странных события.

— Что случилось?

— На следующий день как ты уехал, кто-то звонил, якобы из института, и спрашивал, где тебя искать.

— И что ты ему сказала?

— Такой вопрос показался мне очень странным, учитывая что ты уехал в командировку. Ты же сам всегда просил быть очень осторожной в разговорах о твоей работе. Ну я и сказала этому типу, чтобы он поинтересовался в твоём отделе.

— Ну и что он на это ответил?

— Не думаю, что это ему понравилось, — ответила Дороти, в ее голосе послышались нотки беспокойства. — Он повесил трубку, по-моему, очень раздраженный. И надеюсь, что я не отшила кого-нибудь из начальства.

— Ты поступила совершенно верно, — успокоил ее Брансон.

— Но это не все. — продолжала она. — Через пару часов после этого звонка к нам пришли двое мужчин и сказали, что они из охраны института, они даже показали документы,

удостоверяющие это. Один был высокий худой парень с глазами-бусинками, другой коренастый и мускулистый. Они сказали, что мне нечего беспокоиться, что они делают обычную проверку. Затем спросили, сказал ли ты мне, куда едешь, и если да, то что ты еще об этом говорил. Ну, я им сказала, что ты поехал в Бельстон, но не знаю зачем, да и знать не хочу. Они сказали, что этого им вполне достаточно, поболтали немного и уехали. Довольно приятные парни.

— Что-нибудь еще?

— Да. На следующее утро здоровенный мужчина пришел к нам и спросил тебя. Но у меня было такое чувство, что он прекрасно знает, что тебя нет. Я сказала, что ты ненадолго уехал. Он спросил, куда и насколько. Он не назвал мне ни своего имени, ни зачем ты ему нужен, и мне не понравилась его настырность. Я направила его в институт. Мне показалось, что он не собирается туда обращаться. Правда, не могу сказать, почему я так решила. Во всяком случае, я от него отделалась.

— Возможно, это был тот же человек, который звонил перед этим? — предположил Брансон, пытаясь переварить все это.

— Не думаю. Его голос звучал совсем по-другому.

— А как он выглядел?

Будучи очень наблюдательной от природы, она сумела обрисовать посетителя до мельчайших деталей. Полученный портрет очень напоминал человека, который следил за ним и несколько раз провожал до дома. По крайней мере, он не мог припомнить больше никого, кто подошел бы под описание, которое дала Дороти.

— А он не сказал, зачем я ему нужен?

— Нет, Рич, он больше ничего не сказал, — ответила Дороти, потом задумалась и добавила: — Может, это просто мои глупости, но мне показалось, что он и не хочет тебя видеть. Он, по моему, просто хотел убедиться, что тебя здесь нет и что ты действительно уехал. У меня сложилось впечатление, что он ожидал, что я ему откажусь сказать что-либо большее, и поэтому не удивился, когда я так и сделала.

— Возможно.

— Но надо отдать ему должное, он был чрезвычайно вежлив. Так вежлив, как бывают вежливы только иностранцы.

— Да? — Брансон наострил уши. — Ты думаешь, он был иностранец?

— Я уверена в этом. Какая-то излишняя манерность... Он говорил довольно свободно, без акцента, но какие-то гортанные звуки...

— Ты позвонила в институт тем двоим и сказала им об этом? -

— Нет, не звонила. А что, надо было? Мне не показалось, что в этом было что-то такое, о чем стоило сообщить.

— Ладно, оставим это. Это неважно.

Брансон поболтал с ней еще немного, спросил, как ведут себя дети, немного пошутил, предупредил, что его возвращение может задержаться еще на несколько дней. Попрощавшись, он поспешил покинуть будку, чувствуя, что его разговор продолжался опасно долго. Он быстро перешел улицу, все еще переваривая те сведения, которые почерпнул из разговора с Дороти, и пытаясь понять, что все это значит.

Если последний посетитель был тем, кого он подозревал, и если Дороти не ошиблась в своем предположении и детина был иностранцем, тогда его первоначальное представление должно было быть в корне неверным. Тогда этот парень не был ни переодетым полицейским, ни каким-нибудь другим официальным агентом. Он следил за ним, это факт, но делал это не по поручению официальных властей.

Итак, сначала кто-то позвонил, уверяя, что звонит из института, но его интерес не

удовлетворили. Затем к ним зашел Рирдон со своим коллегой, причем Рирдон не последовал за ним сразу на станцию, а по каким-то причинам задержался. Возможно, он хотел доложить об этом, возможно, они хотели все обсудить или просто проверить у Дороти, прежде, чем пуститься в преследование.

А потом пришел этот иностранец. Единственным объяснением было то, что две совершенно разные группы очень заинтересованы его передвижениями.

Но ни одна из этих групп не принадлежала — полиции.

И в то же время только полиция имела основания интересоваться его действиями и следить за ним. Чем больше он об этом думал, тем более бессмысленным все это казалось. Во всей этой бессмыслице должен быть какой-то смысл. Где-то должно быть решение всех этих проблем, но вот сможет ли он найти его?

Брансон провел ночь в маленьком мебелированном домике на окраине. Местечко было грязное, немногим лучше, чем крысиная нора, но хозяйка, некрасивая женщина с мрачным лицом, не задавала никаких вопросов и производила впечатление, что без надобности лишнего не сболтнет, а будет заниматься только своими делами. Эта ее добродетель привлекла к ней, как подозревал Брансон, людей, которым надо было получить надежное спокойное убежище. Он нашел это место, поговорив на углу с мальчишкой-разносчиком.

К десяти часам Брансон был опять в центре города. Он нашел библиотеку, спросил там национальный справочник и уселся с ним в читальном зале. В справочнике оказалось множество различных «лейков»: Лейктиесов, Лейктехестов и четыре Лейксайда. Только Лейксайды его заинтересовали, и он начал читать подробности. В первом населении составляло около четырехсот человек, а во втором вообще всего тридцать два. И хотя он ничего не знал о торговле промышленными товарами, но сообразил, что ни в одном из этих мест нет смысла торговать. А вот последние два Лейксайда были многообещающими: оба имели население около двух тысяч. Но какой из них стоит попробовать?

Немного подумав, Брансон пришел к выводу, что, сидя здесь, он не сможет определить, какой из двух ему нужен, даже если сейчас начнет туда звонить. Надо попробовать поехать в один из них наугад, а если потребует, то оттуда уже поехать во второй. Из экономических соображений самым разумным было начать с ближайшего. Путешествовать дальше, чем надо, было пустой тратой времени и денег.

Он отправился на главный вокзал и, пока брал в кассе билет и шел к поезду, постоянно следил, не идет ли кто-нибудь за ним. Вокзалы и автобусные станции являлись узловыми местами для передвижения по стране, и было резонно предположить, что они же являются и центром наблюдения для агентов и прочих официальных и неофициальных лиц, занимающихся слежкой. Мысленно Брансон сравнил их с оазисами в пустыне: места встречи охотников и дичи. Поэтому он был начеку, пока не сел в поезд. В поезде он понял, что повышенного интереса к его личности никто не проявляет. Путешествие заняло у него добрую часть всего дня, к тому же пришлось два раза пересаживаться. Ранним вечером он оказался в маленьком городке, затерянном в лесистой местности и разделенном длинным озером на две части. Брансон зашел в кафе, съел несколько сандвичей и выпил кофе, а потом спросил у хозяина:

— Вы не подскажете, где здесь ближайший промтоварный магазин?

— Пройдите квартал вверх по улице и окажетесь как раз рядом с ним, — ответил владелец.

— У этого магазина недавно сменился хозяин, не так ли?

— Вот не знаю.

— Спасибо, — поблагодарил Брансон и подумал, что в таком маленьком местечке каждый должен знать все о каждом.

Выйдя из кафе, он понял, что не может определить, в какую сторону будет вверх, а в какую вниз. Ни в одну сторону не было видно уклона. Ну хорошо, безразлично. Он повернул направо и прошел один квартал, завернул за угол и понял, что выбрал правильное направление. Он оказался перед маленьким промтоварным магазинчиком. Брансон толкнул дверь и вошел.

В магазине было всего два покупателя — один покупал моток проволоки для забора, другой изучал сорта масла. Первого обслуживал долговязый молодой человек с прической, напоминающей птичье гнездо. Рядом со вторым стоял мужчина в очках с толстыми стеклами. Когда Брансон вошел, мужчина взглянул на него, по его лицу промелькнула тень удивления, но он тут же отвернулся и продолжил обсуждение сортов масла. Брансон сел на ящик с гвоздями и стал ждать, пока покупатели выберут товар и уйдут. Когда покупатели вышли, Брансон сказал:

— Привет, Хени!

Без всякого восторга Хендерсон ответил:

— Что вы желаете?

— Вот это я и называю сердечным приемом, — ответил Брансон. — Разве ты не рад видеть своего старого коллегу?

— Я думал, что знаю тебя только в лицо и по имени. То, что ты мой приятель, для меня новость.

— Знать в лицо и по имени достаточно, чтобы начать долгую и крепкую дружбу, не так ли?

— Ты ведь не проделал весь этот путь, чтобы поцеловать меня, — возразил Хендерсон очень недовольным тоном. — Так что давай отбросим всю эту чушь. Что ты от меня хочешь?

— Поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Кто тебя послал?

— Никто. Ни одна живая душа не знает, что я здесь. Я приехал исключительно по своему желанию.

— Я не могу этому поверить, — возразил Хендерсон, не скрывая раздражения. — Ты хочешь сказать, что увидел мой адрес в кофейной гуще?

— Нет.

— Тогда откуда ты его взял? Кто тебе его дал?

— Я смогу тебе все объяснить, и ты будешь полностью удовлетворен, но я бы хотел сделать это в какой-нибудь более приятной и спокойной обстановке, — он поднял руку и остановил Хендерсона, который хотел его перебить, и добавил: — Это неподходящее место для того, чтобы препираться. Как насчет того, чтобы я зашел, когда ты закроешь магазин?

Хендерсон нахмурился и очень неохотно согласился:

— Хорошо! Приходи в восемь часов. Позвони в боковую дверь.

— Договорились.

Брансон вышел, как раз когда в магазин входил новый покупатель. Уже снаружи он вспомнил, как Рирдон упомянул, что за домом Хендерсона ведется тайное наблюдение. Такое наблюдение отмечает каждого, кто приходит сюда и наверняка быстро может определить человека по описанию. Он внимательно оглядел улицу в надежде засечь соглядатая, но или тот был очень профессионален, или у него был выходной. Насколько Брансон мог судить за магазином никто не наблюдал.

Как провести время до встречи с Хендерсоном, было тоже проблемой. Два часа болтаться взад и вперед по главной улице? Это несомненно привлечет к нему внимание, а внимания он искал меньше всего. Брансон решил эту проблему, спустившись к озеру и начав прогуливаться по берегу, изображая праздного туриста. Когда это наскучило, он вернулся в город, но надо было как-то убить еще полчаса. Он решил еще раз подкрепиться в кафе, где уже был.

— Кофе с молоком и сэндвич с ветчиной. Хозяин равнодушно поставил заказанное на стол.

— Шестьдесят центов.

Потом он бросил счет на прилавок и принялся наводить порядок на задних полках.

Ровно в восемь часов Брансон звонил в боковую дверь магазина. Хендерсон открыл дверь сразу, провел его в гостиную и указал на мягкий стул. С непроницаемым лицом он устало сел напротив, закурил сигарету и заговорил первым:

— Хочу предупредить тебя, Брансон, что эту музыку я слышал уже раньше. Ее исполняли дважды, и все для моей же пользы, — он выпустил в воздух струйку дыма и задумчиво посмотрел, как она растворяется в воздухе. — «Твоя работа на оборону приносила тебе кругленькую сумму. Разве этот затхлый магазинчик приносит тебе столько же? Как можно сравнивать паршивую торговлю с научными исследованиями? На переднем крае науки! В чем действительные причины того, что вы поменяли свою научную карьеру на задрипанный магазинчик?» — Он немного помолчал, потом спросил: — Правильно?

— Нет, — ответил Брансон. — Мне все равно, содержи ты хоть сеть борделей.

— Приятная перемена, — цинично усмехнулся Хендерсон. — Итак, они решили взять меня, сменив метод атаки, а?

— Я приехал сюда не для того, чтобы взять тебя.

— Тогда зачем?

— У меня достаточно своих неприятностей! И думаю, что ты можешь мне здорово помочь.

— Это почему я...

— И, — оборвал его Брансон, — у меня такое чувство, что я тебе тоже могу оказать большую помощь.

— Мне не нужна никакая помощь, — заверил его Хендерсон, — все, что хочу, — это спокойной жизни.

— Того же хочу и я, но у меня не получается, — Брансон наставил на бывшего коллегу указательный палец, подчеркивая свои слова — не получается она и у тебя.

— Это мне решать.

— Я не собираюсь обсуждать твои права. Все, что я хочу сказать, это то, что я не могу получить душевного покоя, как это должно было бы быть. И не верю, что ты его обрел. Но мне кажется, что, подумав над этим вместе, мы можем найти решение этой проблемы. Хочешь услышать, что со мной произошло?

— Можешь рассказывать все, что хочешь, раз уж ты здесь, но не начинай этой старой песни: «Вернись, я все прощу». Я уже научился затыкать уши и буду продолжать делать все, что мне заблагорассудится.

— Ты все еще подозреваешь меня, — сказал Брансон. — Но я тебя за это ни капельки не осуждаю. Когда услышишь мою историю, то, возможно, изменишь свое мнение. А теперь слушай, что я тебе расскажу.

Хендерсон только пожал плечами. Брансон заговорил:

— Хени, мы с тобой оба ученые, ты в одной области, я — в другой. И мы оба знаем, что для любого ученого или просто хорошего инженера главное — память. Без нее мы бы не смогли получить нужного образования, без нее мы бы не смогли делать выводы из данных, полученных опытным путем, и решать научные проблемы. Для нас и нам подобных хорошая память необходимое условие. Ты согласен с этим?

— Это слишком очевидно, чтобы об этом упоминать, — заметил Хендерсон невозмутимо. — Надеюсь, что ты перейдешь к чему-нибудь более интересному, чем примитивная лекция.

— Не сомневайся. Потерпи немного. Продолжаю: моя память всегда была прекрасной, если бы это было не так, я бы не смог стать ведущим специалистом в своей области. Я привык

использовать ее полностью и привык полагаться на нее. Уверен, что все это можно отнести и к тебе.

— Несомненно, — согласился Хендерсон, изображая на лице явную скуку.

— А теперь я скажу тебе больше. Я — убийца. Я убил девушку около двадцати лет назад и тщательно убрал это из моей памяти. Я полностью выбросил это из головы, так как не хотел, чтобы меня это тревожило. А недавно услышал, что об этом преступлении узнали. Это значит, что полиция начала расследование по этому делу. И если они еще не узнали обо мне, то скоро узнают. Я в бегах, Хени, потому что я не хочу быть пойманным. Я не хочу, чтобы меня казнили в худшем случае или приговорили к пожизненному заключению в лучшем.

Хендерсон с изумлением уставился на него:

— Ты хочешь сказать, что ты действительно настоящий убийца?!

— Так меня уверяет моя безупречная память. — Брансон подождал, — пока его собеседник переварит эти слова, потом резко закончил: — Но моя память врет бессовестным образом.

Наполовину выкуренная сигарета выпала из руки Хендерсона. Он наклонился, чтобы поднять ее, и чуть было не сунул в рот горящим концом, потом перевернул и глубоко затянулся. Но дым попал не в то горло, и Хендерсон закашлялся. Наконец он смог выговорить:

— Давай поставим точки над «i», Брансон. Ты виновен или нет в этом убийстве?

— Моя память меня уверяет, что да. Она мне описывает его в мельчайших подробностях. Я как сейчас вижу рассерженное лицо этой девушки, когда мы орем друг на друга. Я прекрасно помню, как менялся цвет ее лица, пока она лежала у моих ног и умирала. Я помню ее безразличное мертвое лицо, я прекрасно все помню. Это свежо как на фотографии, как будто все это произошло неделю или две назад. И у меня родилась теория: все это так живо в моей памяти потому, что это действительно случилось неделю или две назад.

— Что ты мелешь? Ты только что сказал, что сделал это двадцать лет тому назад.

— Это говорит моя память. Повторяю, что моя память умелый и умный лжец.

— Откуда ты это знаешь?

— Факты ей противоречат. Или, точнее, отсутствие фактов. Они хором утверждают, что я никогда не совершал этого преступления.

— Какие факты? — спросил Хендерсон, безуспешно стараясь скрыть свой интерес.

— Я набрался смелости и сбежал. Я был перепуган и, очевидно, был в полной уверенности, что движущуюся цель труднее поразить. Я мог бежать куда угодно, но я сделал то, что любят приписывать преступникам и что они делают в настоящей жизни исключительно редко: я побежал на место преступления.

— А, — сказал Хендерсон, наклонился к собеседнику, полный внимания, и не глядя затушил сигарету, — и что тогда?

— Я не нашел никаких доказательств.

— Никаких?

— Абсолютно никаких. Я убил эту девушку в пригороде маленького городка под названием Бельстон. Знаешь такой?

— Нет.

Брансона, казалось, почти огорчил такой ответ, но он продолжал:

— Я приехал в Бельстон и разговаривал с жителями, которые провели там всю свою жизнь. Они ничего не слышали о недавно открытом убийстве. Я обошел все окрестности, стараясь найти то место, но не нашел, не нашел даже ничего похожего. Я просмотрел подшивки всех старых газет, я просмотрел их за целый год и там тоже не нашел ни строчки о недавно открытом преступлении.

— Может быть, ты поехал не в тот Бельстон? — предположил Хендерсон.

— Я тоже подумал об этом и проверил по национальному Справочнику. Есть только один Бельстон.

— Ну хорошо, может быть, ты перепутал название. Может быть, это было место с похожим названием.

— Моя память говорит, что это был Бельстон, и ничто Другое.

Хендерсон задумался, потом покачал головой.

— Послушав тебя, можно подумать, что твоя память играет с тобой страшные шутки.

— Чертовски верно, — согласился Брансон со странной интонацией. — А твоя?

Резко вскочив на ноги, Хендерсон воскликнул:

— Что ты имеешь в виду? При чем тут моя?

— Ты помнишь девушку по имени Элайн Лафарж?

— Никогда не слышал о ней, и это истинная правда, Брансон. — Хендерсон начал расхаживать взад и вперед по комнате, держа руки за спиной и сосредоточенно сдвинув брови. Было совершенно очевидно, что он находился в крайнем напряжении. — Это та женщина, которую ты убил?

— Да.

— Тогда почему я знаю про нее?

— Я надеялся, что ты убил ее тоже, — сказал Брансон спокойно. — Это открыло бы нам обоим глаза на происходящее. Вместе легче разобраться, как мы дошли до этого и как нам лучше с этим справиться. — Он внимательно наблюдал, как Хендерсон мечется по комнате, словно загнанный зверь.

Наступила долгая напряженная тишина. Внезапно Брансон спросил:

— А кого ты убил, Хени?

— Ты с ума сошел? — выдохнул Хендерсон, резко остановившись.

— Вполне возможно, но если я и сошел с ума, то это произошло далеко не со мной одним. Многие покинули институт за последнее время при загадочных обстоятельствах. У меня данные из достоверного источника, что другие институты теряют персонал тоже. И никто не может сказать, почему это происходит. Я кг сам не мог понять всего этого. Но теперь все иначе. Я один из таких сбежавших и знаю, что заставило меня изображать напуганного кролика. Каждый человек знает свои собственные причины пуститься в бега, но мало кто знает причины, которые заставили пуститься в бега другого. Некоторые даже не догадываются, что есть и другие жертвы.

— Я догадывался, — тихо сказал Хендерсон, ковыряя носком ботинка ковер. — Я был еще там, когда некоторые из них сбежали.

Не обращая внимания на его слова, Брансон продолжал:

— Я многое проверил. Возможно, у меня более подозрительная натура, чем у других, черт его знает. А может, эта идея взяла меня не так крепко, как других. У меня не было норы, в которой я мог бы свернуться калачиком и отсидеться, и я не знал, что мне еще делать. Вообще какими бы ни были причины, но я приехал в Бельстон. Я проверил все, что мог, и обнаружил, что считаю себя виноватым в преступлении, которое никогда не совершалось.

— Для чего ты мне все это рассказываешь?

Когда Брансон отвечал, он внимательно следил за выражением лица собеседника.

— Если все исчезнувшие бросились в бега по таким же причинам, как и я, то им неплохо было бы вернуться на место преступления и поискать доказательства своего преступления. Могу поклясться, что это было бы очень результативно. То, что они там найдут, точнее, не найдут, подействует на них так, что у них волосы встанут дыбом. И это поможет им докопаться до самой сути, если, конечно, они сумеют объединить свои усилия и все сопоставить.

— Поэтому ты и приехал ко мне? — спросил Хендерсон.

— Да.

— Ты сумел найти еще кого-нибудь?

— Нет. Они исчезли в никуда. Я нашел тебя только по счастливой случайности. Я думаю, что это была такая счастливая случайность, что было бы очень обидно упускать ее. Но это мне ничего не даст, если мы не будем откровенны оба.

— Этот шаг сделал ты, не я.

— Знаю. Я рассказал тебе о своих причинах и могу дать прекрасный совет: если на твоей совести что-нибудь есть, то лучше проверь-ка это со всей тщательностью. Ставлю десять к одному, что никак не сумеешь этого доказать, хотя твои память и сознание будут убеждать тебя в обратном.

— Я не считаю твою проверку убедительной, — возразил Хендерсон. — На твой взгляд, она стопроцентна, но если бы я был в твоей шкуре, то на этом бы не остановился. В конце концов, ты ищешь доказательство, что свихнулся, потому что свихнувшись быть приятней, чем виновным. Для меня надо было бы несколько больше, чем доказать такими пустяками, что я чокнутый.

— Не могу не согласиться с тобой, — заявил Брансон. — Завтра я собираюсь окончательно решить эту проблему.

— И как же?

— Я переложу решение на плечи полиции.

— Ты пойдешь сдаваться?

— Ни за что на свете! Я признаю себя виновным, только когда мне это докажут, но не раньше. Нет, не сдаваться, — он улыбнулся Хендерсону и продолжил: — Я собираюсь позвонить в полицию по междугородней связи и выслушать их. Если они не проявят интереса, то все станет на свои места. Я тогда буду полностью удовлетворен, и, как ты предположил, я просто свихнулся. Я постараюсь понять, что послужило причиной для того, чтобы я сошел с ума. Если будет возможно, то попытаюсь что-нибудь сделать с этим. У меня совершенно нет желания получить новый кошмар в будущем.

— Логично. — согласился Хендерсон. Он перестал теревить ногой ковер, сел в кресло и закурил новую сигарету. Но его курение было скорее просто нервной реакцией, чем удовольствием. Он задумчиво рассматривал своего собеседника и наконец сказал: — Ну давай предположим, ради эксперимента, что ты знаешь, где начать искать корни этого.

— Конечно! Там, дома.

— Прямо у себя в доме?

— Нет. Я такого не сказал. Дома, или в институте, или где-нибудь посередине. В общем, в том районе. Другое вероятное место — Бельстон. Но если полиция там ничего не знает...

— Отлично! У тебя есть приблизительная идея, где искать. А что искать?

— На данный момент понятия не имею, — признался Брансон, — но если полиция в Бельстоне меня оправдает, то поеду обратно и буду копать, как смогу, конечно. Я не профессиональный детектив, придется все делать просто по наитию.

Хендерсон переварил это и задумчиво сказал:

— Хотел бы я, чтобы здесь был Маерсоу.

— Кто это такой?

— Знакомый парень. Он работает в отделе бактериологического оружия. Я помню кое-какие странные слухи, которые ходили там. Говорят, что они изобрели какой-то вирус, который делает людей совершенно безумными. Может, этот вирус упустили. Он мог бы нам рассказать об этом.

— Нам? — переспросил Брансон, ухватившись за эти слова.

— Это, конечно, твоя проблема, но мы ее обсуждаем вместе, не так ли? — вывернулся Хендерсон.

— Так. Но это никуда нас не привело. И знаешь почему?

— Почему?

— Я неоднократно поддевал тебя, и тебе это не нравилось. Ты слишком уклончив в своих ответах. С самого начала ты практически не подпускаешь меня на пушечный выстрел.

— Ну, Брансон, я имею право хранить...

— Ты что-то скрываешь и хочешь оставаться в безопасности до тех пор, пока это не раскроется. Без сомнения, ты мне симпатизируешь и, вероятно, надеешься, что вся эта история правда. Но ты не уверен. Это вполне может быть приманкой, на которую тебя хотят поймать. И заглатывать крючок ты не собираешься.

— Постой, смотри...

— Слушай меня, — твердо приказал Брансон. — Давай допустим, что ты в таком же положении, как и я, но в твоём случае галлюцинации прошли намного глубже и ты не рискнул пойти на место преступления и проверить все это. Ясно, что ты не хочешь создавать себе неприятности, сознавшись в преступлении и назвав имя жертвы. С твоей точки зрения, это будет достаточным доказательством вины.

— Но...

— Однако предположим, что ты мне скажешь, будто убил кого-то или сделал что-то в этом роде. Предположим, я сразу побегу с этой информацией в полицию. Знаешь, что они сделают? Они пригласят меня к себе и будут улыбаться мне до ушей. Они усадят меня в кресло и предложат мне кофе. А потом они захотят узнать, когда, где, кого и как. И я скажу, что не знаю. Они выдернут из-под меня кресло, отберут кофе и пинком вышвырнут за дверь. А если они придут к тебе, что ты им скажешь? Ты будешь все отрицать и объяснишь, что я спятил. Полиция на этом успокоится: у них и так по горло работы, чтобы терять еще время на сумасшедшие бредни.

Хендерсон потер подбородок и взъерошил волосы. Он выглядел совершенно озадаченным.

— И что ты хочешь от меня услышать?

— Мне не надо имен, дат и прочих подробностей. Я хочу четкий ответ на прямой вопрос. Скорее, даже на два вопроса. Первый: ты твердо уверен, что убил кого-то? Второй: нашел ты или пытался найти какое-нибудь доказательство, что сделал это?

После долгой паузы Хендерсон ответил:

— И да и нет.

Брансон встал и сказал:

— Это я и хотел узнать. Очень трудно плыть одному в лодке по океану иллюзий. Намного спокойнее знать, что ты в этой лодке не один. А что чувствуешь ты?

— То же самое.

— Жаль, что мы не можем добраться до других. Вдвоем мы бы смогли заставить их говорить. А всем вместе легче разобраться, что так подействовало на наши мозги.

Он начал оглядываться в поисках пальто и шляпы.

— Ты собираешься уходить? — взволнованно спросил Хендерсон.

— Да, вечеринка окончилась. Надо когда-то и уходить.

— Куда ты пойдешь в такой час?

С удивлением взглянув на часы, Брансон заметил:

— Надо найти место для ночевки. В крайнем случае я могу подремать и в зале ожидания на вокзале.

— Разве ты не на машине?

— Нет, я оставил ее жене.

— Ты не в центре цивилизации, — напомнил Хендерсон. — Это настоящая глушь. Первый поезд уйдет в десять тридцать утра. Почему бы тебе не остаться здесь? У меня есть свободная кровать.

— Очень любезно с твоей стороны. А ты уверен, что я не буду тебе в тягость?

— Вовсе нет! Буду очень рад твоей компании. У нас есть что-то общее, пусть даже и умственное расстройство.

— Ты начал говорить правду, — сказал Брансон, снова сядя на свой стул. — Что ты собираешься с этим делать?

— Теперь, после того, что ты мне сказал, действительно нужно что-то делать. Сейчас я удивляюсь, почему мне самому не пришла идея все проверить, как это сделал ты. Мне сразу же надо было об этом подумать, но, как видишь, не подумал — Единственное, что мне хотелось, — быстрее исчезнуть.

— Этому есть подходящее объяснение: у тебя было куда спрятаться, а у меня такого места не было, — предположил Брансон. — Единственное место, которое мне пришло в голову, это Бельстон. Я поехал туда просто потому, что не мог придумать ничего другого. — Он немного подумал и добавил: — А может быть, я был намного больше тебя напуган и страх гнал меня в самое опасное место.

— Сомневаюсь. Вероятно, у тебя в голове осталась маленькая частичка недоверия, она-то и заставила тебя поехать туда. И вообще, люди далеко не одинаковы. Они могут действовать подобно, но никогда одинаково.

— Наверное, так.

— Вернемся к моей проблеме, — продолжал Хендерсон. — Мне надо будет все проверить. Я был дурак, что не сделал этого раньше. Значит, старик Элди должен помочь мне вырваться отсюда, если он, конечно, захочет.

— Кто это старик Элди?

— Старик, который раньше владел этим магазином. Он потратил часть моих денег на отпуск, которого не видел в течение многих лет, а несколько дней назад вернулся, проводя время настолько хорошо, насколько это возможно в семьдесят два года. А теперь болтается вокруг, как потерянный ребенок. Не может привыкнуть ничего не делать. Пару раз он мне

намекал, что охотно поможет, если мне нужна помощь. Этим и можно будет воспользоваться, если мне понадобится время для изучения собственного прошлого. Я слишком зависим сейчас от этих денег, чтобы пренебрегать бизнесом даже на неделю. Если старик Элди согласится посмотреть за магазином некоторое время, я смогу съездить в...

Хендерсон запнулся, но Брансон его подбодрил:

— Не говори мне. Я и знать этого не хочу.

— В данных обстоятельствах это не играет роли. В конце концов, ты же сказал мне о Бельстоне.

— Да, но я чувствовал себя намного спокойнее, сделав шаг вперед. Я кое-что уже проверил, а ты еще нет. В этом вся разница. Пока ты не убедишься сам, что находишься в плену фантазии, ты будешь чувствовать себя спокойней, зная, что я не могу тебя выдать. И не будешь волноваться после моего отъезда, не сказал ли ты слишком много. У тебя и так достаточно всяких страхов и тревог, по себе знаю.

— Но ты с ними справляешься лучше.

— Есть еще одна вещь, которую я хотел бы узнать, если ты, конечно, не возражаешь.

— Какая?

— Допустим, ты проверишь и убедишься, что все это фантазия. И что тогда? Ты успокоишь свою совесть и будешь продолжать торговать? Или вернешься в институт?

— В институт мне уже не вернуться. Они меня уже списали. Думаю, им не нужны типы, которые уходят и возвращаются по своему усмотрению.

— Но ведь они пытались уговорить тебя вернуться обратно.

— Нет. Пара любопытных ищеек заглянула ко мне, стараясь разнюхать причины моего ухода. Это, кажется, все, что их интересовало. — Хендерсон глубоко вздохнул. — Я их просто выгнал. Они от меня ничего не добились. Вскоре после этого я переехал сюда, и с тех пор они меня не беспокоили. Я решил, что если они меня выследят и здесь, то следующий мой переезд будет за границу.

— Большинство других туда и поехали.

— Я знаю.

— Хорошо бы найти их и поговорить, — сказал Брансон во второй раз. Он боролся с желанием сказать Хендерсону, что тот уже выслежен и что за ним постоянно наблюдают, но, немного подумав, решил, что это только вызовет ненужное беспокойство и ни к чему не приведет. Он продолжил: — Что бы ты ни предпринял со своим делом в будущем, думаю, что мы должны поддерживать контакт друг с другом.

— Я тоже так думаю.

— А как насчет того, что я буду время от времени звонить сюда? Если ты опять переедешь, то сможешь найти способ дать знать, где тебя найти. Меня очень интересует результат твоей проверки, и думаю, что ты хотел бы узнать результат моей. Один из нас может наткнуться на что-нибудь, что поможет пролить свет на это дело. Мы, свихнувшиеся, должны держаться вместе, чтобы нас не поймали в капкан.

— Полностью с тобой согласен. Звони мне в любое время. Точно так же я позвоню тебе домой, если у меня будет что сказать. — Хендерсон взглянул на часы. — Не пора ли на покой?

— Я готов, — сказал Брансон, вставая. — Я свяжусь с полицией в Бельстоне, но только смелости у меня не очень-то хватает. Хорошо бы ты мне подкинул своей.

— Ты сам мне прибавил смелости, — возразил Хендерсон.

Утром Хендерсон хотел пойти на станцию и проводить Брансона. Но Брансон наотрез отказался.

— Давай не будем привлекать к себе внимание. Ты оставайся в магазине, а я выйду, изображая раннего покупателя

Они пожали друг другу руки и распрощались. Выйдя из магазина. Брансон попытался обнаружить рирдоновского агента. Единственный, кого он мог подозревать, был неряшливо одетый тип, бесцельно болтающийся на углу. Когда Брансон проходил мимо, тот проводил его скучающим взглядом. Пройдя дальше по дороге, Брансон оглянулся, Тип так и остался на углу и не делал никаких попыток преследовать его. Или наблюдатель за домом Хендерсона был слишком искусен, или наблюдение проводилось эпизодически.

В поезде никто подозрительный к нему не присоединился тоже. Путешествие протекало с двумя пересадками в тех же местах, что и первый раз, с получасовым ожиданием поезда в одном месте. Он использовал это время на то, чтобы найти телефон и позвонить в полицейский участок в Хенбери. Когда ему ответили, он попросил к телефону начальника участка. Голос дежурного сразу стал заинтересованным, и он начал официально допытываться, зачем ему нужен начальник, но Брансон вел себя твердо и пригрозил повесить трубку, если его желание не удовлетворят. Тогда его тут же соединили.

— Шеф Паскоу, — ответил низкий хриплый голос. — С кем я разговариваю?

— Меня зовут Роберт Лафарж, — бойко ответил Брансон. — Около двадцати лет назад моя сестра Элайн поехала в Бельстон и не вернулась. Мы решили, что она сбежала с каким-нибудь мужчиной или что-нибудь подобное. Она, знаете ли, была так импульсивна.

— Ну и что вы хотите от меня?

«Не знает! Не знает!» — взорвалось в голове.

— Не так давно мне рассказывал парень из вашего города, — продолжал Брансон, — что, не знаю когда точно, вы нашли скелет девушки, спрятанный под деревом. И я начал беспокоиться, может быть, это моя сестра. Я решил поинтересоваться, не установили ли вы личность убитой.

— Кто вам это рассказал? Ваш друг?

— Нет, просто случайный знакомый.

— Вы уверены, что он говорил про Хенбери?

— Нет, он сказал — в окрестностях Бельстона. Но ведь это ваш район, не так ли?

— Наш, и, если бы там случилось нечто подобное, мы бы знали, конечно. Но мы ничего об этом не слышали.

— Вы хотите сказать...

— Мы не находили никаких скелетов, мистер Лафарж. У вас есть основания подозревать, что ваша сестра встретилась с каким-нибудь преступником?

— Боюсь, что нет. Просто мы много лет ничего о ней не слышали, а эта история навела нас на мысль о ее смерти.

— Тот, кто вам это рассказал, знал о вашей сестре?

— Совершенно ничего.

— И вы ему ничего не сказали о ней?

— Определенно нет.

— Ну, он просто демонстрировал вам свое воображение.

— Возможно, и так, — согласился Брансон, чувствуя, что никто не собирается — задерживать разговор, для того чтобы определить, откуда он звонит. — Но я не вижу в этом никакого смысла. Он ничего не выигрывал от того, что рассказывал сказки.

— Он приобретал слушателя, — возразил шеф полиции. — Трепачу всегда нужен слушатель, как наркоману шприц. Даже мы время от времени принимаем их здесь, и они нам признаются в преступлениях, которые никогда и никто не совершал. На мой взгляд, было бы

неплохо принять какой-нибудь закон, наказывающий за такие вещи. Мы теряем очень много времени на такие выдумки.

— Значит, вы считаете, что мне нет смысла приезжать к вам и посмотреть на все своими глазами? — спросил Брансон, рассчитывая, что если они хотят поставить на него капкан, то обязательно воспользуются этим шансом.

— Вам совершенно не на что здесь смотреть, мистер Лафарж.

— Спасибо, — ответил Брансон, чувствуя глубокое облегчение. — Извините, пожалуйста, за беспокойство.

— Вам не за что извиняться. Вы поступили совершенно верно в данной ситуации. Нам всегда очень помогает население. Но в данном случае нет никакого повода для тревоги, вас ввели в заблуждение. Это все, что мы можем вам сказать.

Брансон еще раз поблагодарил и повесил трубку. Он вышел из будки, сел на ближайшую скамейку и задумался. Он был обманут. Насколько можно судить о собеседнике по голосу, шеф полиции был искренним и бесхитростным. Он даже не пытался затянуть телефонный разговор, пока его полицейские определяют, откуда звонят. Это была стандартная тактика, если бы у них действительно было нераскрытое преступление и им позвонил кто-нибудь, кто мог помочь.

Он даже отклонил предложение Брансона самому залезть в мышеловку. Все начинало проясняться. В Бельстоне не было никакого трупа. Этот труп существовал только в памяти Брансона и в разговоре шоферов из буфета.

Самое простое решение этой проблемы было в том, что шоферы говорили о каком-то другом, подобном преступлении, а совесть Брансона приняла это на свой счет. Но в этой версии было несколько серьезных дыр. Если это и могло объяснить его паническое поведение, то никак не объясняло поведение Хендерсона. И не могло так активизировать Рирдона и того типа, которого Дороти определила как иностранца.

Даже объяснения самого Рирдона не вписывались в эту картину. Согласно его утверждениям, многие оборонные учреждения в стране за последнее время теряли хороших специалистов. Рирдон следил за двумя, один из них был сам Брансон. Как все это можно было связать с болтливymi шоферами?

Как это Рирдон сказал? Если так будет продолжаться, то наши потери будут составлять скоро целую армию. Это надо остановить. Но остановить *что*? Ответ: то, что заставляет человека внезапно срываться с места, искать убежище. Надо еще учесть, что все это были люди умные, образованные, склонные к анализу своих поступков, совсем не того типа, которые вдруг внезапно сходят с рельсов. Что может вывести из равновесия таких людей?

Только одно.

Страх смерти. Любой смерти, особенно казни.

Когда подошел поезд, Брансон выбрал себе уединенное местечко, где он мог спокойно решать свои проблемы. Он едва ли замечал присутствие других пассажиров и уж тем более не интересовался, есть ли за ним слежка.

Теперь он мог обдумать все более систематично и продуктивно. У него было такое чувство, что чья-то рука забралась к нему в голову и вынула оттуда шар, который слишком долго катался у него в голове и приводил в беспорядок все его мысли. У него еще остались кое-какие неприятные воспоминания, но теперь они уже не внушали леденящий душу страх и не звонили в тревожные колокола. Впервые за много дней он мог спокойно подумать о своих делах.

Первое. Элайн, действительная или мнимая, все еще лежит там, где ее положили, и при удачном стечении обстоятельств пролежит там до скончания веков. С его точки зрения, это был первый по важности факт. Полиция не ищет его, не подозревает и совершенно не интересуется этим эпизодом из его прошлого. Его не ждет камера смертников. Если ее и держат наготове, то

для кого-то другого, а не для него, Брансона.

Второе. За ним наблюдают две группы, не имеющие отношения к полиции, и делают это по непонятным причинам. Но за этим не стоит высшая мера. Очевидно, они подозревают, что он может что-то сделать, и, по их мнению, сделает это обязательно.

Ничего подобного он еще не сделал. В этом он был совершенно уверен. Несомненно, Элайн монополизировала темные участки его мозга, но другой вины за ним не было, и в этом он был уверен.

Значит, речь шла о будущем преступлении, которое он с большой вероятностью мог совершить. Какое же? Сотрудник засекреченного института мог сделать только две вещи, которые взволновали бы власти: перейти на сторону врага или просто дезертировать со своей стороны. Это-то и беспокоило Рирдона, и он сказал об этом не скрывая. Получается, что обе стороны, и своя, и вражеская, рассматривали его как слабое звено. Обе стороны оценили его как сосунка.

Брансона передернуло от этой мысли. Значит, мнение о нем у других людей было очень низким, если все видели в нем такое слабое звено. Они же не выбрали таких крутых мужиков, как Потер, Каин, Макхен и многих других. Нет, они все видели, что Брансону нужен только легкий толчок.

Он подумал, что в нем опять начинают говорить эмоции. Так поступают люди, которыми управляют извне. Эмоции могут завести далеко. Надо смотреть на вещи объективно.

«Почему враги выбрали меня как подходящую цель и не обратили внимания на других? Ответ: потому что в данных обстоятельствах я был самым доступным. Почему я им подходил? Ответ: потому что они были готовы к удару, а я был доступен для удара, когда другие были недоступны. Это была чистая случайность. Почему Джо Соан был сбит машиной, когда никто из его друзей или соседей не пострадал от такого несчастья? Ответ: потому что Джо и машина по случайному совпадению встретились во времени и в пространстве».

Сбит?

Сбит?!

Внезапно его глаза уставились в одну точку, руки повлажнели. Тот проклятый день начался с того, что он упал с лестницы. Мысленно Брансон увидел все это с самого начала. Он прошел уже десять или двадцать ступенек, и ему оставалось еще около двадцати. Внезапная вспышка, он падает вниз, и от серьезных повреждений его спасли только двое мужчин, которые оказались рядом. Он как наяву видел их вытянутые руки, их взволнованные глаза.

Их руки подхватили его за мгновение до падения. Теперь, когда Брансон подумал об этом, ему показалось, что они были очень проворны и умелы, как будто знали, что должно произойти, и заранее подготовились к своей роли. Они действовали с такой быстротой и сноровкой, как будто предвидели все от начала до конца.

Однако он все же ударился намного сильнее, чем признался в том Дороти. Он потерял сознание и очнулся уже сидя посередине лестницы, с встревоженными спасателями по бокам. Синяк и ссадину на локте он получил, когда ударился о перила, и это он помнил, а вот откуда взялась шишка на голове, этого он не помнил и не мог понять.

Боже, а может, его ударили сзади?!

В то утро это падение его страшно расстроило. Он не мог понять, отчего это произошло, и собирался даже обратиться к врачу, но не решился и предпочел остаться в неведении, чем услышать плохой диагноз.

Да, его состояние в тот день было такое, что временами он полностью терял ощущение времени. Каким-то образом он потерял очень много времени, непонятно как и где, а когда понял, что уже довольно поздно, ему пришлось взять такси, чтобы успеть на работу.

Вот так и началась та пятница, тринадцатое число,

Его несчастливый день. Падение. Двое мужчин, которые пришли на помощь. Удар по черепу непонятно откуда. Пропажа времени утром. Шоферы, болтающие в пределах слышимости и делающие намеки. Здоровенный детина, преследующий его. Вспышка страха. Рирдон, идущий по следу. Компания, полк, армия.

Он буквально застыл, губы стали тонкими, кулаки сжались. Для того чтобы сделать атомную бомбу, потребуется тщательная и кропотливая работа. Но для того, чтобы она сработала, нужен детонатор.

Она ничего не стоит, пока не дернешь за веревочку.

Предположим, просто предположим, что кто-то сумел перенести подобную технику на человеческий мозг: в банк данных мозга вносится довольно большая часть информации, способная создавать критическую массу. Мозг будет оставаться в покое, и новшество будет ждать своего часа. Он может оставаться в покое недели, месяцы, до того момента, пока не дернут за веревочку в подходящей ситуации.

Несколько слов, сказанных шофером-болтуном. Детонатор.

Мозговой взрыв!

На станции он выскочил из поезда, побежал, распахивая прохожих, наткнулся на двоих-троих, извинился. Ему оборачивались вслед. Он понимал, что привлекает внимание, что забыл о конспирации, но он был слишком взволнован, чтобы обращать на это внимание.

Подтверждение его предположения нужно искать только в той компании, которая могла стать полком. Он знал это так же точно, как и о существовании на небе солнца. Некоторые из них могут рассказать, с чего началось их желание бежать, некоторые могут быть менее осторожны и менее скрытны, чем Хендерсон, который не очень-то помог. И некоторые попробуют раскрыть свой мозг для нового кошмара.

«Попробуй навести порядок в голове: я не полицейский, не тайный агент, не представитель власти. Я — Ричард Брансон, такой же как и ты ученый, и я в бегах от всех, потому что живу в своем придуманном фантастическом мире. Меня не ловят за убийство, хотя я считал, что совершил его. Я думал, что убил девушку по имени Элайн Лафарж. А что ты думаешь о себе? Что ты сделал?»

Если хоть один из них, только один скажет:

«Боже мой, Брансон, в этом есть что-то странное! Это я убил ее в местечке под названием Бельстон. Я знаю, что я это сделал. Какого черта, ты не мог...»

«Скажи мне, почему ты это сделал?»

«Она сама довела меня до этого. Я не собирался делать ничего подобного, но я был совершенно не в себе».

«Как?»

«Ну... э... я не могу сейчас точно сказать. Это было так давно, и я так старался забыть об этом».

«То же самое и со мной. А может, нам вместе объехать других и узнать, сколько еще человек прибило эту самую Элайн Лафарж? Мы можем составить целую камеру в тюрьме, и в такой приятной компании будет легче считать часы до конца».

Вдруг это произойдет таким путем? Ничто не может быть невозможным, если это породил человеческий мозг. С другой стороны, вражеские силы способны быть намного умнее и искуснее: например, снабдить каждого своим собственным фактором страха. Хендерсон думает о своем преступлении: он даже глазом не моргнул, когда услышал об Элайн и Бельстоне.

Брансон начал чувствовать полную уверенность в том, что эта злосчастная Элайн Лафарж была просто иллюзией. Это было трудно, очень трудно, так как его память настаивала на

обратном. А спорить со своей памятью все равно что отказываться от собственного отражения в зеркале.

Несмотря на новые факты, несмотря на отсутствие старых фактов, его память цепко держалась за самый страшный момент в его жизни. И хотя видение прошлого может быть просто дурным сном, построенным вокруг призрачной женщины, он очень хорошо мог представить искаженные черты Элайн, когда она умирала, ее темные волосы, перевязанные голубой лентой, ее черные глаза, наполненные болью, ее тонкие губы, кривящиеся от боли, ее тонкие ноздри, струйку крови, стекающую по лбу. На ней было ожерелье из жемчуга, черные туфли, золотой браслет на руке. Это была картина со всеми, даже мельчайшими, подробностями, со всеми оттенками. Это была такая полная картина какая может быть только в жизни.

Но была ли она реальной?

Или это был тот кусок информации, который представлял критическую массу?

Другие должны знать о ней или о ее фантоме так же много. Но получить от них информацию без помощи Рирдона будет очень трудно. Однако Брансону не хотелось обращаться за помощью к властям, особенно после последних событий. Кроме того, это может полностью связать его как раз в тот момент, когда он уже превратился из дичи в охотника. Он обратится к Рирдону и силам, стоящим за его спиной, как к последней инстанции, только в крайнем случае.

Хотя его коллеги-беглецы могут оказаться еще менее разговорчивыми, чем даже Хендерсон. Но на данный момент ему надо самому попробовать во всем разобраться. И Брансон решил, что есть источники, которые он в состоянии выследить.

Пять человек могут разрешить загадку Элайн Лафарж.

Пять человек знают многое о ней, и их можно заставить говорить

Пять человек: те двое, которые поймали его тогда на лестниц, двое разговорчивых шоферов и его преследователь, здоровенный иностранец, который и заставил его пуститься в бега. Если он прав в своих догадках, то должен быть еще и шестой, невидимый руководитель, которого он не включил в список, потому что не мог идентифицировать.

Любой из этих пяти мог дать ниточку, которая приведет к другим четверем, а то и ко всем остальным, которые прячутся за ними.

Продолжая думать в том же роде, Брансон забавлялся тем, что более или менее беспристрастно изучал свою жажду мести. Будучи тем, кем он был раньше, аналитическим мыслителем, он всегда рассматривал желание заехать кому-нибудь по зубам как примитивное чувство. Теперь такое желание совсем не казалось ему таким уж первобытным. И в самом деле, он бы начал презирать себя, если бы у него не было такого желания. Никто не может лишить себя простых человеческих чувств.

Да, пусть только выпадет возможность или подвернется шанс! Он соберет всю свою силу и злость в кулак и этим кулаком вышибет напрочь чьи-нибудь зубы.

Другими словами, он был в ярости и наслаждался этим.

Ночная темнота опустилась на город, уличные фонари замерцали теплым светом, витрины магазинов ярко осветились. Это был его город, но Брансон не шел домой: если кто-нибудь хочет встретить его, то там-то его и ждет, он сидит и подстерегает, когда заблудшая овца вернется в стадо. На здоровье, они могут сидеть там, пока не пустят корни. У него нет никакого желания, чтобы его подобрали. Что ему больше всего надо — так это время, достаточно времени, чтобы побродить вокруг, выбрать себе цель и нанести по ней сокрушительный удар.

Он продвигался по городу быстро, но осторожно. Сотни людей, среди них и служащие института, жили в этом городе и хорошо знали его в лицо. Ему совершенно не хотелось, чтобы его кто-нибудь увидел, еще меньше ему хотелось, чтобы кто-нибудь с ним заговорил. Чем меньше людей будет знать о его возвращении, тем лучше. Избегая хорошо освещенных улиц с крупными магазинами, он зашел только в маленький магазинчик, чтобы купить себе расческу, зубную пасту и бритву. Его путешествие закончилось в мотеле на окраине города, подальше от его дома.

Там Брансон привел себя в порядок и поел. Какое-то время его съедал соблазн позвонить Дороти и договориться с ней о встрече где-нибудь в кафе на краю города или в каком-нибудь подобном месте. Но детям скоро надо будет ложиться спать, и ей тогда придется просить кого-нибудь из соседей посидеть с ними. Утром, когда дети уйдут в школу, будет удобнее. А пока лучше позвонить Хендерсону, если тот, конечно, еще в Лейксайде. Он набрал номер, и Хендерсон ответил.

— Ты все еще там? — спросил Брансон. — Я думал, ты уже уехал.

— Поеду завтра, — сообщил Хендерсон. — Старик Элди приглядит пока за магазином, и он в восторге от этого. Ну а ты, связался сам знаешь с кем?

— Да. Они ничего не делают.

— Что ты имеешь в виду?

— Они ничего об этом не знают, и это совершенно точно.

Но Хендерсон был скептиком:

— Если они и знают что-нибудь, то совсем не обязательно признались бы в этом первому встречному, который позвонит по телефону. Более вероятно, что они постарались бы тебя прихватить. Ты дал им достаточно времени на это?

— Нет.

— Тогда ничего нельзя гарантировать.

— Мне совершенно не надо было давать им время. Они и не собирались меня прихватывать.

— Почему ты в этом так уверен?

— Потому что они даже не сделали попытки затянуть разговор, — объяснил Брансон. — Более того, я предложил им, что могу приехать, а они стали меня от этого отговаривать. Сказали, что это будет пустой тратой времени. Они не горели желанием даже увидеть меня, не то что схватить. Говорю тебе, Хени, все это дело — чистая иллюзия, и я собираюсь действовать исходя из этого предположения.

— Действовать согласно этому предположению? Что ты имеешь в виду? Ты собираешься вернуться в институт?

— Нет. Пока нет.

— Тогда как?

— Поболтаться вокруг и посовать нос в разные дыры. Так я могу найти что-нибудь стоящее.

По крайней мере попробую. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

— У тебя есть ниточка, за которую стоит потянуть?

— Может быть, я еще в этом не уверен. — Брансон нахмурился и продолжал: — Если твоя проверка покажет, как я и ожидал, что твои опасения беспочвенны, советую тебе подумать об обстоятельствах, при которых все это начиналось. Ты должен вспомнить людей, которые были рядом. Ты должен вспомнить людей, которые дали толчок. Их-то ты и должен подозревать. Понял, что я хочу сказать?

— Брансон, — сказал Хендерсон, ничуть не зажигаясь полученными советами. — Ты можешь попытаться свои силы как частный детектив, но я свои испытывать в этой области не собираюсь. Я не подхожу для такой работы ни по образованию, ни по наклонностям.

— Равно как и я, но это меня не останавливает. Никогда не узнаешь, что ты можешь сделать, пока не попробуешь.

— Ну, делай по-своему.

— Так и поступлю. Я уже устал делать что-то по чужому желанию. — Он сжал кулак и уставился на него, как будто это был какой-то символ. — Хени, если ты выяснишь, что чист, ради всего святого, не успокаивайся на этом. Не впадай в спячку ленивой счастливой собаки. Возвращайся и присоединяйся ко мне. Возможно, что нас приговорили к этому одни и те же люди. Ты можешь узнать одних, я — других. Мы можем помочь друг другу прихватить их.

— Я еще ни в чем не убедил себя, — возразил Хендерсон, инстинктивно продолжая сопротивляться песне «вернись, я все прощу». — Ты все проверил и жаждешь крови. Я еще только собираюсь проверить и надеюсь на избавление. В данный момент у нас разные позиции. Возможно, что через несколько дней я тоже встану на твою позицию и тогда для чего-нибудь созрею и решу, что мне делать.

— Тебя нельзя будет назвать человеком, если ты после всего этого не захочешь посадить этих типов на электрический стул! — взорвался Брансон. — И тебе не придется искать помощника, на это дело я согласен. И ты для меня должен быть согласен на то же самое.

— Я сообщу тебе, как у меня пойдут дела, — пообещал Хендерсон.

— Удачи тебе.

Закончив разговор, Брансон взял у дежурного телефонный справочник и начал изучать его, страницу за страницей, строчку за строчкой. Время от времени он делал какие-то выписки.

Когда Брансон закончил свою работу, у него на руках оказался список адресов и телефонов нескольких адвокатских контор, нескольких психиатров, агентов четырех компаний по транспортным средствам и несколько дешевых забегаловок, в которые он раньше никогда не заходил. Большинство этих данных могут никогда и не понадобиться, но иметь их под рукой было очень удобно. Запихав список в бумажник, он начал готовиться ко сну. Его сон в эту ночь был глубокий и спокойный.

Утром в девять тридцать, предположив, что Дороти уже вернулась, проводив детей в школу, Брансон позвонил домой. Он был очень осторожен, организовав эту встречу: мало ли кто подслушает телефонный разговор и рад будет его засечь, поэтому он должен назначить встречу так, чтобы это поняла только она.

— Слушай, дорогая, это срочно, и я не могу попусту терять время. Так что давай поговорим быстренько, ладно? Можешь ты со мной позавтракать около половины первого?

— Конечно, Рич, я вполне...

— Помнишь то место, где ты потеряла свою серебряную пудреницу, а потом нашла? Я буду ждать тебя там.

— Хорошо, но почему...

Брансон повесил трубку, когда она еще говорила. Несомненно, это ее очень обидело, но

другого выхода не было. Рирдон и тот, кто стоит за ним, имеют полную возможность подслушивать телефонные разговоры и наверняка делают это, если считают нужным. Краткость и неопределенность были единственной контрмерой.

В десять он околачивался около ворот транспортной компании. Это был промышленный район, вдоль широкой дороги стояли фабрики, заводы и склады. Движение здесь было не таким интенсивным, как в центре города, мимо проезжали только груженые грузовики. Прохожих тоже было очень мало. Раздраженный, он прогуливался взад и вперед около полутора часов, за это время только один грузовик въехал в ворота и ни одного не выехало. Он внимательно рассмотрел шофера и его напарника. Оба они были ему совершенно незнакомы.

Сразу же за воротами были весы для автомашин и рядом с ними стояла будка, в которой сидел мужчина. Мужчина что-то записывал, когда мимо проезжала машина, а потом продолжал со скукой смотреть в окно будки. Он заметил, что Брансон битый час маячит перед воротами, и стал с любопытством наблюдать за ним. В конце концов он вылез из своей будки, подошел к воротам и спросил:

— Ждете кого-нибудь, мистер?

— Пару знакомых парней, — лаконично ответил Брансон.

— Они не торопятся, не так ли? Скажите, как их зовут, и я передам им, что вы их ждете.

— К сожалению, не могу. Я знаю их только в лицо.

— Это хуже, — заметил мужчина.

В будке зазвонил телефон.

— Минуточку, — сказал мужчина и пошел к будке.

Он снял трубку, заглянул в свою тетрадку, передал какую-то информацию и вернулся к воротам.

— Я могу описать их, — предложил Брансон без всякой надежды.

— Нет, это не поможет. Я так не умею. Я не узнаю свою тетю Марту, если, вы даже нарисуете ее маслом.

— А может быть, я смогу так, что вы поймете?

— Нет, не получится, — он почесал свою лохматую голову, раздумывая над проблемой, затем показал рукой через двор. — Вот что я вам скажу: идите вон туда, в контору, и спросите там Ричардса. Он знает всех служащих как свои пять пальцев. Должен знать: он их нанимает и увольняет.

— Огромное спасибо.

Брансон поспешил через двор, вошел в контору и обратился к девушке, сидевшей за барьерчиком:

— Могу я переговорить с мистером Ричардсом?

Она холодно, оценивающе его оглядела.

— Вам нужна работа?

— Нет, — ответил Брансон, несколько шокированный, — мне нужна кое-какая информация.

Ричарде вышел через пару минут. Это был мужчина с тонкими чертами лица и лишенным иллюзий взглядом. В его голосе была вежливость, которая давалась ему с видимым усилием.

— Чем могу помочь?

— Я пытаюсь найти двух водителей.

— Зачем?

— Э...

— Зачем они вам нужны? Они что, натворили что-нибудь? И вообще, кто вы такой? Вы из полиции или из страховой компании?

— Мне кажется, вы сразу же ожидаете худшего, — попытался улыбнуться Брансон. — Видно, с этой шоферней много хлопот.

— Это уж мое дело. А вот в чем ваше?

Так как Ричарде, видимо, привык иметь дело с властью, любым видом власти, то Брансон сказал ему полуправду:

— Я служащий министерства обороны. — Он протянул Ричардсу свой пропуск, который тот изучил с большим вниманием и уважением. — У меня есть основания считать, что двое ваших шоферов располагают информацией, которая может заинтересовать наш отдел. Если я найду их, я бы хотел задать им несколько вопросов.

Удовлетворенный таким оборотом дела, Ричарде сказал уже более доброжелательно:

— Как их имена?

— Не знаю. Я могу дать их словесный портрет. Ваш служащий у ворот сказал мне, что вы сможете узнать их по описанию.

— Хорошо. Я попробую. И как же они выглядят?

Брансон дал словесное описание обоих шоферов, которые болтали в буфете. Он даже подумал, что ему очень удалось эти портреты, вплоть до мельчайших деталей.

Когда он закончил, Ричарде сказал:

— У нас сорок восемь шоферов, разъезжающих по всей стране. Под ваше описание более или менее подходят около двадцати из них. Некоторые вернутся через пару дней, другие через пару недель. Если вы захотите их всех увидеть, вам придется ждать довольно долго.

— Плохо, — заметил Брансон разочарованно.

— Вы уверены, что они работают в нашей компании?

— Я не знаю, где они работают.

— Вот это здорово! — недоверчиво уставился на него Ричарде. — Какие знаки они носили на фуражках или на нагрудных карманах?

— Не знаю.

— Хорошо, на каких марках автомашин они были? Какого цвета были грузовики, какие на них были написаны буквы, какие знаки?

— Не знаю. Когда я их видел, они были без машин, они, очевидно, ждали поезда на железнодорожной станции.

— Господи, — Ричарде молитвенно взглянул на небеса. — Позвольте мне вам кое-что сказать. Обычные шоферы грузовиков не пользуются поездами, разве что только до крематория. Они отвозят и привозят груз обратно, если, конечно, смогут найти. Если не смогут, то возвращаются домой порожняком. Так что те, о ком вы говорите, были скорее всего перегонщиками.

— Кем?

— Перегонщиками грузовиков, — объяснил Ричарде с подчеркнутым терпением. — Они берут груз и доставляют его куда-нибудь вместе с грузовиком. А дальнейшие указания получают там. Или им там дают новый грузовик с грузом, который они перегоняют в новое место, или им говорят, куда надо ехать, чтобы получить новый грузовик с грузом, тогда они пользуются автобусом или поездом. И так далее, и так далее. Их также используют как подменных шоферов: они заменяют тех, которые в отпуске или болеют. Это цыгане, настоящие кочевники. Сегодня здесь, а завтра бог знает где еще!

— Понятно, — сказал Брансон, понимая, что детектив из него получился более чем слабый.

— Дело в том, что перегонщиков нанимают очень крупные фирмы, разбросанные по всей стране. А не такие маленькие компании, как те четыре, что находятся в нашем городе. Таких фирм по всей стране всего лишь дюжина, и каждая имеет более сотни шоферов. Ваше описание

может подойти к целой армии шоферов, которые находятся в данный момент в любом месте от Северного полюса до Южного, — он беспомощно развел руками. — Искать их хуже, чем двух определенных блох в собачьей будке. Я бы на вашем месте это бросил: жизнь слишком коротка.

— Понятно, — повторил Брансон, — к этому стоит прислушаться. Большое спасибо за то, что вы мне рассказали. Учиться никогда не поздно.

— Не стоит благодарности, — сказал Ричарде, провожая Брансона глазами. — Да, вот что, я только сейчас об этом подумал. Перегонщики не могли ждать поезда на нашей станции.

— Почему нет?

— Они никогда сюда не заезжают. Здесь нет для них никакой базы.

— Значит, они были не теми, кем казались, так? Но я их сам видел: они выглядели как обычные шоферы.

— В наши дни можно встретить человека, который выглядит как Наполеон, но не Наполеон.

Брансон вернулся к барьерчику, перегнулся через него и, пожав Ричардсу руку, возвестил:

— Вы победили.

Он вышел, поспешно пересек двор и подошел к воротам. Сторож выглянул из своей будки и поинтересовался:

— Успешно, мистер?

— Нет, — ответил Брансон, — их вчера повесили. Справедливость восторжествовала!

Он продолжал идти, не дожидаясь дальнейших вопросов. Сторож замер с открытым ртом, потом схватился за телефон.

— Кого там повесили? Или что, этот парень сумасшедший?

— Тебе платят за, то, чтобы ты держал их снаружи, а не проводил внутрь. Проснись, свинья!

Точно зная из своего опыта, каким будет маршрут Дороти, Брансон встал в конце небольшой стоянки для автомашин и наблюдал за ее приездом. Примерно за пять минут до назначенного времени она въехала на стоянку, ловко припарковала машину на свободное место, вышла и закрыла дверцы. Задержавшись только для того, чтобы заплатить за стоянку, она поспешила вдоль улицы. Ее сумка висела через плечо, хорошо знакомый чемоданчик она несла в левой руке. Дороти шла довольно быстро, демонстрируя в деле свои стройные ноги, на которые некоторые мужчины бросали восхищенные взгляды.

К стоянке подъехала еще одна машина и затормозила недалеко от машины Дороти. Из нее вылезли двое мужчин, заплатили за стоянку и повернули направо. Они шли неторопливым шагом всего в ста ярдах за Дороти. Несколько дней назад Брансон с большим подозрением отнесся бы к этой паре, но сейчас, по его мнению, мужчины были слишком седые и пожилые, чтобы играть в Шерлоков Холмсов. Но на всякий случай он осторожно направился за ними, следя в то же время, не появятся ли другие сопровождающие, которых могла привести за собой Дороти.

Вскоре пожилые мужчины свернули к какому-то учреждению и прошли внутрь через крутящиеся двери. Дороти продолжала идти впереди, иногда замедляя шаг перед интересующими ее витринами. Постоянно оглядывая улицу, Брансон пришел к выводу, что слежки за Дороти нет. Он заметил только двух случайных прохожих, идущих в том же направлении. Обращать внимание на проходящий мимо транспорт он не догадался.

Дороти подошла к небольшому ресторанчику, где несколько лет назад она оставила серебряную пудреницу, а потом вернулась и нашла ее. Она вошла туда как раз вовремя. Идя по противоположной стороне, Брансон прошел дальше около ста ярдов, затем перешел дорогу и

вернулся. Он не заметил, чтобы кого-нибудь заинтересовал этот его маневр. Насколько он мог судить, все было спокойно. Он вошел в ресторанчик и увидел, что Дороти сидит в глубине зала.

— Привет, котик, — сказал он, вешая шляпу на ближайшую вешалку и садясь на стул напротив.

— Привет, милочек, — ответила она. — Ты так в своем костюме и спишь?

Инстинктивно разгладив рукава, он возразил:

— Он не так уж и мят.

— А в чем же ты спишь? — продолжала она с опасной любезностью.

— Я сплю в кроватях, — ответил он, — послушай, я встретился с тобой не для того, чтобы...

Он замер на полуслове, когда увидел, как она наклонилась и, достав из-под стола, поставила на стол чемоданчик. Это был чемоданчик, который он оставил в поезде во время бегства от Рирдона. Брансон мрачно уставился на него.

— Где ты его взяла?

— Высокий темноволосый незнакомец пришел к нам, постучал в дверь и отдал его мне.

— Он не сказал, как его зовут?

— Сказал: Рирдон. И я, естественно, хочу знать, как он попал к нему и как ты обходишься без своих бритвенных принадлежностей и без пижамы.

— Если уж тебя это так интересует, я сплю в подштанниках. Что он тебе сказал?

— Он сказал, что ты отпускаешь бороду и предпочитаешь спать голым, а причины всего этого он просто не знает. Если я не буду задавать вопросов, то и не услышу лжи, а он не хочет быть участником возможного разговора.

— Верь ему больше, — заметил Брансон. — Он хотел разозлить тебя. Без всякого сомнения, он решил, что, если разозлит тебя, ты быстрее согласишься ему помочь. Он, конечно, задал тебе вагон вопросов: когда ты обо мне что-либо слышала, где я нахожусь, что я делаю и так далее.

— Он задал несколько вопросов. Но в конце концов я ему ничего не сказала. Да я и не могла ему ничего сказать при всем желании. Слушай, Рич, что происходит?

— Я бы очень хотел рассказать тебе все, но пока не могу. Пока нет. Когда все это кончится, власти могут захотеть оставить все это в тайне. Ты знаешь, что они могут сделать с людьми, которые разговаривают слишком много.

— Да, конечно.

— Пока я могу сказать тебе одно: все это очень секретно. Это напрямую касается меня, и это-то так меня и беспокоило перед отъездом. С тех пор я узнал, что это касается не только меня, но и многих других. Я также выяснил, что это не так уж серьезно, как мне казалось вначале.

— Это успокаивает, — сказала она с явным облегчением.

— Успокаивает, но только наполовину. По причинам, о которых я не могу сейчас говорить, это дело надо довести до конца, — он хотел объяснить ей хотя бы часть, не раскрывая всей сущности. — Это как больной зуб. Ты можешь положить в него ватку с каплями, и он перестанет так болеть. Но это полумеры. На самом деле надо просто вырвать его.

— Тебе самому?

— Я один из тех, кто от этого страдает. И я считаю, что должен что-то по этому поводу сделать, если смогу.

— О каких страданиях ты говоришь? А что власти, не могут они что-нибудь сделать?

— Им пока до этого не дотянутся, к тому же они не понимают, что происходит. Я нашел... — он заметил ее предупредительный взгляд, оглянулся и увидел, что рядом с ним молча стоит официант.

Взяв у официанта меню, он обсудил его с Дороти и сделал заказ. Официант ушел, и Брансон продолжил:

— Я нашел одного парня, который в состоянии мне помочь. Но я еще не уверен, что он захочет. Это — Хендерсон, баллистик из красного отдела. Ты помнишь его?

— По-моему, нет, — призналась она, немного подумав.

— Такой крупный мужчина, слегка с брюшком, лысеющий на макушке, в очках без оправы. Ты встречалась с ним несколько месяцев назад.

— Все равно не могу вспомнить. Наверное, он не очень-то производит впечатление.

— Думаю, что нет, да он никогда и не стремился к этому. Он не из тех, на кого женщины обращают внимание.

— Хочешь сказать, что он очень замкнут?

— Пусть будет так. — Рожа, которую скорчил Брансон, изображая Хендерсона, вызвала у нее улыбку. — Он может позвонить в любую минуту. Меня не будет дома еще несколько дней, но пусть это тебя не тревожит. У меня есть веские причины для этого.

— Так говорил и этот тип, Рирдон.

— Чертов Рирдон! Теперь слушай. Если этот парень, Хендерсон, позвонит, скажи ему, что я на работе и со мной нет связи. Спроси, что мне передать. Если ему надо, чтобы я позвонил, выясни, куда мне позвонить, в магазин или по какому-нибудь другому номеру. Все понятно?

— Я справлюсь. Искусство брака и состоит в том, чтобы уметь справляться с чем угодно.

— И еще. Если кто-нибудь — Рирдон, или тот здоровый иностранец, или еще кто-нибудь — придет к тебе и начнет донимать вопросами, ты все еще ничего не знаешь, хорошо? Ты не слышала о Хендерсоне, даже если ты только что разговаривала с ним по телефону. И не обращай внимания, кто спрашивает: репортер, агент ФБР, хоть маршал в полной форме, ты все равно ничего не знаешь. Ладно?

— Хорошо, — согласилась она. — Но могу я узнать, кто такой Рирдон?

— Офицер разведки.

На ее лице выразились удивление и озадаченность:

— Тогда это явно его работа, а не твоя...

Он оборвал ее:

— Первое: страдания многому учат, а он не страдает и вряд ли сможет понять психологию тех, кто страдает. Второе: есть разные идеи, из чего состоит разведка. И третье: он обучен иметь дело с обычными вещами и пользоваться обычными методами. Я не хочу, чтобы он путался у меня под ногами и предлагал мне свои методы: достаточно правил, которые я выполняю в институте, чтобы подчиняться каким-то еще.

— Хорошо, если он покажется у нас, я буду разговаривать с ним с широко раскрытыми, ничего не понимающими глазами.

— Так и сделай. Его, конечно, не проведешь, но и узнать от тебя он ничего не должен.

Им подали заказ. Во время еды они вели пустую беседу, но за кофе Брансон опять вернулся к беспокоящему его предмету.

— Еще один вопрос: этот верзила, которого ты определила как иностранца. Я видел его несколько раз, но попробуй его описать. Разные люди видят по-разному, и ты можешь дать мне дополнительные детали, которые очень пригодятся.

Дороти сделала то, что он просил, и еще раз доказала, что весьма наблюдательна. В дополнение к тому описанию, которое помнил Брансон, она добавила маленький белый шрам, длиной с дюйм, расположенный по диагонали с правой стороны верхней губы. У него есть привычка морщить губы после того, как он задает вопрос, и тогда шрам особенно выделяется, сказала она. Кроме этого она ничего существенного не добавила к тому, что помнил Брансон.

Правда, ей показалось, что этого человека очень трудно вывести из себя, но если уж выведешь, то успокоить его будет еще труднее.

— Он вел себя с тобой грубо?

— Нет, нет, он был сама вежливость.

— Гм, — сказал он и начал в задумчивости постукивать пальцами по крышке стола.

Официант неправильно понял этот жест и принес счет. Брансон заплатил по счету и, когда официант отошел, спросил Дороти: — Ты не замечала за последние дни, что за тобой кто-то следит?

— Нет, Рич, ничего подобного я не замечала. Ты думаешь, такое возможно?

— Возможно. Любой, кто хочет выяснить, где я, будет держать тебя в поле зрения.

— Да, наверное.

— Постарайся заметить, не околачивается ли кто-нибудь около дома. Если увидишь, что кто-нибудь все время топчется там, то не беспокойся. Но постарайся хорошо его рассмотреть, чтобы при встрече могла подробно описать. Возможно, я смогу уцепиться за эту ниточку.

— Но он может оказаться просто другим офицером?

— Да, вероятно, что он будет из конторы Рирдона. Но вполне возможно, что он будет из совершенно другой компании, и тогда он тот, кого я ищу, — он встал и взял свою шляпу. — Скажи детям, что я скоро вернусь. Я позвоню тебе завтра вечером, когда дети лягут спать.

— Хорошо, — согласилась Дороти, взяла сумку и чемоданчик и вышла вместе с ним. На улице она спросила: — Тебе нужна машина? Может, тебя куда-нибудь подвезти?

— Я лучше обойдусь без нее. Слишком много народу знает ее номер. Я не хочу объявлять о своем возвращении в город.

Она положила руку ему на плечо.

— Рич, ты уверен, что знаешь, что делаешь?

— Нет. Я как слепой, идущий на ощупь и старающийся за что-нибудь ухватиться, — он посмотрел ей в глаза, стараясь успокоить ее взглядом. — Я могу ничего не добиться. Но если так случится, я должен быть уверен, что это не из-за моего бездействия.

— Я представляю, как ты себя чувствуешь.

С деланной улыбкой она направилась к автомобильной стоянке.

Брансон проводил ее взглядом, пока она не скрылась из глаз, потом остановил такси и направился к конторе другой транспортной компании. Он не возлагал надежд на этот визит, но ему нужно было получить подтверждение словам Ричардса.

Там ему сказали: «Слушайте, мистер, без имен и фотографий у вас те же шансы найти этих парней, как выпить с Тутанхамом. Они могут быть кем угодно и могут находиться где угодно. Что вы хотите, чтобы мы сделали?»

Брансон вышел оттуда с полной уверенностью, что этот путь тупиковый. И так, ему надо было попробовать начать с другого конца. Он признает себя побежденным только тогда, когда испробует каждую возможность, и не раньше.

Бродя по незнакомым улочкам, он размышлял. Нет ли других путей, которые могут привести его к этим шоферам? Он мог придумать только одно место, где можно, попытаться их найти: это станция и особенно станционный буфет. Служащий станции, буфетчик или какой-нибудь другой шофер — словом, тот, кто часто бывает на станции, может вспомнить их по описанию.

А если исключить эту пару, то что тогда останется? Во-первых, этот детина, который за ним следил. Он тогда исчез около его дома и, возможно, живет где-нибудь по соседству. И еще остаются те двое, которые поймали его на лестнице. Он видел их какие-то доли секунды, когда падал, и буквально минуту после того, как пришел в себя. Но их лица запечатлелись в его

памяти с фотографической точностью, и он был уверен, что, встретить их где-нибудь, тут же узнает. Но где их искать? Как и исчезнувшие шоферы, они могут быть кем угодно и где угодно.

В итоге своих размышлений Брансон пришел к выводу, что в запасе у него три возможности: используя Дороти как приманку, найти этого здоровяка и через него выйти на остальных; связаться с Хендерсоном и уговорить его действовать вдвоем или найти Рирдона, все ему рассказать и пользоваться его силами и решать проблему методами Рирдона.

Последняя идея так ему не понравилась, что он автоматически ускорил шаги и направился к станции. Он не знал, да и не мог знать, что это было первое его движение в правильном направлении.

Придя в буфет задолго до обеденного перерыва, Брансон уселся на высокий стул, заказал кофе и подождал, пока официант обслужит других посетителей. Когда парень освободился, он кивком подозвал его к себе, наклонился через стойку и заговорил тихим голосом:

— Вольт, я кое-кого ищу, и ты можешь мне помочь. Ты не помнишь двух довольно здоровых парней в комбинезонах и фуражках, пивших здесь кофе около недели назад? Они выглядели как шоферы грузовиков. А говорили они о каком-то убийстве.

— Убийстве? — Вольт изогнул брови с выражением человека, надеющегося на лучшее, но ожидающего худшее. — Нет, мистер Брансон, не помню ничего подобного. И ничего подобного не слышал. Нет, я не помню этих парней.

— Постарайся вспомнить. Два шофера. Сидели как раз вот здесь.

Вольт послушно задумался.

— Нет, мистер Брансон, извините. Я бы должен был их запомнить, если они были шоферами. Шоферы к нам редко заходят, я и не помню, когда это было в последний раз. — Тут его осенила другая мысль: — А вы уверены, что тогда я работал?

— Да, ведь ты всегда работаешь по вечерам в пятницу, не так ли?

— Да, это так, но, может быть, я был тогда занят. Я не больно смотрю по сторонам, когда у меня много работы. Люди вокруг меня постоянно разговаривают, но я стараюсь не очень-то слушать, пока они не начинают выкрикивать заказ.

— Ты думаешь, что запомнил бы их, появись они здесь несколько раз?

— Конечно, — ответил Вольт. — Я же сказал, шоферы к нам редко заходят.

— Значит, может быть один вывод: они были здесь всего один раз и ты их ни тогда, ни после не видел?

— Конечно.

— Хорошо. А вот такого парня ты не помнишь, он был здесь несколькими днями позже? Шести футов ростом, вес фунтов двести, плоский нос, тяжелые скулы, грубоватое лицо, белый шрам над верхней губой, напоминает переодетого полицейского. Он сидел вон там, как раз напротив зеркала, ничего не говорил, а только уставился в зеркало, как будто оно его загипнотизировало.

— Носит кольцо в виде змеи на левой руке, — продолжал Вольт, распрямляя брови.

— У него, по-моему, было кольцо, но я его не рассматривал.

— Разговаривает как иностранец?

— Я сам не слышал, чтобы он сказал хоть слово, но очень может быть, что он приезжий.

— Был здесь несколько раз. — Вольт взглянул на часы. — Примерно в это время. Не видел его уже около недели. Я его хорошо запомнил потому, что он всегда сидел, обшаривал нас глазами и не говорил ни единого слова. Он иногда уставится на меня, как будто хочет на что-то пожаловаться, но ничего не говорит.

— Что-нибудь знаешь о нем?

— Вот только то, что я считал его иностранцем.

— Когда-нибудь видел его в компании кого-нибудь, кого ты знаешь?

— Нет, мистер Брансон, — ответил Вольт и со скучающим видом вытер несколько невидимых пятен со стойки.

— Плохо, — сказал Брансон.

Вольта окликнул клиент, тот подошел и обслужил его, потом навел порядок на дальних полках. Брансон все сидел над своей чашкой кофе. Наконец Вольт вернулся к нему и сказал:

— Его, по-моему, зовут Коззи или Косси, что-то вроде этого. А зачем он вам?

— Да тут о нем полицейский расспрашивал. А откуда ты знаешь его имя?

— Как-то вечером он сидел здесь, как всегда уставившись в зеркало, а тут пришли четверо парней, один из них поздоровался с ним и назвал его то ли Косси, то ли Коззи. Ему это не понравилось. Он посмотрел на парня таким тяжелым взглядом, надел кепку и вышел. Парень на это только пожал плечами.

— Знаешь этого парня?

— Нет. Я видел его несколько раз, но не часто. Просто случайный посетитель, который заходит сюда под настроение.

— А тех трех других знаешь?

— Одного из них, Джима Фолкнера.

— Ну ладно, — сказал Брансон, отодвинул чашку и встал. — А где можно найти этого Джима Фолкнера?

— Я не знаю, где он живет, мистер Брансон, могу только сказать, где он работает. — Вольт опять взглянул на часы. — В парикмахерской Воуса на Бликер-стрит. Он должен быть сейчас там.

Брансон направился в парикмахерскую, которая была неподалеку. Это было небольшое грязное помещение с двумя служащими и четырьмя стульями. На неприбранном полу валялись остриженные волосы. Один парикмахер, седой мужчина лет пятидесяти, обслуживал клиента, сидевшего на дальнем стуле. Вторым, щуплым юноша, развалился на скамейке и читал комикс. Когда Брансон вошел, юноша встал и указал ему на стул. Брансон сел и попросил:

— Покороче сзади и по бокам.

Когда юноша закончил, Брансон расплатился и, сунув ему чаевые, тихо сказал:

— Я бы хотел переговорить с тобой с глазу на глаз.

Подойдя с ним к двери, юноша спросил таким же тихим голосом:

— Что вы хотите?

— Ты Джим Фолкнер?

— Да, а откуда вы знаете мое имя?

— Мне сказал его мой друг, Вольт, из станционного буфета.

— А, этот зомби.

— Я пытаюсь найти парня, которого последний раз видели в этом буфете. Такой большой, здоровый тип, который был там несколько раз. Вольт сказал, что однажды вечером ты был там с тремя друзьями и один из них поздоровался с этим типом. Ты помнишь это?

— Конечно, помню. Такой большой тип, всегда очень мрачный. Жиль еще засмеялся и сказал, что они такие закадычные друзья, как кошка с собакой.

— Жиль?

— Жильберт. — На лице юноши появилось беспокойство. — А вам зачем это? Вы что, из полиции?

— Разве я похож на полицейского? Я просто потерял след этого парня и хочу его найти. Это личное дело. Жильберту нечего беспокоиться, могу тебе поклясться в этом. Так кто такой Жильберт и как его найти?

Фолкнер ответил с явной неохотой:

— Его полное имя Хильберт Мичел. Он работает в «Стар-гараж», в конце дороги.

— Это все, что я хотел узнать. Спасибо за помощь.

— О'кей, — ответил Фолкнер, все еще сомневаясь, хорошо ли выдавать своих друзей.

Мичел оказался хорошо сложенным парнем с будто приклеенной улыбкой. Его руки были перепачканы автомобильной грязью, и несколько пятен грязи были даже на щеках. Вытерев

лицо и руки еще более грязной тряпкой, он переключил свое внимание на Брансона.

— Я ищу такого здорового парня, — начал Брансон. — Правда, не знаю ни его имени, ни адреса. Его последний раз видели в буфете на станции. Вольт сказал, что ты там тоже был с Джимом Фолкнером и парой других парней. Ты поздоровался с этим верзилой, а он не очень-то обрадовался этому. Что ты о нем знаешь?

— Ничего.

— Но ведь ты с ним разговаривал, не так ли?

— Просто убивал время.

— Но все же ты должен о нем что-то знать.

— Нет. Я видел его много раз в бильярдной в нижнем городе. Я ходил туда два-три раза в неделю, и почти всегда он был там. Обычно он играл за соседним столом. Он играл с таким мрачным типом, который звал его Косси. Вот и все, что я знаю.

— Когда Косси там показывается?

— По-разному. Иногда он приходит туда рано, иногда довольно поздно. Самое лучшее время около девяти часов. — Мичел расплылся в улыбке. — Не вздумайте играть с ним на деньги, мистер. Он вас разделает.

— Спасибо за информацию и за совет.

У него совершенно не было желания играть в бильярд с кем бы то ни было. Единственным его желанием было увидеть цель, а уж дальше он будет действовать по обстановке.

В бильярдной было около тридцати столов, примерно за двадцатью играли. Брансон бродил среди табачного дыма и разглядывал игроков и зрителей, которые так были поглощены игрой, что не обращали на него никакого внимания. Никого из знакомых он там не нашел.

Он подошел к маленькой конторке в углу и заглянул в дверь. За столом сидел лысый мужчина и курил тонкую сигару. У стенки стояло несколько киев с обломанными концами и рядом — раскрытая коробка с зеленым мелом.

— Случайно не знаете здорового парня по имени Косси?

Мужчина поднял голову, показав морщинистое живое лицо. Вынул сигару изо рта и спросил:

— А почему я должен отвечать?

Не обратив внимания на вопрос, Брансон достал бумажник, вынул оттуда банкноту. Мужчина взял банкноту, и она тут же исчезла, как при хорошо отработанном фокусе. Деньги исчезли, но выражение лица от этого не стало более доброжелательным.

— Его зовут Коставик или что-то в этом роде, — сообщил лысый, почти не двигая губами, — живет где-то поблизости. Приходит сюда только последние пять или шесть недель, но довольно часто. По-моему, постоянно переезжает с места на место. Чем зарабатывает на жизнь, не знаю, да и знать не хочу. Вот и все, что я могу о нем сказать.

— А что можно сказать о его приятелях?

— Одного из них зовут Шас, другого Эдди. Есть и третий, но я никогда не слышал его имени. Все они говорят по-английски как-то странно. Если они и горожане, то в их паспортах еще не высохли чернила.

— Очень вам благодарен. — Брансон многозначительно взглянул на собеседника. — Никто вас ни о чем не спрашивал. Ни вопроса.

— Да ничего такого и не было, — ответил лысый, зевнул и опять сунул в рот сигару.

Выйдя на улицу, Брансон перешел дорогу, устроился в подъезде магазина напротив и стал наблюдать за входом в бильярдную. Он получил максимум возможного и должен был пока удовлетвориться этим. Если никто не покажется сегодня, он попробует то же самое завтра, а если надо, то и послезавтра. Очень приятно быть охотником, а не дичью.

Небо уже начало темнеть. На город упали сумерки, магазины закрывались, в том числе и тот, у входа в который прятался Брансон. Правда, света от фонарей и витрин магазинов было достаточно, чтобы разглядеть лица прохожих на обеих сторонах улицы. Единственным неудобством было уличное движение: за силуэтом машины или автобуса вполне можно было незаметно проскочить в бильярдную. Кроме того, Брансон боялся, что какой-нибудь ревностный полицейский выгонит его на улицу. Это должно будет случиться рано или поздно: полицейские не любят бездельников в парадных, особенно у входа в магазин.

Не успела эта мысль прийти ему в голову, как появился полицейский, и как раз на его стороне улицы. Он был всего в ста ярдах и приближался неторопливым свободным шагом. Брансон подумал, что у шпионов не такая уж простая работа, как это кажется на первый взгляд. Он и простоял-то здесь не более десяти минут, а теперь нужно менять позицию. И насколько он мог оценить ситуацию, избежать этого было невозможно, однако выйти и пойти по улице было еще более подозрительным, чем оставаться в парадном.

Важно и медленно полицейский приблизился и проплыл мимо, взглянув на Брансона как на пустое место. Это было очень странно. Все манеры поведения полицейского буквально кричали, что он его видит, но делает вид, что не хочет замечать. Это было совершенно не в духе полиции. Брансон уставился вслед полицейскому, озадаченный и сбитый с толку.

Ровно через час полицейский вернулся и изучил все парадные, за исключением того, в котором прятался Брансон. У этого парадного он улыбнулся и даже поприветствовал Брансона кивком. Затем прошел дальше, заглядывая в парадные и время от времени пробуя замки. Брансон чувствовал себя как человек, которому вручили медаль неизвестно за что.

После этого его внимание снова переключилось на вход в бильярдную. Шесть человек вышло оттуда и четверо вошло. Он видел лица тех, кто выходит, но никак не мог разглядеть входящих. Однако все они были среднего роста и веса, и, очевидно, желанного Коставика среди них не было.

Его терпение было вознаграждено в одиннадцать тридцать. Появились три человека, и неожиданно Брансон узнал в одном из них парня, который поймал его на ступеньках лестницы. Остальные были для него совершенно незнакомы. Брансон не видел, как этот парень вошел в бильярдную, очевидно, это был один из тех, кто при входе показал ему только спину, а мысли Брансона в этот момент были заняты лишь Коставиком. Теперь его внимание переключилось на эту троицу. Насколько он мог судить, одна ниточка другой стоила.

Беспечно разговаривая, троица пошла вдоль улицы, преследуемая Брансоном, который шел за ними по другой стороне. А за ними из темноты вышли еще два человека и последовали за Брансоном, каждый по своей стороне улицы. А еще дальше, на углу, полицейский подал знак, и машина с четырьмя мужчинами медленно развернулась и поехала в том же направлении.

Эта процессия растянулась на полмили. Наконец дошли до места, где от главной улицы отходили несколько боковых улочек, остановились, несколько минут поговорили и разошлись в трех направлениях. Без колебания Брансон последовал за тем парнем, которого узнал.

Идущие за Брансоном двое преследователей разделились и последовали за теми двумя, которых Брансон проигнорировал. Машина остановилась, из нее вылез мужчина который последовал за Брансоном, а машина продолжала свой путь за ним на почтительном расстоянии.

Перейдя пустынную площадь, очевидно ничего не подозревающий лидер цепочки подошел к телефонной будке на углу, вошел в нее и начал набирать номер. Брансон остановился в тени стены и прислонился к холодному кирпичу. Его преследователь сделал вид, что кого-то поджидает, а замыкающая шестивие машина остановилась у тротуара.

Человек в будке дождался, когда телефон соединится, и сказал:

— Косси, яна Десятой улице. За мной следят. А? Да разрази меня гром! Этот парень

настолько зеленый, что над ним как будто мигает сигнальный огонь, как над полицейской машиной, и всюду завывает сирена. Что? Хорошо. Я приведу его к Семми.

Выйдя из будки, он даже не взглянул в ту сторону, где в тени прятался Брансон, а поделовому зашагал по улице. Брансон дал ему немного удалиться и последовал за ним. То же самое сделала машина.

Через полминуты преследующая машина подъехала к телефонной будке и остановилась. Из машины вышел человек, быстро набрал номер, о чем-то торопливо переговорил. Затем он позвонил еще раз и вернулся к машине.

— Этот парень хорош, если, конечно, не даст выпустить себе мозги до того, как все это кончится, — сказал он, обращаясь к водителю.

— Что сообщили на связи?

— Они уже знают, кому он звонил.

Машина тронулась. Ведущий цепочки был уже невидим, но это ничего не значило: человек, который шел за Брансоном, указывал им путь.

Когда машина проехала еще несколько улочек и свернула на аллею, человек, преследующий Брансона, вышел из тени и поднял руку. Он что-то прошептал сидящим в машине и указал на большое здание из серого камня, которое стояло впереди на правой стороне улицы. Когда он отошел от машины, шофер наклонился, сунул руку под приборную доску, достал оттуда микрофон, включил и что-то передал в эфир. Неподалеку от них еще две машины, полные пассажиров, тронулись с места и направились к той же аллее.

Так и не оборачиваясь, человек, который вел за собой Брансона, резко свернул, взбежал на крыльцо и вошел в здание из серого камня. Его фигура растворилась в темноте парадного, но дверь оставалась открытой.

Все еще прижимаясь к стене на противоположной стороне, Брансон осторожно шел вперед, миновал серое здание, остановился на ближайшем углу, оценил ситуацию. У него было два варианта: либо зайти в дом, либо оставаться на улице. Во втором случае ему надо было приготовиться проторчать там до того времени, пока этот парень не выведет его на других участников. Ему обязательно нужна была связь между ними, так как без нее все его догадки и предположения при официальном расследовании оставались только догадками и предположениями и все дело выглядело просто фантастично.

Установить наблюдение за каким-то домом было работой, больше подходящей для полиции или частного детективного агентства. У него в кармане было два адреса детективных агентств, но в данных обстоятельствах от этого было мало проку: детективы не будут знать, за кем наблюдать. Брансон мог дать словесное описание подозреваемых, но после неудачи с транспортными компаниями он не очень-то доверял словесным портретам. Только он, Брансон, мог узнать в лицо этих людей. Таким образом, только он мог довести это дело до конца.

Для того чтобы околачиваться здесь всю ночь, надо было иметь большой запас терпения; у него было достаточно терпения для решения научных задач, но терпения для осуществления возмездия явно не хватало. Кроме того, сегодня вечером Брансон обнаружил определенную связь между подозреваемыми: он следил за бильярдной в надежде выследить одного человека, а выследил другого, значит, по крайней мере двое из подозреваемых часто бывают в одном и том же месте.

Но здесь, в этом каменном убежище, может скрываться и третий член банды. А то и вообще пять или шесть, собрались вместе, замышляют новые преступления да хихикают, сидя за пивом, потому что где-то лучшие люди прячутся от воображаемых трупов.

В нем поднялся гнев. Брансон понял, что сейчас войдет туда и испытает судьбу. В первый

раз за всю свою жизнь он пожалел, что у него нет оружия. Но, вообще-то, оружие не было так уж необходимо. Если гостиничные воришки умудряются проникать в комнаты и обшаривать у спящих людей карманы, то уж он наверняка сможет проскользнуть в это логово, узнать что-нибудь полезное и уйти целым и невредимым.

Он тихонько проберется в здание и узнает имена хозяев квартир, которые наверняка написаны на табличках, висящих перед дверьми. И если одно из имен будет Коставик, то этого вполне достаточно, чтобы выскочить и позвонить в полицию. После того, что он скажет, их не нужно будет приглашать дважды ворваться в квартиру и арестовать всех находящихся там. Вот тогда можно будет вернуться и начать драку.

Брансон подошел к серому зданию, поднялся на крыльцо, вошел в дверь и оказался в длинном коридоре, слабо освещенном одной-единственной лампочкой. Коридор заканчивался узкой лестницей с выщербленными перилами и тесным лифтом сбоку. В коридор выходили двери четырех квартир. На первом этаже было так тихо, как будто ни за одной дверью не было обитателей, а вот сверху доносились приглушенные звуки радио: передавали марш Радецкого. Брансон огляделся — вокруг была грязь, стены с облупившейся краской.

Как можно тише он переходил от двери к двери и читал имена хозяев квартир. В слабом свете лампочки ему приходилось почти водить носом по табличкам. Он с трудом нашел карточку, которая была прикреплена к одной из последних дверей, и успел только прочитать: «Самуэль...», как дверь резко открылась и одновременно Брансон получил сильный удар в затылок.

Все произошло настолько неожиданно, что Брансон потерял равновесие, влетел в квартиру и, не успев опомниться, зарылся носом в ковер. За его спиной захлопнулась дверь.

Инстинктивно Брансон покатился по ковру, наткнулся на чьи-то ноги, обхватил их и резко дернул на себя. Человек с грохотом рухнул на пол. Им оказался Косси. Узнав своего врага, Брансон вцепился в него мертвой хваткой. Над ними склонился кто-то третий, пытаясь прийти на помощь Косси, но тут же получил мощный удар сапогом по коленной чашечке, заорал и выронил нож, который отлетел в дальний угол комнаты.

Еще неделю назад Брансон ни за что бы не поверил, что сможет испытывать садистское удовольствие от того, что будет кого-то душить. Но сейчас он чуть ли не с наслаждением сжимал толстую шею Косси, прекрасно понимая, что, стоит ему ослабить хватку, Косси, который был гораздо сильнее, разорвет его на куски. Эта смесь гнева и страха придала ему такую силу, о существовании которой он и не подозревал.

Огромными волосатыми ручищами Косси попытался оторвать руки Брансона от своей шеи, но Брансон вцепился так крепко, что его противнику удалось только чуть оторвать голову от пола. Они отчаянно катались по полу, и постепенно Косси все больше багровел, дыхание становилось тяжелым и хриплым.

Второй противник Брансона попытался схватить его за волосы, но стрижка была слишком короткой, и пальцы соскользнули. Тогда он ухватил Брансона за плечи, стараясь оторвать его от полу придушенного Косси, но тут же получил еще один удар по ноге, взвыл и разжал руки.

На крики и шум борьбы открылась дверь в соседнюю комнату и послышались шаги нескольких человек. Брансон не стал смотреть, кто идет на помощь его противнику, но вот сильные руки схватили его, оторвали от жертвы, поставили на ноги, и кто-то нанес ему такой удар в лицо, что у Брансона закружилась голова и он начал падать на спину.

Как сквозь вату он слышал чьи-то голоса, шарканье ног, ругань. С трудом поднявшись, Брансон попытался рассмотреть, что происходит, но тут же новый удар в ухо чуть не отправил его в нокаут. Сквозь красный туман он увидел несколько лиц, в одном из которых узнал псевдошофера. Брансон умудрился вывернуться из державших его рук и изо всех сил ударил по

этому ненавистному лицу, почувствовав, как хрустнули костяшки пальцев. Тут же перед его глазами вспыхнули разноцветные искры, и он опять рухнул на пол. Кто-то подскочил к нему и так пнул ногой в бок, что у него перехватило дыхание.

В голове мелькнула неясная мысль, какой ошибкой было то, что он вошел в дом, никого не предупредив. Но больше уж делать ошибки он, пожалуй, не сможет. Инстинктивно Брансон понимал, что следующий пинок переломает ему ребра. Он лежал на спине, ловил ртом воздух и почти терял сознание в ожидании новой боли и неизбежного конца.

Послышалось несколько тяжелых ударов, потом раздался треск ломающейся двери. В комнату ворвалась струя свежего ночного воздуха, и хриплый твердый голос прокричал:

— Стоять!

Настала полная тишина. Пинок, который должен был сломать его ребра, так и не последовал. С большим усилием Брансон приподнялся, держась за живот. Левый глаз у него совершенно заплыл, а правый как сквозь кровавый туман различил темные зыбкие фигуры. Он был неправ. Его противников было не шесть, а восемь. Они стояли все вместе, лицом к нему, но их глаза были прикованы к входной двери. Вся эта группа напоминала восковые фигуры в музее. Брансон почувствовал, как чьи-то руки подхватили его под мышки. С помощью этих рук он медленно встал на ноги, повернулся и увидел четырех мужчин в гражданском и одного в форме полицейского, все они держали пистолеты. Один из них был Рирдон.

Не придумав ничего более подходящего для данной ситуации, Брансон сказал: «Привет» — и, тут же осознав всю нелепость своего поведения, улыбнулся одной половиной лица: другая отказалась ему подчиниться.

Но Рирдон, казалось, не увидел в этом ничего веселого. С полной серьезностью в голосе он спросил:

— С вами все в порядке?

— Нет. Я чувствую себя как подогретый покойник.

— Хотите в больницу?

— Нет, спасибо, я сейчас отойду. Все будет в порядке.

— Ну вы и задали нам работенку, — сказал Рирдон без обиняков. — Сначала отказались с нами сотрудничать и даже просто помочь в чем-либо, а потом решили сделать все самостоятельно.

— Похоже, что я это все-таки сделал, правда, с вашей помощью.

— Ваше счастье, что мы подоспели вовремя. — Он сделал полицейскому жест в направлении молча стоящей восьмерки. — Этих в фургон. Выводить по одному.

По одному, с мрачными лицами восьмерка вышла из комнаты. Ни один из них даже не повернул головы, когда выходил. Косси все еще массировал свое горло.

Рирдон цепким взглядом осмотрел всю комнату и распорядился:

— Ну-ка, ребята, уделите квартирке должное внимание и не забудьте осмотреть все остальное в доме. Если какой-нибудь вшивый адвокат вздумает говорить об ордере на обыск, запишите его в подозреваемые и отвезите в участок. Осмотрите все, если надо, то и стены разберите. Если что-нибудь найдете, звоните прямо в управление. — Потом он повернулся к Брансону: — Ну, Шерлок Холмс, пойдём.

Брансон последовал за ним, чувствуя боль во всем теле и легкое головокружение. Он почти упал на заднее сиденье машины, провел рукой по лицу и чуть не вскрикнул от боли. Лицо горело, один глаз заплыл, ухо распухло, губы были разбиты. Живот как будто скрутило жгутом, и продолжало подташнивать.

Сев на переднее сиденье, Рирдон сказал несколько слов шоферу, переговорил о чем-то по

рации, и они тронулись. К этому времени вокруг серого здания стояло уже три машины и небольшая толпа любопытных, некоторые из них были даже в пижамах. Машина, в которой находились Рирдон и Брансон, помчалась по пустынным улицам. Рирдон, положив руку на спинку сиденья, повернулся к своему пассажиру:

— Если мне надо будет узнать точку разрыва металла при высокой температуре, я приду к вам, но если вам надо узнать, кто подсматривает в вашу замочную скважину, то надо обратиться ко мне.

Брансон ничего на это не ответил.

— У меня нет сомнений, что вы очень компетентны как ученый, — продолжал Рирдон, — а как жулик вы — салага. А уж если говорить о вас как о детективе, то вообще пустое место.

— Спасибо, — мрачно ответил Брансон.

— Когда вы выскочили тогда из поезда, то могли насмерть разбиться. Глупейший поступок. И я вообще не вижу в этом рационального зерна. Это совершенно не стоило вашей шеи.

— Нет?

— Нет. С этого момента мы искали вас, расширяя круг поисков. Мы знали, что некоторые направления были более вероятны из-за лучших транспортных возможностей. — Он немного помолчал и, ухватившись за ручку, которая висела над дверью, подождал, пока машина сделает резкий поворот. — Шефу полицейского участка в Хенбери Паскоу было сказано, чтобы он докладывал о любом странном запросе, который может получить относительно Бельстона, и чтобы он сделал это без промедления. Таким образом, когда он сообщил, что ему звонили по междугороднему и спрашивали насчет какого-то убийства в Бельстоне, и когда сказал, откуда звонили, мы сразу поняли, что звонили вы. Место, откуда вы звонили, находится как раз в том районе, где мы и рассчитывали вас найти.

— Вы сумели связать это, да?

— Конечно! Никто, кроме вас, не мог позвонить именно из этого места и задать совершенно идиотский вопрос о каких-то мифических костях, найденных под деревом. С этого момента мы начали видеть проблески света: вы сами начали рассказывать нам намеками то, что отказались рассказать с глазу на глаз, а именно что на вашей совести, точнее, на вашем сознании висит убийство.

Брансон сделал вид, что очень занят своим синяком, и ничего не ответил.

— Все стало проясняться, — продолжал Рирдон. — Но такого преступления никогда не было. Шеф Паскоу клялся в этом всеми святыми. Это же он сказал и вам. Теперь можно было предвидеть ваши дальнейшие шаги: или это привело вас в ярость, или же вы пришли в неопикуемый восторг от ваших открытий, вернулись к семье и обо всем забыли. На если вы были в бешенстве, то должны были приехать сюда, для того чтобы вытряхнуть кого-то из его штанов. Мы не могли ничего сделать, потому что не имели ни единого шанса найти виновных без вашей помощи. У вас такой шанс был. Мало того, вы могли нас привести к ним. Мы следили за приезжающими машинами, автобусами и поездами. Засечь вас на станции было очень просто, и так же просто было продолжать слежку за вами.

— Я не сидел никого, кто бы меня преследовал, — заметил Брансон и облизнул губы, которые на ощупь напоминали резину и с каждой минутой становились все толще.

— Мы и рассчитывали, что вы этого не заметите. Мы не собирались делать это спустя рукава, — усмехнулся Рирдон. — Домой вы не пошли. Вы начали носиться по городу, жаждая крови. Это нас устраивало больше всего. Вы получили ниточку от официанта в буфете, потом от парикмахера и, наконец, от механика в гараже. А когда вы спрятались у входа в бильярдную, мы решили, что настал момент, когда вы укажете нам кого-нибудь стоящего. Так и оказалось.

— Но пара из них исчезла, — заметил Брансон. — Я не мог следить сразу за тремя.

— Зато мы могли, и, как только они пришли туда, куда шли, мы их тут же взяли.

Машина подъехала к большому официального вида зданию, в котором был освещен только второй этаж. Рирдон вышел из машины, Брансон последовал его примеру. Они вошли в здание, проигнорировали лифт и, поднявшись по лестнице, зашагали по ярко освещенному коридору. Весь этаж имел такой вид, как будто там работают двадцать четыре часа семь дней в неделю.

Остановившись у двери, на которой была только табличка с номером, Рирдон нажал на ручку. Войдя в кабинет, Брансон сел на стул и стал оглядываться, хорошо видя одним глазом и наполовину вторым.

— Не больно-то это мне напоминает полицейский участок, — заметил он.

— А это и не полицейский участок. Полиция является сюда только по вызову. Наше дело шпионаж, саботаж и прочие преступления против конституции, — ответил Рирдон, усаживаясь за письменный стол, потом включил переговорное устройство и сказал в микрофон: — Пригласите ко мне Касасолу.

Через минуту в кабинет вошел довольно молодой смуглый мужчина. У него был вид доктора, которому некогда терять время.

Рирдон кивнул в сторону Брансона и сказал:

— Нашего друга изрядно помяли. Постарайтесь придать ему сходство с человеческим существом.

Касасола кивнул Брансону и повел его в медпункт. Там он сразу принялся за работу: помазал чем-то радужный синяк под глазом Брансона, заклеил разбитую губу, смазал распухшие щеки и ухо прохладной жидкостью. Он, действовал быстро и молча, очевидно привыкнув к такой работе в любое время дня и ночи. Через десять минут Брансон вернулся в кабинет Рирдона. Тот бросил на Брансона оценивающий взгляд и улыбнулся.

— Вы все равно выглядите как после драки с кошками. — Он показал на настенные часы. — Еще не очень поздно, всего без десяти два, но похоже, что нам придется прободрствовать всю ночь.

— Почему? Еще что-нибудь случилось?

— Да. Те двое привели нас еще по двум адресам. В одном месте не обошлось без перепалки. Был ранен полицейский, прострелили руку. Взяли еще четырех человек. Но я надеюсь услышать и о других точках этой сети.

Он бросил испепеляющий взгляд на телефон, и тот, как будто поняв значение взгляда, тут же зазвонил. Рирдон схватил трубку.

— Кто? Мак-Крекен? Да? Еще троих? Что? Уйма аппаратуры? Не вздумайте разбирать ее. Я сейчас же выезжаю с компетентными специалистами. А этих троих пошлите сюда и поставьте охрану у дома! — Он взял адрес, повесил трубку, сунул листок бумаги в карман и встал. — Я думаю, это конец охоты. Вам, наверное, лучше съездить со мной.

— Согласен, — ответил Брансон. — Может, попадется еще кто-нибудь, кому я с удовольствием заеду по физиономии.

— Ничего подобного вам делать не придется, — заверил его Рирдон. — Я беру вас с собой в надежде, что вы сможете что-нибудь сказать нам об этой аппаратуре. Мы хотим разобраться, что это такое, как работает и что с ее помощью делают.

— Сомневаюсь, что от меня будет толк. Я же ничего не знаю.

— Да вы должны знать. Может быть, когда увидите, то проснетесь и вспомните.

По дороге они заглянули еще в один кабинет и захватили с собой двух мужчин по имени Сандерс и Байт. Первый был средних лет, несколько полный и очень важный; второй пожилой, задумчивый и близорукий. У обоих был вид людей, уверенных в себе, у которых никогда не

было крупных неприятностей.

Все четверо сели в машину, и машина отвезла их на другой конец города к какому-то складу и конторе, находящимся на одной из темных боковых улочек. Когда они подошли к двери, им открыл человек с тяжелой челюстью и мощной мускулатурой.

— Мак забрал тех людей, которых мы здесь нашли, — доложил он Рирдону, когда они вошли внутрь, и показал пальцем на дверь в конце коридора. — Двое спали вон там, дрыхли без задних ног. Третьим был тот, который нас сюда и привел. Они очень возмутились нашими действиями, и пришлось вправить им мозги.

— Кто-нибудь показывался здесь с тех пор?

— Ни души.

— Но может явиться еще до утра. Я бы выставил еще пару людей на улице. — Рирдон внимательно осмотрелся. — А где те машины, о которых докладывал Мак?

На складе Рирдон открыл дверь и вошел в помещение склада. Остальные последовали за ним. Грязные и оборванные рекламы говорили, что раньше здесь хранились игрушки. Теперь комната была разделена ширмами на четыре части; одна часть представляла собой спальню на троих, другая — кухню, третья — туалет и четвертая была занята аппаратурой, о которой говорил Мак-Крекен.

Стоя в ряд, они рассматривали хитроумную аппаратуру. Устройство было закрыто панелями, которые можно было легко снять и добраться до внутренностей. Оно было шести футов в высоту, шести футов в длину и фута три в ширину. Весило все это не меньше двух тонн. Сзади к устройству был прикреплен электромотор, а на передней панели была вмонтирована линза. Линза была направлена на черный вельветовый занавес, висящий на стене.

Рирдон сказал Байту и Сандерсу:

— Ну, начинайте работать и посмотрите, что вы здесь сумеете обнаружить. Я не ограничиваю вас во времени, но чем быстрее вы разберетесь, тем лучше. Если понадобится, я буду в коридоре.

Сделав знак Брансону, он вышел. В коридоре в полутьме сидели охранники, наблюдавшие за входной дверью.

Один из охранников проворчал:

— Больше сюда не сунется ни одна крыса: нас выдаст машина у дверей.

— Знаю, — сказал Рирдон, садясь за обшарпанный стол и водрузив на него ноги. — Возьми машину и съезди за теми двумя, которых вы отправили сопровождать арестованных. Оставь машину где-нибудь за пару улиц отсюда, при ней одного человека. А ты с остальными возвращайся. Нас будет шестеро. Этого, я думаю, вполне достаточно.

— Все понял. — Охранник открыл дверь, выглянул наружу и вышел.

Они услышали, как от дома отъехала машина.

— Достаточно для чего? — спросил Брансон.

— Пока мы полностью не кончим с этой бандой, то не будем знать, сколько их всего — двадцать или двести. Может быть, мы уже взяли всех, но кто знает? Некоторые могли остаться на свободе, поднять тревогу, обнаружив, что кое-кого арестовали, и прийти сюда, чтобы уничтожить это устройство. А может, они разбегутся по машинам и самолетам. Неизвестно, что они будут делать, но нельзя исключать вероятность, что они могут прийти сюда.

— Думаю, это правильно.

Рирдон наклонился к нему и пристально взглянул в глаза:

— Вы помните эту нору?

— Нет.

— Ну а аппаратуру узнаете?

— Нет.

— Вы вполне уверены, что никогда не видели ее?

— Нет, я не могу припомнить такого. — Разочарование Рирдона было настолько очевидно, что Брансон опять начал копаться в глубинах своей памяти. — У меня такое чувство, что она должна быть мне знакома, но вспомнить не могу.

— Эх!

Они замолчали. Ни одна лампочка не горела, чтобы не спугнуть возможных посетителей, но свет от уличных фонарей проникал внутрь и позволял видеть происходящее. Так они просидели часа три. За это время еще двое охранников присоединились к ним. В пять часов кто-то дернул дверь и попробовал замок. Один охранник широко распахнул дверь, держа пистолет наготове, остальные тоже вскочили на ноги. Но это был всего лишь дежурный полицейский.

Еще через двадцать минут из задней комнаты появился Вайт. В руке у него была блестящая длинная скрученная лента. Лицо усталое, очки съехали на кончик носа.

— Эту штуку использовали не для собак, — объяснил он. — Это стробоскопический ужас. Парень, который это придумал, сделал бы миру одолжение, если бы разрешил ампутировать себе голову.

— Что это? — спросил Рирдон.

— Минуточку, — сказал Вайт и посмотрел на дверь в заднюю комнату.

Появился Сандерс, он сел на край стола, вытер свое пухлое лицо платком и поднял глаза на Рирдона. Он был пунцовым, по лбу струился пот.

— Будучи предупрежденным и не напичканным наркотиками, я выжил. Другие вряд ли, — сказал он и опять вытер лицо платком. — В той комнате пыток я только что убил парня. Я его разделал быстро и по всем правилам и сделал это с большим вкусом. Я прижал его к кровати и вскрыл ему горло от уха до уха.

— Правильно, — подтвердил Вайт. — Это было обдуманное и хладнокровное убийство, убийство, выходящее из ряда вон по своей жестокости и кровожадности. Одно только подкачало.

— Что? — спросил Рирдон, уставившись на Байта непонимающим взглядом.

— То, что это убийство только что совершил я. Вот так — прямо от уха до уха.

Ошеломленный такой конкуренцией, Рирдон спросил:

— То же место? Та же техника? Те же мотивы? Та же жертва?

— Конечно! — ответил Вайт. — Та же лента, — он помахал блестящей лентой. — Это сцена убийства, — он бросил ленту на стол. — Посмотри сам. Вся эта штука — специальный кинопроектор. Он показывает стробоскопические кадры в естественных красках. Картина проецируется на экран, сделанный из тысячи маленьких пирамид из специальной пластмассы, и пространственный эффект получается без поляроидных очков.

— Ничего нового, — возразил Рирдон. — Это делали и раньше.

— Кое-что новое есть, — заметил Вайт, — фильм снят так, что камера все время смотрит на происходящее с точки зрения того, кто все это совершает.

— И это делалось раньше, — опять заметил Рирдон.

— А что не делалось раньше, так это вырезки на ленте. Пленка нестандартного размера, и она идет со скоростью триста тридцать кадров в минуту. Каждый пятый кадр дает резкую вспышку. Это создает стробоскопический эффект с частотой одиннадцать вспышек в секунду, что совпадает с пульсацией зрительного нерва. Понимаешь, что это значит?

— Нет, продолжай.

— Это эффект вращающегося зеркала. Это вводит зрителя в состояние гипноза.

— Черт, — сказал Рирдон, взял ленту и попробовал рассмотреть ее в свете уличного

фонаря.

— Даже если предположить, что зрителя не напичкали наркотиками, а мы уверены в обратном, — продолжал Вайт, — зритель смотрит фильм, хорошо зная, что это фильм. Но вскоре он входит в состояние гипноза и отождествляет себя с фальшивой памятью. Мозг не может совместить это с местом и временем в памяти. Но в памяти есть пустые места, когда происходили события, не стоящие запоминания. Эта аппаратура создает преступления: преступников, место, обстоятельства, мотивы и примерный период прошлого. И мозг заносит это в память, туда, где ничего не было.

— Это может показаться невероятным для тех, кто не испытал все на своей шкуре, — мрачно заметил Брансон. — Я-то уж хорошо знаю, насколько это убедительное чувство.

— Какой-то гений придумал очень эффективное промывание мозгов, — сказал Вайт, — и этого вполне достаточно, чтобы убедить человека, что белое это черное, учитывая, конечно, что все делается без предупреждения и человек не подозревает, что с ним делают. — Порывшись в кармане, он достал еще одну киноленту и протянул ее Брансону. — Там в контейнере небольшая фильмотека убийств. География на выбор — отсюда до Тимбукту. А эта пленка содержит бельстонское убийство, хотя у меня такое подозрение, что его снимали за тысячу миль от Бельстона. Как вам это нравится?

Брансон посмотрел пленку на свет.

— Бог мой, — сказал он. — Это Элайн?

— Возможно, второстепенная актриса на другом конце планеты, — предположил Рирдон.

— Сомневаюсь, — вмешался в разговор Сандерс впервые за время обсуждения техники. Он все еще был в поту. — Эти картины слишком реальные. У меня такое чувство, что главное действующее лицо действительно погибает.

— У меня тоже, — заметил Вайт.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Рирдон.

— Там смерть слишком естественна, чтобы ее так подделать. Я думаю, что кого-то по каким-то причинам приговаривают к смерти, но им это не объявляют, а надувают их и уговаривают принять участие в съемках. Все они играют роль и только в последний момент узнают, что финальная сцена для них в полном смысле слова означает конец.

Рирдон, с бледным лицом, не выражая никаких эмоций, все это обдумал, потом заметил:

— Я бы не рискнул поставить все на кон. Люди есть люди.

— Во всяком случае, это действует, — возразил Вайт, — потому что те, кого обработали, молчали. Как можно заставить говорить человека, который считает себя убийцей, нашел убежище и видит свое спасение только в молчании?

— Знаю, знаю. — Рирдон многозначительно посмотрел на Брансона. — Я отправлю эту адскую машину куда-нибудь для дальнейшего изучения, — он взглянул на часы, потом повернулся к Брансону. — Нет смысла сидеть здесь дольше. Вы тоже поедете со мной в управление. Мы дадим вам часов восемь поспать, потом накормим. А вот затем вы нам расскажете вашу историю во всех деталях и определите роли тех задержанных, которых узнаете. Потом вы можете идти домой.

В шесть часов вечера Рирдон вез Брансона домой, объясняя по пути:

— Нет сомнения, что они вас тогда выбрали потому, что при сложившихся обстоятельствах вы были самым доступным. Они вас сбили, напичкали наркотиками и увезли, показали вам этот фильм, потом отвезли обратно на лестницу и привели там в чувство, изображая трогательное сочувствие. Затем разговор мнимых шоферов сработал как детонатор, а их напарник отправил вас в бега.

— Так и было, — согласился Брансон. — Жаль, что я не заметил того пропавшего часа.

— Вы были под действием наркотика, — возразил Рирдон. — Надо еще собрать остальные жертвы. Они ведь не знают, что они бегают от призраков, которых мы уничтожили. Но кто может поручиться, что такое не повторится? Та банда, которую мы выловили, могла быть только первой ласточкой, за ней могут последовать другие и обосноваться где угодно.

— Здесь ответ простой, — сказал Брансон, — можете держать меня как живой пример. Расскажите всем, что произошло со мной и как это случилось. Я не против, я буду хорошим противоядием. Ведь все эти люди — ученые, они сумеют сами сделать выводы.

— Думаете, это может привести остальных обратно?

— Конечно! Они тут же появятся как овечки. И это так их разозлит, что они будут согласны работать день и ночь, чтобы придумать контрудар. И рано или поздно они его придумают. — Брансон взглянул на своего собеседника. — Есть еще одна вещь, которую вы мне не сказали и которую я бы хотел узнать.

— И что же это?

— Кто стоит за всем этим?

— Извините, но я не имею права об этом говорить. Но скажу кое-что, а выводы делайте сами. По нашему настоящему требованию трое представителей одного из посольств сегодня ночью срочно покинули нашу страну. И еще. Медаль вы, конечно, не заслужили, но вот ваш семейный бюджет несколько увеличился.

— И то кое-что. Я думаю, что честно заслужил это.

— Да? А я думаю, что в этом мире нет справедливости.

Машина остановилась напротив дома Брансона. Рирдон вышел из машины вместе с Брансоном и проводил его до крыльца. Когда на крыльце появилась Дороти, он сказал:

— Возвращаю вам беглеца. Несколько поцарапанным, но целым. Он обещав мне рисовый пудинг и большой стакан виски.

Застигнутая врасплох Дороти поспешила в дом.

Через четверть часа, держа перед собой стакан виски, Рирдон объявил: «За убийство!» — и выпил все до дна.

Зазвонил телефон. Дороги сняла трубку, потом протянула ее Брансону.

— Это тебя.

Брансон улыбнулся ей и взял трубку.

Далекий голос в трубке буквально вопил:

— Брансон, ты прав! Я совершенно чист! Ты слышишь, что я говорю? Я совершенно чист! Мы должны разобраться в этом вместе, Брансон! Я уже на пути к тебе, я приеду в десять тридцать. Ты меня встретишь?

— Конечно, встречу, — он зажал трубку и сказал Рирдону: — Это Хендерсон, он приедет в десять тридцать, чтобы принять участие в охоте.

— Прекрасно, он может кое-кого узнать тоже, — он уставился на бутылку виски. — Я думаю, что это тоже нужно отметить, а?

Дороти, все еще не понимая, что происходит, наполнила его стакан.

Подняв стакан, Рирдон объявил:

— Ну, еще за одно убийство!

«Гардиан», среда, 5 октября 1963 г.

ПОИСКИ УЧЕНОГО В ГОРАХ

Баден-Баден, 4 октября

Поисковая группа обыскала сегодня самую высокую вершину в Германии, Пугшпийтце, 9.630 футов. Группа ищет профессора Эдуарда фон Винтерфельда, эксперта в области

электроники. Пятидесятилетнего профессора, ведущего специалиста в области радарных установок, последний раз видели в его загородном домике 14 сентября. Он сказал, что собирается предпринять прогулку в горы в район Зеефельдер доломит, недалеко от австрийской границы.

Сегодня его брат, доктор Авхим фон Винтерфельд, сказал, что профессор находился в процессе работы над новым радарным устройством, которое могло найти применение в космической технике и особенно в противоспутниковых системах.

Вполне возможно, что это похищение. Однако его брат и его друзья рассказывают, что последнее время профессор был чем-то очень сильно встревожен.

Заметка напечатана с любезного разрешения редакции «Гардиан» и агентства «Рейтер».